

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

8/2020

Содержание

ПРОЗА

- Леонид ПОЛИНОВСКИЙ. Сад Сталина. Повесть. 3
Игорь КОРНИЕНКО. Давай взорвем весь этот свет!
(Письма с вулкана). Роман. Продолжение. 46
Валентина ПЕТРОВА. Привычка Юдина. Рассказ. 111

ПОЭЗИЯ

- Надя ДЕЛАЛАНД. Свет за окном. Стихи. 43
Станислав ЛИВИНСКИЙ. Один и тот же человек. Стихи. 108
Елена ЖАМБАЛОВА. Эссе на тему. Стихи. 117
Владимир АЛЕЙНИКОВ. «...Этой жизни лицо достоверное».
Стихи. 120

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Георгий КУНИЦЫН. Марксизм в России начинался со лжи.
Продолжение. 123
Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет
Татьяна ПРОХОРОВА. Коллекция сибирской народной иконы. 159

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Яна САФРОНОВА. Химеры русского патриотизма. 175
Картинная галерея «Сибирских огней»
Андрей КУЗНЕЦОВ. Ultima Thule Юрия Шахояна. 188
Авторы номера 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Леонид ПОЛИНОВСКИЙ

САД СТАЛИНА

П о в е с т ь

Максимагорького

Написание заголовка этой главы не грамматическая ошибка, а отражение того, как некоторые названия слышатся в детстве, когда сочетание слов принимается за одно целое. И только позже начинаешь понимать, что здесь как минимум два слова, а на самом деле еще больше: даже не просто «Максима Горького», а «улица имени Максима Горького». Эта особенность отмечена у Марины Цветаевой: «Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина».

В нашем доме на улице *Максимагорького* было четыре квартиры. Не знаю, каким образом дед и бабушка поселились в нем, после того как попутным ветром Гражданской войны их занесло с Урала в Новониколаевск — Новосибирск. К бревенчатому срубам дома примыкала дощатая пристройка с двумя лестницами и площадкой второго этажа. Одной из лестниц — парадной не пользовались, так как дверь, выходящая на улицу, была давно заколочена двумя досками, прибитыми в виде андреевского креста. Это был крест на прошлой жизни, ее укладе, ее законах и беззакониях, красоте и безобразии, богатстве и нищете.

Парадный вход с улицы предполагал иной, устойчивый патриархальный быт, наивно-неспешное течение жизни. Воскресное утро, праздник, откуда-то издали слышится колокольный звон, в доме приятно пахнет пирогами. Глава семейства, его супруга и две дочки на выданье, лет семнадцати-восемнадцати, в праздничных светлых платьях, степенно, не спеша спускаются по парадной лестнице и, приостановившись на крыльце, раскланиваются с соседями. Их ждет экипаж на рессорах, с кучером на возвышении. А колокольный звон все продолжается, и хозяин с хозяйкой крестятся, слегка кланяясь. Старшая дочь чуть улыбается. И вот все в экипаже, кучер причмокивает и трогает вожжи. Красавец конь легко берет с места...

К сожалению, стиль жизни в тридцатые годы оказался несколько иным — менее благостным, парадные входы пришлось не ко двору и, оказавшись невостребованными, пришли в запустение: лестница скудно освещена, слабый свет еле проникает через узенькие, как глаза китайцев сапожников, окошечки над дверью. Китайцы в большом количестве сидели тогда у своих сапожных ящиков вдоль тротуаров на Каменской, потом они как-то резко исчезли. Мне вспоминается опасный, чуть выгнутый сапожный нож с иероглифом на зеркальной поверхности...

При мне парадный вход — это уже заколдованное царство, как зазеркалье. Обитатели дома упорно не желали хоть раз в году, например во время Ленинского субботника, убрать там паутину, смыть многолетнюю грязь и пыль. Пыль забвения. Как будто хотели сказать: «С прошлым покончено. Оно ушло, забыто, кануло в Лету, и не надо ничего вспоминать и трогать».

Позже мы переехали в пятиэтажный, построенный перед войной дом, который не походил на дома экономкласса начала тридцатых: высота потолка три с половиной метра; большая кухня, балконы, лестница вокруг пустой шахты некогда запланированного лифта и по два выхода в каждом подъезде. Для такого дома предполагался иной сюжет: ранним утром к парадному входу подъезжает черная «эмка» или даже «ЗИС-101». Шофер, или, как тогда говорили, шофер, в крагах и кожаной куртке, выпрямившись, сидит за рулем с крайне серьезным выражением лица, сознавая важность своей, казалось бы, повседневной миссии. Он не сигналист и даже не думает выходить, чтобы распахнуть дверцу перед хозяином, — слава богу, не старое время. А пассажир — озабоченный советский служащий, руководитель среднего звена, с потертым портфелем под мышкой, уже спешит, спускаясь к парадному выходу, поправляя на ходу галстук.

Но и там что-то не сошлось. Еще до того, как дом был достроен, советского служащего увезли на другом автомобиле и в другом направлении. К тому же вскоре началась война, и первыми жильцами дома оказались эвакуированные ленинградцы и частично, в меньшем количестве, — москвичи. Однако и после войны ни лифтовая шахта, ни парадный вход так никому и не потребовались. Через несколько лет парадный тамбур перекрыли и оборудовали комнатку для очередного дворника. Дворником одно время работала пожилая женщина, потом она ушла на пенсию и осталась проживать в этой комнатке с сыном. Сын хорошо выпивал, но ухитрился построить в подвале индивидуальную кладовку. Много позже, уже в девяностые годы, жильцов первого этажа расселили, и там разместились элитные магазины, в которые мало кто ходит, — видимо, мало элиты. К тем, кто не ходит, принадлежу и я.

Впрочем, это, как говорят телеведущие, совсем другая история. А в военные годы мы жили в одном из двухэтажных деревянных домов на улице Горького. Поднявшись со двора по крутой, покрашенной в желтый цвет лестнице на второй этаж, ты оказывался на площадке в окружении четырех дверей. Две двери — в «третью» и «четвертую» квартиры

и две — в уборные (название «туалет» мало подходило к этим заведениям и вообще считалось слишком изысканным). Звонков не имелось, поскольку на замок двери закрывались, только если все уходило. Да и затворы того времени — чистая бутафория: они были смехотворно хлипкие, не в пример нынешним.

Наружная дверь в сени, с изогнутой подпружиненной ручкой, была совсем тонкой и изрядно не доходила до пола. За дверью следовали темные сени, где пахло пылью и еще чем-то затхлым, возможно мышами. В сенях можно было зажечь тусклую лампочку, вмонтированную в прорезь дощатой перегородки между квартирами.

Четыре-пять шагов — и вот уже следующая, тяжелая, обитая черным, прошитым крест-накрест дерматином дверь. Стоит только переступить порог, и сразу, как в сказке, тебе открывается совсем иной мир, такой светлый и уютный. Слева за шкафом вешалка, потом обеденный стол, напротив — печь и дверь в комнату. У печки ведро с углем и лучиной на растопку, справа топчан, на нем ведра с водой.

За водой ходили по Каменской на водокачку у Центральных бань. Дальше по Каменской, за банями, был дом, в котором жила моя вторая бабушка. Белый четырехэтажный дом коридорного типа, построенный в тридцатые годы, назывался «Пятилетка» и предназначался для людей нового поколения. И что интересно: дом для счастливых, устремленных в мир коммунизма людей был построен по типу обычной тюрьмы. Такой вот корабль для путешествия в светлое будущее. Однако постепенно быт затягивал и его бескорыстных пассажиров: многих уже не устраивали общие туалеты и кухни, они обзаводились примусами и электроплитками и что-то варили втайне от своих сподвижников из соседних «кают» (вернее — «камер»), а при увеличении семьи стремились занять смежную жилплощадь и пробить дверь в перегородке.

Теперь этот дом стоит заброшенный и обреченный на слом. А могла бы получиться хорошая современная тюрьма — без собак и колючей проволоки, с телекамерами (без камер, увы, не обойдешься) и гуманным содержанием случайно оступившихся граждан, которых лучше на всякий случай снабдить браслетами или вживленными чипами.

Но в давние времена моего детства вся эта обыденность нынешней информационно-цифровой цивилизации могла разве что присниться какому-нибудь фантасту после чересчур бурного празднования двадцать седьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Уголь приносили из сарайчика, там же рубили дрова на растопку. Печь топили утром или вечером. Печное отопление требовало не только больших затрат, но было сопряжено с риском для жизни. Стоило с вечера для экономии тепла слишком рано закрыть трубу, как угарный газ наполнял помещение — и вся семья из временного небытия плавно переходила в вечное. Такой неприятный казус однажды чуть не случился и с нами. Спасло нас то, что я, пребывая в младенческом возрасте, когда инстинкт самосохранения еще не притупился, оказался весьма чувствительным к угарному газу и, проснувшись ночью, своим плачем разбудил бабушку.

Она, хотя уже плохо держалась на ногах, подняла остальных, так что все худо-бедно добрались до дверей и выползли в холодные сени. После этого пришлось смириться с тем, что значительная часть тепла уходит в трубу: экономия могла обойтись нам чересчур дорого.

В комнате было три больших окна, еще одно — на кухне. К зиме оконные проемы вставляли вторые, зимние рамы без форточек. Между рамами укладывали кирпичи, которые закрывали белой бумагой и ватой, щели между рамой и коробкой заклеивали бумажными лентами, стекла по периметру промазывали замазкой. Однако все это мало помогало: зимой на стеклах образовывалась наледь — роскошные рисунки в стиле модерн, экзотические цветы и листья неведомых тропических растений. Все эти сказочные витражи волшебным образом сияли, переливаясь на ярком зимнем солнце. Внизу, в углах, оседал сероватый, похожий на мех иней. На вид он был настолько рыхлым, что, казалось, его можно отковыривать ногтем. По краям подоконника на гвоздях висели большие бутылки из-под шампанского, в горлышки которых вставлялись концы матерчатых полос-фитилей, разложенных по подоконникам. Поздним утром, когда в печи весело горел огонь и по квартире распространялось приятное тепло, лед на окнах начинал таять, вода стекала на подоконник и дальше по фитилям — в бутылки.

На втором этаже кроме нашей была еще одна квартира, где стоял ксилофон, похожий на портативный орган, на нем учился играть старший сын соседей.

На первом этаже располагались квартиры Становых и Ольги Николаевны. Витя Станов был уже почти взрослым и даже ездил в пионерский лагерь. После возвращения он подарил мне тросточку, обожженную на костре до черного цвета, с белыми рисунками в тех местах, где кора снималась уже после обжига. Помню некоторые орнаменты и рожицу с длинным носом-сучком. Недавно, перебирая старые книги со слабой надеждой их куда-нибудь пристроить, на большой книге «Черногорские сказки» я увидел Витину дарственную надпись. Этот томик я хорошо помнил (ведь книг тогда было не так много), но как-то забыл, что это подарок. Спасибо тебе, Витя! Благодарю тебя с опозданием на много-много лет. Скольких еще людей мне хотелось бы сейчас поблагодарить, да только поздно, поздно...

Женщина-гермафродит Ольга Николаевна жила в квартире «под нами». Коротко остриженная, в сапогах, синей юбке и гимнастерке, пережатой широким армейским ремнем со звездой, она вполне вписывалась в военный быт того времени. Из темного коридора первого этажа иногда раздавался гулкий лай. Казалось, там обитает огромная собака с глазами как блюдца, сидящая на сундуке с золотом. Страшно было даже проходить мимо входа в эту мрачно-жутковатую пещеру. Войти туда мог бы только храбрый солдат, да вот беда — все солдаты ушли на фронт. Удивительно, что, когда Раиса Петровна Станова выводила собаку во двор, та казалась совсем не страшной: обычная худая дворняга, бедная дальняя родственница немецкой овчарки.

Дом стоял на пересечении Горького и Каменской. Около дома — парадник, вдоль улиц — тротуары из досок разных размеров и тополя. По булыжной мостовой со стуком двигались телеги, изредка проезжал изящный экипаж на рессорах или зеленая трехтонка «ЗИС-5». Сейчас в городе не встретишь ни одной лошади, а, помню, в шестьдесят пятом дед перевозил свой скарб на новую кооперативную квартиру на самой обычной телеге.

Через дорогу — такие же тротуары, одно- и двухэтажные строения. Против нашего дома по Горького был одноэтажный домик желтоватого цвета. Слуховое окно вырезано в виде полумесяца, под ним пять больших окон, завалинка. Что скрывали голубые занавески, которые никогда не раздвигались? Кто там жил, что делал?..

Вот больная женщина с трудом поднимается с кровати, чтобы приготовить завтрак для своей маленькой дочери. Черные волосы растрепались, черты лица заострились, на щеках нездоровый румянец. Еще немного — и бледная тонконогая девочка останется без мамы. Некому будет поднимать ее утром, заплетать косу, варить кашу...

Я придумывал эту и другие многосерийные истории, составлявшие для меня «человеческую комедию». К сожалению, некому было их рассказывать. Мама как-то раз проявила интерес, но через несколько минут благополучно заснула. В результате сюжеты этих образцов моего устного творчества (я тогда еще не умел писать) история не сохранила.

Не сохранился и домик напротив, возможно, нет уже и его обитателей. Теперь там католический костел. Когда возводили его каркас, я порадовался огромности металлических балок. Если у нас когда-нибудь — не дай, конечно, бог — случится сильное землетрясение или какой-нибудь другой природный катаклизм, то остов костела еще долго будет радовать глаз любознательных китайских туристов.

В начале девяностых, когда мы уже переехали в другое место, наш прежний дом на Горького аккуратно подожгли — обычное дело в те времена. Жертв не было, жильцов быстро расселили. Огонь перестройки, дым отечества... Некоторое время, опаленный пожаром и необитаемый, дом еще стоял на своем месте. Искалеченный и униженный, как жертва политических репрессий, он производил тягостное впечатление. Его следовало бы оставить, подобно скелету мельницы в Сталинграде, только как символ либерально-криминального периода. Но не для того старались, и теперь на месте дома, за елями, стоят таинственные новые строения, возведенные крупным местным магнатом, который однажды даже чуть не стал мэром (какое красивое название, не то что «городской голова» или «городничий»). А со стороны Каменской в новом здании разместились кальянная с говорящим названием «Абдула, поджигай!». Подробная реклама в интернете: «Кальян — 1100, чай — 300, варка на огне — 300 рублей». Мне нравится такая открытость, хотя и не совсем ясно, что такое «варка на огне».

На месте домиков по Горького, среди которых было двухэтажное здание фабрики «Сибшاپка», ныне четырнадцатизэтажное здание с про-

дуктовым магазином на первом этаже. Нумерация домов сохранилась, правда, с пропусками. Из старых домов на своем месте после удачно проведенной «косметической операции» остался всего один. Он стоит на прежнем — но уже как будто не на своем — месте. Неуютно ему среди новых соседей-акселератов, что снисходительно косятся в его сторону, не узнает он знакомые места и стоит в недоумении, как будто очнулся после долгого сна и не верит глазам своим.

Наш двор за высокими воротами и забором был довольно большим, он включал еще один одноэтажный дом и несколько сараев с северной стороны, на их месте с началом религиозно-патриотического ренессанса возвели синагогу. Самый убогий из сараев был разбит на узкие индивидуальные ячейки, так называемые стайки, — результат неизжитых в эпоху раннего социализма частнособственнических устремлений. В стайках, наивно считая их своим имуществом, местные жители держали дрова и уголь, а также разный хлам. В нашей некоторое время обитали корова, петух и несколько куриц. Корова, помимо своего прямого назначения — давать молоко, играла роль обогревателя. Бабушка хвасталась высокими удоями, хотя на самом деле они были весьма скромными. Однажды морозной зимой появился теленок, которого сразу после рождения на некоторое время принесли в кухню.

Летом наши куры вместе с черно-рыжим петухом бродили по двору. На противоположной стороне двора тоже что-то искали и сокрушенно кудахтали несколько пеструшек и белый петух из соседнего дома. Изредка пути двух петухов пересекались, и тогда они топорщили перья и налетали друг на друга, изображая драку. Эти пограничные стычки носили скорее ритуальный характер и являлись поводом для громогласных и жизнеутверждающих криков. Выказав собственное геройство, петухи гордо расходились. В целом же они, не в пример отдельным людям и человеческим сообществам, вели себя вполне разумно.

В нескольких больших сараях с навесными замками и квадратными пропилами в дверях (для кошек) размещались какие-то склады. Для их охраны в маленькой сторожке попеременно дежурили трое сторожей. Пространство внутри сторожки было крошечное, но позволяло, однако, разместить в ней буржуйку, узкую лавку, застеленную вывернутым наизнанку туплом, и сколоченный из досок столик. На большом гвозде около двери висело охотничье ружье. Никто из соседей — да, наверно, и самих сторожей — не знал, что хранилось на складе, и не интересовался этим.

Иногда во двор, центральная часть которого была засыпана шлаком, въезжала черная пятитонка. Помню один случай, мне тогда было года три. Может быть, из-за сильной жары или тесноты в квартире (теперь спросить уже не у кого) я в какой-то момент оказался без присмотра в ванне, стоящей на двух табуретках посреди двора, а купавшие меня взрослые куда-то отлучились. В это время черное чудище ожило, и его задний борт с угрожающей неотвратимостью начал перемещаться в мою сторону. На мое счастье, кто-то из соседей заметил это и предотвратил трагический исход.

Со сторожами у меня сложились доверительные отношения, и мне нравилось сидеть в сторожке. Особенно я подружился с одним из них — по фамилии Назаров. Как-то я поведал ему, что у бабушки есть волшебные очки и она может видеть меня сквозь стены, не выходя из квартиры. На самом деле это был старинный лорнет в черной оправе. Он лежал в красивом деревянном ларце с резной крышкой и извлекался из него только в особых случаях.

Мой умудренный, а может, и удрученный жизненным опытом собеседник позволил себе усомниться:

— Да она просто подходит к окну на лестнице и видит, что ты делаешь.

Моя вера в волшебные очки была слегка поколеблена, но ненадолго. Сегодня я почти уверен, что мой взрослый друг был прав, да вот проверить уже не представляется возможным. Нет уже ни тех стен, ни того лорнета, ни бабушки.

Как-то раз Назаров подарил мне изящного литого чертенка с длинным, загнутым вниз хвостом и маленькими рожками и сказал:

— Держи крепче, а то убежит!

И я старательно, изо всех сил, сжимал в ладонях худое вытянутое тельце с выступающими позвонками, пока бежал через двор, по ступенькам крыльца, вверх по лестнице, сквозь темные сени, — и вот уже вторая тяжелая дверь и комната, где так светло и покойно... Следует сказать, что чертенок все-таки «сбежал», но это случилось гораздо позже.

Фамилия второго сторожа, как мне сейчас помнится, была Демин. Сколько людей, имен, фамилий пропадают, всплывают и снова исчезают, растворяясь в неразобранных архивах памяти! Так теряются в квартире вещи: ключи, карточки, мобильные телефоны...

Охрана, если в ней вообще имелась хоть какая-то необходимость, была организована абсолютно бестолково — грубо говоря, по-дурацки. Это выяснилось в один прекрасный день, когда какой-то из складов обворовали, разобрав заднюю стенку дощатого сарая. Сторож, который охранял склады только со стороны официального входа, естественно, ничего не заметил, хотя и не спал. Разбираться приехали серьезные люди и, сидя за столиком, писали свои серьезные бумаги. Как ни странно, к сторожу, кажется, не предъявлялось особых претензий. Впрочем, я-то не удивлялся: у него ведь не было волшебных очков моей бабушки, чтобы видеть сквозь стены. Кроме того, неизвестно, распространялось ли волшебство за пределы нашей квартиры.

Одно время при складе работал иностранец, один из многочисленных пленных, которые в своих «швейковских» кепках бродили по городу с метлами и тачками или просто томились от безделья. Кто-то сказал, что он румын и его зовут Вася. В укромном уголке двора, в тени от дома он разводил небольшой костерчик и варил себе обед. А запомнился тем, что, к удивлению аборигенов, собирал и варил грибы, которые росли здесь же и считались ядовитыми. Их никто никогда не ел, несмотря на голодные времена. К нам во двор, втайне надеясь посмотреть на летальный исход,

приходили любопытствующие. Но ничего интересного не произошло. То ли грибы были не ядовитыми, то ли в Румынии живут люди с исключительно крепким желудком. Искренне надеюсь, что Вася не погиб, не сгинул в сибирской глуши и благополучно отбыл на свою историческую родину.

Некоторых пленных удалось занять полезным трудом на местных «стройках коммунизма» — например, при возведении помпезного здания сибирского филиала Академии наук. Фасад здания в стиле сталинского ампира — упрощенное подобие древнегреческого храма. Похожую, даже более сложную архитектуру, которой подивились бы древние греки, имеет главный корпус НИИЖТа. Коринфский и ионический ордеры больше пришлись по нраву новосибирцам, нежели более суровый дорический, в котором выполнены фасад и интерьеры Дома Ленина.

За время войны почти совершенно исчезли голуби, впору было заносить их в Красную книгу. И это понятно: в то время мясо этих назойливых птиц позволяло дополнить скудный рацион жителей города. Редкие представители «птиц мира» сохранились до конца войны, и как-то один из этих счастливиц совершенно случайно, очевидно по наивности, залетел к нам во двор. Сразу неизвестно откуда появились несколько человек — охотников за дичью. Голубь держался настороженно, наверное, раньше это и помогало ему избежать печальной участи своих погибших собратьев. Но на этот раз птице не повезло.

Приготовления велись как бы в шутку. К большому металлическому коробу, подпертому кольшком, привязали длинную веревку. Это выглядело как игра в охоту, пока невинная, но уже разжигавшая охотничий азарт. В то же время удивляла основательность и серьезность, с какой все делалось. Для приманки насыпали дорожку зерна — предложение, от которого невозможно отказаться.

Сколько раз за свою жизнь этот голубь готов был поддаться соблазнам, но всегда, перед тем как ему сделать опрометчивый шаг, внутри возникала тревога, не осознаваемое до конца, но грозное предупреждение — так легкая тень от облака пробегает, не оставляя следа, по полю, по траве, по дороге...

И надо же было теперь сделать такую глупость.

Воспитание

Обычные детские страхи множились благодаря стараниям бабушки, которая меня воспитывала. Напротив нашего дома, на Каменской, в таком же деревянном двухэтажном здании, располагалось отделение милиции. Милиционеры носили фуражки с кокардой и синие шинели, перетянутые ремнями. На поясе у каждого висела пустая кобура, в которой иногда размещалась ложка. Во время праздников, при большом скоплении народа, можно было увидеть и конных стражей порядка. Кони у них были стройные и ухоженные, на седлах рельефно выделялись большие красные звезды.

Насколько я помню, главной задачей милиции в то время было ходить по домам и забирать детей, которые провинились непослушанием и другими неблагоприятными поступками. Очевидно, на утренних милицейских совещаниях-планерках одним из постоянных пунктов был вопрос о моем недостойном поведении. Впрочем, несмотря на ранний возраст, я уже подозревал, что угрозы милицией со стороны бабушки не более чем воспитательный прием. Но если в коридоре раздавались тяжелые шаги и слышался чей-нибудь невнятный голос, я через мгновение уже лежал в дальнем углу под кроватью и боялся даже оглянуться в сторону кухонной двери.

В конце концов шаги удалялись и наступала благостная тишина. Выждав некоторое время и не вполне веря своему счастью, я выбирался из своего убежища. Оказывалось, что и на этот раз милиционер с большим трудом был выставлен бабушкой, которой удалось убедить его в том, что я все осознал и решительно встал на путь исправления.

Совсем не помню, в чем все-таки состояли мои прегрешения. Разве что пытался забить молотком ребристый заводной штырек дедушкиных карманных часов фирмы Мозера или бросил в ведро с водой химический (были тогда такие) карандаш. Но с каждым разом сумма прегрешений росла, тучи над моей головой все больше сгущались и защищать меня становилось все труднее. Казалось, что трагическая развязка неминуема. Поэтому я с большим облегчением встретил известие, что бабушке, как всегда вставшей на мою защиту, удалось добиться переезда отделения милиции в какое-то другое место и стражи порядка больше не будут доносить нас посещениями.

Двойственное состояние веры и неверия возникало у меня и в некоторых других случаях. Например, когда под Новый год являлся Дед Мороз с подарками, а мой настоящий дед, по странному совпадению, уходил к соседям. Само собой, это порождало сомнения в существовании Деда Мороза, которые, впрочем, не рассеялись и до настоящего времени.

Отчетливое осознание самого себя и сложности своих взаимоотношений с внешним миром появилось у меня уже в трех-четырёхлетнем возрасте. Около сарая стояла черная бочка для дождевой воды. Как-то раз я оказался в компании нескольких ребятшек ростом примерно с эту бочку и наблюдал, как один из них, который был чуть крупнее остальных и явно верховодил, запускал лодочку, вырезанную из половинки большого огурца. Все присутствующие с интересом отнеслись к испытанию лодки на плавучесть, а я подумал, что зря он испортил продукт и что если родители узнают, то ему сильно попадет. Сам я на такой опыт не решился бы. Хотя, может, это мальчик из сытой «кулацкой» семьи и один огурец для них ничего не значит? Испытатель был невозмутим, серьезен и полностью поглощен своим занятием. Я понял: такие деятельные и уверенные в себе люди нигде не пропадут, можно не сомневаться. И вообще, не так страшен черт и не боги горшки обжигают.

Воспоминания возникают, разворачиваются, как панорама перед глазами пассажира, смотрящего в окно скорого поезда. Переезд, грузовик,

телеги... Какие-то люди в сапогах и телогрейках, женщины в платках и длинных юбках. Проселочная дорога с непросохшей после вчерашнего дождя лужей, с подводами и уныло-серым грузовиком у переезда — два годовалых теленка в кузове, — и вот снова поля, небо... Провода за окном не отстают, все тянутся и тянутся. Вагон то плавно поднимается, то так же плавно опускается. Чем дальше от окна, тем медленнее движение, вагоны бегут по кругу, а где-то там, далеко, ближе к центру, двухэтажный бревенчатый дом на углу Горького и Каменской.

Телеги, груженные мешками, ящиками и еще чем-то важным и нужным, со стуком перекатываются по булыжной мостовой; изредка проплывают легкие экипажи с плетеным кузовом, на рессорах; еще реже громыхают черные полуторки или зеленые трехтонки. По обе стороны от проезжей части на некотором возвышении протянулись тротуары, составленные из досок разного калибра. Одна особенно толстая и широкая доска лежала ближе к улице Серебrenниковской. Мир был слабо упорядочен и походил на небрежно сколоченные декорации бродячего театра.

В начале войны нас «уплотнили», хотя «уплотнять» четверых обитателей однокомнатной квартиры вроде было некуда. Подселили эвакуированного преподавателя физкультуры из ленинградского техникума. Прожил он у нас недолго — всего несколько месяцев. Отбывая на фронт, оставил какие-то свои документы, говорил, что потом приедет за ними, но обещания своего не выполнил. Не вышло, не получилось. Если он попал в число сибиряков, брошенных в начале войны на защиту Москвы, то у него было мало шансов вернуться за документами...

Довольно примитивный предвоенный быт, как ни странно, позволил легче приспособиться и перенести невзгоды военного времени. Во дворе нашлось место для скромного огорода — размером примерно восемь на восемь метров. Каждой семье досталось по небольшой грядке. На нашей бабушка посадила помидоры. Помидоры в открытом грунте не вызревали, их собирали еще зелеными и для дозревания складывали под кровать или в другое укромное место — например, в валенок. Подобные огороды тогда были во многих дворах.

Война шла где-то далеко, но она определяла каждый день, каждый час нашей тогдашней жизни. Дед вставал рано — около шести утра, когда все еще спали. Его мобилизовали на Чкаловский завод, добираться приходилось далеко и трудно, а опоздания жестоко карались. Иногда я тоже просыпался и сидел за столом вместе с ним. На столе горела керосиновая лампа. Мы пили чай, ели черный хлеб, посыпанный сахаринром. Его, вместе с яичным порошком и еще какими-то продуктами в картонных коробках, получали по «американской помощи».

У нас во дворе долго стояла зеленая трехтонка, зимой ее заносило снегом, а весной краска на крыльях отставала настолько, что при некотором старании ее можно было соскрести, используя подручные средства. Бензина в то время не хватало, и на многие машины поставили газогенераторы в виде больших цилиндров с двух сторон от кабины. В качестве топлива использовали деревянные чурки. Мне думалось, что сейчас такая

техника осталась в далеком прошлом, но, оказывается, современные энтузиасты-любители, в основном украинские, тоже снабжают свои машины газогенераторами. И это не единственный случай, когда что-то старое оказалось отвергнуто и забыто незаслуженно, по крайней мере, в технике.

В узком простенке между двумя окнами, что выходили на улицу Максима Горького, висела черная воронка радио. Особый интерес вызывали, конечно, вести с фронта. Иногда к нам заходили фронтовики — и сразу собиралась компания: всем хотелось услышать, понять, почувствовать, примерить к себе. Помню, как молодого солдатика, который сидел у нас за столом, спросили, что лучше: пилотка или фуражка.

— Конечно, пилотка удобнее! Идешь, захотел пить — зачерпнул пилоткой воды из лужи и пей.

Бабушка и другие иждивенцы вязали для бойцов носки и шили рукавицы, которые отличались от обычных отдельным указательным пальцем — под курок. Отряды новобранцев в ботинках и обмотках строем приходили в Центральные бани. В такие дни они закрывались на спецобслуживание. Ноги в обмотках и больших корявых ботинках выглядели по-детски трогательно, особенно когда молодой солдат шел один.

Что касается питания, то оно, конечно, было крайне скудным. В магазинах ничего свободно не продавалось, разве что яичный порошок. Но были карточки на хлеб, жиры, мясо, сахар. Карточки эти были цветные: сиреневые и голубоватые. Получение продуктов в обмен на выстригаемый уголок карточки называлось отовариванием.

Вместо сахара иногда выдавали сахарин или конфеты-подушечки. «Жировые» карточки можно было отоварить маргарином или даже маслом — это уж как повезет. При встрече горожане часто интересовались: «Чем вы отоварили жиры за прошлый месяц?»

Карточная система регламентировалась специальными постановлениями. Рабочие и иждивенцы были прикреплены к определенным магазинам для получения продуктов. Для разных категорий граждан устанавливались разные нормы снабжения. Так, по рабочей карточке гражданин получал больше продуктов, и они были лучшего качества.

Потеря карточек являлась серьезной утратой. Тогда не было компьютеров, чтобы хранить в их памяти информацию о том, кому сколько и чего положено. Обычно карточки теряли дети. Не помню, чтобы такое случалось в нашей семье, но разговоры о том, что кто-то из знакомых потерял карточки, велись постоянно.

В полутемных деревянных магазинах на изрезанных прилавках стояли весы с двумя чашками: на одной толпились тонкошее и округлые гирьки, на другую клали хлеб. Продавцы были виртуозами: сначала от черной сыроватой булки ножом с дугообразной ручкой легко отхватывался большой кусок, к нему добавлялся еще один — так называемый довесок, потом третий — уже значительно меньше, изредка доходило и до четвертого. «Уточка» весов еще не успевали успокоиться, а покупатель уже уходил, уступая место следующему. Как правило, первый кусок был заведомо меньше нормы, а два-три довеска должны были убедить вас

в скрупулезной честности продавца, его стремлении к справедливости и чисто человеческом сочувствии лично к вам. Говорили, что иногда гири выверливались, но это уже было откровенным криминалом.

Приятно выбираться из сумрачного магазина на свет божий, когда кто-то из взрослых идет рядом, с потяжелевшей сеткой. Морозный воздух сладостно чист. Темные стволы деревьев плавно плывут по празднично-легким волнам снега. А каким лакомством казался тот третий, самый малый хлебный довесок! Каким удовольствием было съесть его здесь же на улице, сразу при выходе из магазина, особенно зимой, на морозе! Это был совсем другой хлеб, не похожий на тот, что потом давали дома. Как это получалось, остается загадкой...

Иду мимо современного гастронома, на витрине — пирамиды из консервных банок: красные крабы на белом фоне.

Незнакомая лексика

Как-то я познакомился с одной девочкой, ее звали Лена. Это была первая девочка, которая мне понравилась. И она научила меня материться. Наверно, я ей тоже приглянулся.

Лена жила в конце квартала, как раз там, где лежала самая большая тротуарная доска. Она совершенно непринужденно и свободно пользовалась так называемой ненормативной лексикой. Это было неудивительно. Когда через некоторое время я, пользуясь удивительной, на взгляд нынешних родителей, для своего трех-четырёхлетнего возраста свободой, зашел к Лене в гости, оказалось, что там все не только легко изъяснялись на этом языке, но и предпочитали его всем остальным.

Это наречие содержало интересные, новые для меня слова, которых почему-то не знали в нашей семье. И я, уподобившись первым христианским проповедникам, несущим свет истины дикарям-язычникам, поспешил восполнить этот пробел.

Надо ли говорить, что мои новые познания не удостоились ни восхищения, ни даже скромной похвалы? Более того, оказалось, что я совершил нечто предосудительное! Я был слегка обескуражен.

На мой довод: «Да у них дома все так говорят», бабушка ответила:
— Вот и иди к ним жить!

На это возразить было нечего.

Каким-то образом взрослым удалось прервать мое столь познавательное знакомство с Леной. Какое-то время я еще случайно вставлял в свою речь то или иное ненормативное выражение, но скоро все забыл и освободился от этой привычки. Зато к тому моменту, когда в нашем дворе появились несколько рабочих и, вместо того чтобы заниматься общественно полезным трудом, взялись обучать меня «взрослому» языку, я уже не являлся полным профаном в этой области. И слава богу! В интерпретации моих учителей необычным словам придавалось вполне невинное истолкование. Предвкушая, как я воспользуюсь полученными навыками, не понимая их истинного смысла, работяги испытывали непод-

дельную радость. Их откровенное ликование не могло не насторожить. Употреблять в кругу своей семьи изученное под их руководством я не рискнул, помня свой прошлый печальный опыт.

Из всего сказанного выше следует, что дополнительные знания никогда не бывают лишними.

Картошка

Основным продуктом, который в тяжелые военные и послевоенные времена сохранил жизнь миллионам людей, была картошка. Рабочие, крестьяне, инженеры, солдаты, иждивенцы и прочие граждане не просто выживали, а воевали, работали, выпускали снаряды, танки и самолеты, шили шинели, растили детей и делали еще много других важных для них и для страны дел. Сейчас ставят много памятников: императорам, городovým, пожарным, лабораторным мышам и крысам. Возможно, пора поставить памятник и картошке. В войну не было семьи, которая на отведенном ей участке не выращивала бы сей спасительный овощ.

По инерции картофельная эпопея продолжалась до середины шестидесятых, возродилась в начале девяностых и длится до сих пор, правда, уже в более безалаберном варианте.

В войну к посадке, окучиванию и копке картошки относились по-государственному, со всей серьезностью. Каждой организации отводили поле, ответственные лица заранее выезжали и разбивали его на участки. И когда наконец на машинах привозили новоявленных тружеников полей, каждый получал свой земельный надел — например, пять или десять соток. Про участок в десять соток говорили «загон», а вместо «сажать» — исключительно «садить».

В послевоенное время это стало скорее ритуалом, дополнительным развлечением. В поле выезжали семьями: муж с лопатой быстро выкапывает лунки, жена достает из ведра и разбрасывает по лункам проросший посадочный картофель. Тут же и ребяташки лет от шести и выше. Посадка — дело не тяжелое, скорее отдых на природе. Настроение праздничное. Сослуживцы, вроде бы такие знакомые, предстают в другом обличии. Вместо костюма и галстука — спортивные штаны с вытяннутыми коленями, громкоговорящая или, наоборот, застенчивая жена без макияжа, молчаливый отпрыск... И все свои люди, и хоть разбросаны по полю, но при этом все вместе.

Свежо, но не жарко — весна. К полудню солнце начинает пригревать голову, спину, землю. Приятно расстелить плащ, достать термос, разложить нехитрые запасы: хлеб, колбасу, яйца. Вскоре после обеда работа заканчивается, все неспешно тянутся к машинам, которые стоят поблизости в березовом лесочке — колке около поля. Шоферы, отдохавшие на сиденьях, вынутых из кабин, нехотя поднимаются. Народ чуть ослаблен, как после бани. Все довольны: теперь не пропадем!

Раза два за лето выезжали на окучивание картофеля, а в сентябре выкапывали. Урожай на свежей земле были хорошие. Осенние дни теплые,

ласковые. Мешки с картошкой стаскивали к краю участка. На каждом мешке бирка, а то еще и красный лоскут. Машины ездят по полю вместе с грузчиками-добровольцами. Шофер записывает адреса, намечает маршрут доставки. Грузчик растаскивает мешки по кузову: у заднего борта — первых адресатов, у кабины — последних. Грузчик-доброволец отправляется вместе с машиной, остальные добираются кто как может.

Позже, когда я учился в старших классах, и потом, уже в более чем солидном возрасте, я часто вызывался сопровождать машину. Мне нравилось ездить в кузове, перекидывать мешки — это была веселая, нетяжелая работа. Каждый мешок весил, наверное, килограммов пятьдесят-шестьдесят. Приезжаешь по адресу, уже почти темно — глубокие сумерки, хотя день еще достаточно длинный. А хозяин уже тут: добрался на электричке или на каком другом транспорте и принимает мешки.

Выкопанную картошку засыпали в ямы. Яма — это городская разновидность погребца, их рыли во дворах или на пустырях. Деревянная, обшитая железом крышка закрывалась на навесной замок. Были случаи, когда замки сбивали, могли даже прокопать ход из соседней, брошенной кем-то ямы. Охотились в основном за соленьями разного рода. И сейчас еще, проезжая на электричке мимо изъеденного, будто оспой, пригорка с провалами, заросшими бурьяном, на месте заброшенных ям, можно увидеть то, что осталось от оборонительных рубежей передовой линии народно-продовольственного фронта.

Шестое октября

Воскресенье, 6 октября 2019 года. Когда-то 1919 год представлялся необычным, героическим, в ореоле славы Гражданской войны: «Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной...» И вот теперь, через сто лет, — где те шлемы и где те комиссары?

Какой день, какое во дворе солнце, сколько тепла, золота, счастья — так и собирай, бери горстями, как опавшие листья! Необычное тепло для этого времени в Сибири. Никогда больше не будет 6 октября 2019 года. Никогда больше не будет моих родных, чье пристанище укрыто тонким, слегка потемневшим пологом, плотным слоем из чешуек, еще недавно бывших листвой. С каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой все меньше остается времени до рокового рубежа, что уже давно маячит на горизонте. Можно ли с этим смириться, существовать, жить?

Помню, что меня еще в раннем детстве удивляло, как все странно устроено: почему я смотрю на все изнутри себя и кто посадил меня в эту оболочку, как в милицейскую будку посреди улицы, среди шума и суеты, потока машин и толкотни прохожих? Прикидываюсь человеком — наверное, это проще, чем собакой или деревом. Может быть, я заброшен сюда, маскируюсь, нахожусь в засаде, собираю важные оперативные сведения? Только вот кому их передать? «Первый, Первый, я — Гондурас, я — Гондурас! Как слышно?»

И вот уже следующий день, такой же благодатный и теплый. В парке под золотыми сводами белка перебегает по отжившей листве от дерева к дереву. Светло-желтые кроны берез на фоне такого пронзительно-яркого неба. Неужели это я, неужели все так и должно быть? Здесь и сейчас? И это то, что называется жизнью? Не верю! Не может быть. Посмотри, это же я, Господи!

Вот мне год, большая пустая комната родителей, где я редкий гость. Держусь за стенку, все так неустойчиво. Что-то интересное, круглое ударяется о стену и катится от нее. Зачем-то надо его догнать. И я отрываюсь от стены и делаю свой первый шаг — шаг во Вселенную, в космос.

А вот старый Новый год, я у бабушки в доме на Горького, моя кроватка стоит с обратной стороны печки, разделяющей кухню и комнату. Металлические перекладки с сеткой создают замкнутое пространство. Я стою, держась за перекладину.

Посреди комнатки — елка с картонными серебряными слонами, мухами, которые больше слонов, блестящими невесомыми шариками. Гирлянды флажков и много-много огоньков — фиолетовых, синих и желтых. Верхний свет гасят, и я как будто не в комнате, а на дне сказочного подводного мира. Этот фиолетово-синий мир плывет, светится, изысканно холодный и волшебно хрупкий. Но вот среди этого холода — огонек, такой знакомый и теплый. Я протягиваю руку и говорю свое первое слово: «Жета!» Кажется, этот мир не такой уж плохой.

Вот мне десять лет, осенью я пойду в четвертый класс. Я хорошо учусь. Новую учительницу зовут Прасковья Наумовна. На фотографии я сижу с ней рядом. Но за все надо платить. По партам передают записку, все улыбаются, и вот она доходит до меня, там хорошо, может быть даже талантливо, изображен некий комический персонаж в длинном пиджаке. И подписано: «Поляк — Прасковьи сынок». Я рву записку. Кажется, что ее больше нет.

Вот мне двадцать лет, я учусь в Томском политехническом. Вместе с двумя друзьями-одноклассниками мы снимаем комнату в домике на берегу Ушайки. Домик вполне приличный, позже нам приходилось жить в здании, стены и полы которого были наклонены градусов на двадцать от своего исходного состояния. Первая неделя, занятия в восьмом корпусе, на четвертом этаже, в кабинете около лестницы. На короткой перемене (в то время делали перерывы через сорок пять минут) встречаю ее. Она выходит из соседней аудитории. Мои глаза в изумлении расширяются. Наверно, у меня довольно странный вид, но ничего не могу с собой поделать. По расписанию нахожу ее группу — второй курс радиотехнического.

Вообще-то, странно: как мы жили тогда без сотовых, без интернета, без электронной почты? Узнал ее имя через знакомого, выпускника нашей школы. На физкультуре (я записался в секцию легкой атлетики), когда нас гоняют по кругу, пытаюсь представить ее облик: пушистые волосы, большие серые глаза...

Иду домой по бульвару среди елей, и вдруг стихи: «Свежий ветер навевает в душу вьюжную печаль. Что она об этом знает? Ей совсем меня

не жаль...» И дальше в том же духе. Печаль, жаль, даль... Прихожу домой и записываю родившиеся строчки на первой странице общей тетради. Матери моего друга, которая приехала его навестить, они понравились. Это даже несколько сгладило ее негативное впечатление от распечатанной и заткнутой бумажной пробкой чекушки около моей кровати.

Может быть, мое увлечение так и закончилось бы только мечтаниями и грезами, если бы не случай: по возвращении с каникул мы с ней оказались в одном купе в общем вагоне проходящего поезда.

Я отдаю свой чемоданчик-балетку друзьям и провожаю ее до той халупы, где она снимает комнатку. Не повезло, что в этот раз на мне кирзовые сапоги. Они выглядят безобразно, особенно по сравнению с какими-нибудь импортными, например чешскими, туфлями с рантом, в виде лодочки, на белой каучуковой подошве — не туфли, а мечта. Никакого сравнения с сапогами или брезентовыми красноносими ботинками. Наличие сапог мне сильно мешает, да ничего не поделаешь. Больше я их после этого случая не надевал. День теплый, предвесенний, народ высыпал на улицу. Идем через город, мимо института, при встрече со знакомыми я не здороваюсь.

Навещаю ее через несколько дней. Она болеет, лежит в розовой ночной рубашке. Воротник расшит белыми нитками. Пустая комнатка с неровными стенами, солнечный предвечерний свет сквозь кривое оконце. Сажу на табуретке у кровати. Как жить, что делать, о чем говорить? Когда выхожу, не могу сдержать совершенно глупую улыбку. Двенадцатилетняя дочь хозяев, что оказалась на дороге, смотрит с недоумением, потом улыбается понимающе и насмешливо.

Учусь кое-как, вернее — почти совсем не учусь, пребывая в каком-то недоумении. Вроде так надо, да и нет ничего лучшего. Специальность, по нашим понятиям, благородная. Не то что какие-то там очкарики из университета.

Как писал тогда один мой сокурсник: «Повсюду техника, везде машины, и всюду мы, и всюду мы. Болты, болты, резцы, резцы»*.

И все-таки мешала некая раздвоенность, я старался минимизировать свои умственные усилия и затраты времени на обучение. Оставить резерв, сэкономить силы — правда, неизвестно для чего. Как будто у меня не одна жизнь. В институте я встречал таких же бедолаг. По большей части их отчисляли после первого, реже — после второго курса, как одного из моих друзей. А я как-то удержался. Правда, приходилось много чертить. Зато можно было не ходить на лекции, если староста либерал и «не замечает» твоего отсутствия. От сессии до сессии. Диплом синий, зато морда красная, а не наоборот.

А жизнь не идет, а летит, чуть касаясь земли, к чему-то неизвестному, хорошему. Ведь это наш мир, наша планета, наши горы. Это нам предстоит преодолеть пространство и простор. Несмотря на временные трудности. Какие наши годы!

* В. Шушарин, «Гимн механиков». — Прим. авт.

Соседка по квартире, комнату в которой я снимаю с друзьями, приглашает меня на новогодний вечер в музыкальное училище. Яркий свет, музыка, я что-то пишу на бумаге — все, что приходит в голову. Она забирает листок, ее глаза светятся, в них жизнь, интерес, счастье. Мы обмениваемся фотографиями.

Позже, через четыре года, когда я уже снова жил в Новосибирске, она приезжала и чего-то ждала от меня. Встречал ее и потом, когда, еще лет через шесть, навестил наше старое жилище. Она вышла уже с ребенком на руках и с укором спросила:

— Почему ты не приехал раньше?

Летом еду в Сочи. Двое друзей провожают меня до вокзала, в буфете мы выпиваем немного вина. В купе так приятно перезнакомиться, острить, играть в карты. Все такие простые, милые. Симпатичная девушка смотрит ласково. Вот уже вечер, уговариваю ее уступить нижнюю полку женщине лет сорока. Теперь наши с девушкой полки рядом. Магнитное поле замыкает свои силовые линии. На другой день она выходит в Оренбурге. День становится скучным, свет в окнах — тусклым, а попутчики — неприятными и даже враждебными. Из Сочи пишу письмо. К осени возвращаюсь в Новосибирск, однажды прихожу после занятий — на подушке ответ. Аккуратный, почти каллиграфический почерк. Радость возникает, кипит где-то внутри, как в котле, не прорываясь наружу!.. К сожалению, со временем она уходит. Наше знакомство продлится три года.

И снова судьба: в Сочи случайно встречаю бывшую одноклассницу М., приехавшую с матерью отдыхать. И не просто одноклассницу, а девочку, в которую, как мне казалось, был влюблен в девятом классе, когда школа снова стала смешанной. Я даже хотел как-то раз с ней объяснить, но не случилось. Может быть, потому, что один из моих друзей, которому ее скромное обаяние также запало в душу, в отличие от меня, предпринял некоторые шаги — и потерпел неудачу. Или потому, что у меня украли шубу и я ходил в школу без верхней одежды.

И вот Сочи, солнце, ресторан, пляж. Комнатка, в которой они с матерью поселились, совсем близко. Никто не верит, что наша встреча случайна:

— Наверное, вы сговорились.

Случай или судьба, провидение? М. расцвела и выглядит намного лучше, и ведет себя раскованнее, чем в школе. Легкий загар ее так красит, а фигура... Какая может быть фигура у восемнадцатилетней, чудесно развитой голубоглазой блондинки? Венера, Афродита, выходящая из пены морской. Вечером мы, с согласия ее матери, идем в парк на танцы, потом долго сидим на скамейке под кустами. Теплая, по-южному темная ночь, которая обступает со всех сторон и в которую проваливаешься. Мы о чем-то говорим с М., шутим. Наверно, надо ее поцеловать... Она уклоняется. Но это не мешает нам говорить, смеяться все так же легко, непринужденно.

Через несколько дней они уезжают. По просьбе ее мамы и вопреки слабым протестам с ее стороны я провожаю их на вокзал. Перрон залит

солнцем. Вот их купе, и я заносу туда чемодан. Их места друг над другом, все так удачно. Поезд уходит. А мне еще отдыхать, купаться, загорать...

Все когда-то заканчивается, отодвигается, уходит в сон, боль, воспоминания.

Вообще, матери моих знакомых девушек относились ко мне с доверием. Одна из них как-то с шутливой иронией пожаловалась:

— Вы знаете, Леня, как трудно быть матерью двух взрослых дочерей!

Лет через семь еще одна случайная встреча в автобусе: М. окончила мединститут, замужем, работает в больнице заводским отделением. А через несколько лет случайно узнаю о ее гибели в автокатастрофе. Поехали с мужем на мотороллере проведать сына, отдохавшего за городом. Как можно было попасть под машину на обычно пустой в те времена дороге? Нелепый и странный случай...

Сколько выборов, сколько перекрестков на твоём пути: направо пойдешь... налево пойдешь... Сколько поворотов удалось пройти, а впереди еще один — самый крутой, последний. Как много людей, с которыми говорил, встречался, жил и которых любил, ушли, исчезли, обратились в прах, дым, боль, ветер...

Улица Советская

Война еще не кончилась, а эвакуированные уже начали покидать гостеприимный Новосибирск и отбывать в родные пенаты. Не беженцы, а именно эвакуированные: они не были брошены на произвол судьбы, а организованно, под надзором и при помощи государства перемещались вместе со своими предприятиями, учебными заведениями, театрами и оркестрами в назначенные места.

Пятиэтажный дом на Советской был построен перед самой войной, и первыми его жителями стали эвакуированные. Теперь освобождавшиеся квартиры предоставляли сотрудникам местного геологического управления*. Наша семья тоже переселилась туда.

Многое здесь было непривычно, особенно высота. Первое время, поднимаясь по лестнице в нашу квартиру на четвертом этаже, я шел, придерживаясь рукой за стенку, подальше от перил. Холодная вода подавалась нерегулярно, а о горячей не было и речи. Запас воды хранили в ванне, всегда наполняя ее доверху. Позже, через несколько лет, раз в неделю стали давать горячую воду, и все члены семьи, а иногда и гости, мылись по очереди.

Считалось, что электроэнергия больше нужна для производства, а люди в своих квартирах могут обойтись и без нее. Но строгость законов, как известно, компенсируется необязательностью их исполнения. И электричество подключалось тайно, по блату**. В целях конспирации

* Сибирское районное геологическое управление, размещавшееся в Новосибирске. — *Прим. ред.*

** Это было связано с недостаточной выработкой электроэнергии новосибирскими ТЭЦ: сказывались нехватка топлива, персонала и т. п. — *Прим. ред.*

окна завешивались одеялами, как в прифронтовой полосе. Ближе к концу войны были некоторые послабления и даже стали подавать ток, но розетки опечатывались в буквальном смысле — заклеивались бумагой с печатью. В то же время на барахолке свободно продавались так называемые «жулики» — самодельные устройства, состоящие из лампового цоколя и розетки.

В доме не работало отопление, поэтому зимой мы все жили в одной комнате, там же, где готовили пищу. Изредка с большими предосторожностями включали обогреватель.

Когда мы заселились, в нашем подъезде еще не освободилась квартира, которая была отведена семье Косыгина. Сам глава семьи время от времени, насколько ему позволяла его весьма ответственная работа (в то время он был председателем Совета народных комиссаров РСФСР), навещал своих близких, и соседи даже видели, как он чистил ботинки на лестничной площадке. Когда Косыгины уезжали, бабушка купила у них кое-какую мебель, что было при тогдашнем дефиците большой удачей. Там был диван, обитый черным дерматином (некоторые его части потом нашли приют на даче). До сих пор в первозданном виде сохранились тумбочка и шкаф.

На последнем этаже задержалась семья Кокуевых из Ленинграда. У них был сын Борисик, на год младше меня. Его мать приходила к бабушке за советами по кулинарии и воспитанию. Сохранилась профессиональная фотография, где мы с Борисиком, причесанные и положительные, сидим на двух стульях и пристально смотрим в объектив. Позже, уже закончив учебу, я волей случая оказался в Ленинграде и случайно встретил юношу, чей облик напомнил мне моего юного друга, но постеснялся его окликнуть.

Мы иногда получали продукты из «американской помощи» (по так называемому ленд-лизу), например, яичный порошок или суповой набор. В картонных, пропитанных воском коробках с иностранными надписями еще долго после войны хранили крупу или вермишель. На некоторых коробках был изображен орел. Кроме того, по организациям распространялись американские подарки, говорили, что они поступали в танках и автомашинах, которые присылались из США. Мне уже в конце войны таким образом досталась маленькая шинель из серого сукна с погонами и прекрасными полусферическими медными пуговицами, на которых был выдавлен все тот же орел. Бабушка эти замечательные пуговицы срезала и заменила на пластмассовые, совершенно безликие. Шинель я носил несколько лет, а она все никак не изнашивалась, пока я не начал на ней регулярно кататься с ледяной горки. Из ее обрезков мне выкроили рукавицы, которые я проносил еще несколько лет.

Помню высланную еще в начале войны из Москвы в Новосибирск немецкую семью: мать и дочь с маленьким ребенком. Мать, Стефания Фердинандовна, представлялась как Стефания Федоровна. Ее дочь Наталья Георгиевна незадолго до приезда сюда рассталась с мужем. Он не был немцем, и она поэтому могла оставаться в столице, но последовала за

матерью. Стефании Фердинандовне к тому времени было уже хорошо за шестьдесят, и она ходила, опираясь на палку с изогнутой ручкой и блестящей монограммой. Теперешние шестидесятилетние женщины рядом с ней смотрелись бы как ее дочери, а некоторые — даже как внучки.

Каким-то образом она познакомилась с моей бабушкой, и в конце войны, когда я еще не ходил в школу, меня стали обучать немецкому языку. Несмотря на войну с Германией, в школах и вузах наряду с английским продолжали давать немецкий. Наталья Георгиевна преподавала язык военным-курсантам. Ее сын Владимир был моим ровесником. Он узнал меня через сорок лет, когда мы с ним случайно встретились при выходе из магазина. Владимир рассказал, что давным-давно, в нашем еще дошкольном возрасте, я доверительно поведал ему, что в Америке живут лучше, чем у нас. Откуда я это взял — не представляю. Может быть, случайно услышал чей-то разговор и уже понимал, что об этом не надо говорить открыто. Диссидент в коротких штанишках. Мать и бабушка Володи, когда он им это рассказал, естественно, постарались его разубедить: — Мы живем лучше, даже никакого сравнения!

При другом раскладе мое диссидентство могло бы дорого обойтись моим близким.

Сразу после войны родители несколько лет работали по «Урановому проекту»* в Германии. Общее руководство, как известно, осуществлял «английский шпион» (как это позже выяснилось) Лаврентий Павлович Берия, начальником Саксонского горного управления, которое занималось геологоразведкой и добычей урана, был генерал-майор Михаил Митрофанович Мальцев, бывший начальник Воркутлага. Личности, по масштабу не уступающие генералу Лесли Ричарду Гровсу, руководителю «Манхэттенского проекта». По окончании работ часть сотрудников управления получила Сталинскую премию первой степени. Денежную сумму, правда, разделили на всех, зато каждому выдали красивую медаль и огромную папку с дипломом, на котором была подпись самого И. В. Сталина.

В сорок седьмом году провели денежную реформу. О ней стало известно за несколько дней, и все бросились что-то покупать, лишь бы израсходовать деньги. Мои родители в то время работали в Германии, но часть зарплаты получали в рублях. Обмен производился в масштабе один к десяти, и размер наших накоплений усок до пренебрежимо малой величины. Впрочем, для нашей семьи это были не первые и не последние финансовые потери.

Наше детство было намного менее благополучным, чем у нынешнего поколения. Но, на зависть сегодняшним детям, у нас был двор. Двор — это территория, это целое сообщество: твои друзья, сверстники. Все обитатели двора имели клички, псевдонимы: Налим, Прыг, Армян, Шопена, Волчий, Шакал. Некоторые прозвища легко расшифровывались: Налим — изворотливый, скользкий, Прыг — по фамилии Прыгунов,

* «Урановый проект» СССР — советский проект по созданию атомной бомбы. Урановая руда для него добывалась в Тюрингии и Саксонии. «Манхэттенский проект» — аналогичный в США. — Прим. ред.

Армян — одно время ходил в тубетейке, Шопена — громко плакала*. Когда позже выяснилось, что Шопен, оказывается, композитор, это стало для нас большим откровением. Так как детей было много, иногда для друзей использовали одно прозвище на двоих.

Большой двор между двумя пятиэтажными кирпичными домами по Красному проспекту и улице Советской включал постройки разного калибра, начиная от двухэтажных бревенчатых зданий и кончая дощатыми халупами. Заборы, сараи и гаражи делили его на отдельные дворики-ячейки, этакие удельные вотчины большого княжества. В некоторых были небольшие огородики с морковью и капустой. Здесь мы не просто гуляли или проводили время, здесь мы росли. В любое время дня: утром, днем или вечером, — стоило только выйти из подъезда, и ты оказывался в компании сверстников, играл в прятки, догоняшки и другие, пусть и не самые интеллектуальные, игры.

Жестких границ у большого двора не было, в его зону влияния попадали и некоторые обитатели соседних кварталов. Например, у нас постоянно торчали жившие через дорогу два брата — Птица и Махорыч. Последний, получивший прозвище за пристрастие к табаку, виртуозно играл в зоску**, набирая по пятьдесят-шестьдесят очков. Был период, когда ребята постарше играли в городки или в волейбол, а мы только уважительно наблюдали. Но потом и сами включались в игру, когда кто-то выносил футбольный мяч. Одно время во дворе стоял стол для настольного тенниса. Местом игр были и крыши сараев: летом по ним бегали, зимой с них прыгали в сугробы.

Принадлежность к одному двору или дому создавала некую общность, группу. Иногда это приводило к усобицам между ребятами с разных дворов. Как-то мы с товарищем пытались разрушить горку в соседнем дворике, где жил наш одноклассник. Горку построил его отец, он поймал нас с поличным, но отпустил с миром. До сих пор стыдно вспоминать такие эпизоды.

Первая весна в новом дворе. Весенний день такой яркий, что слепит глаза. Я стою около подъезда у теплой стены из красного кирпича. С трудом мне удастся поднять взгляд, и сквозь ресницы я вижу девочку, что неведомо откуда вдруг оказалась рядом. Это так удивительно и так чудно! Она так странно знакома, так изумительно близка. И так похожа на маму... Вместе с удивлением мысль: да, так и должно быть. И все ясно: вместе отныне и во веки веков. И надо же, как все быстро и бесповоротно случилось! Мне — пять, а ей — четыре года. И она тоже все понимает — этого нельзя не понять. Сама судьба, само провидение, силы небесные!.. Помню, что мы подолгу играли и нам не было скучно.

* На уличном и воровском сленге «давать Шопена» означает «играть музыку на похоронах». — *Прим. ред.*

** Игра в зоску — соревнование, когда играющие по очереди подбивают боковой стороной стопы самодельный волан (изначально — кусочек свинца с «парашютом» из меха). Выигрывает тот, кто дольше всех не дает зоске упасть на землю. — *Прим. ред.*

Я уже оповестил родителей о своей женитьбе. Мама, конечно, сказала, что будет еще много чего. Она просто ничего не понимала, а у меня-то не было никаких сомнений. Когда я пошел в школу, а Нина (так звали эту девочку) еще оставалась дошкольницей, мы несколько отделились. Потом было временное отчуждение — не только с ней, а со всеми существами противоположного пола, — затем переходный возраст...

Из своего окна на третьем этаже Нина могла наблюдать за тем, что происходило во дворе, подобно тому, как знатная дама, обмахиваясь веером, из своей ложи безмолвно наблюдает за ходом рыцарского поединка. Как-то раз она стала невольной свидетельницей моей стычки с соседом, который имел обидную кличку — Старуха. Драка была своеобразной: мы не били друг друга кулаками, а, оказавшись неизвестно по какому случаю в кузове машины с песком, совали этот песок друг другу в рот. Это было страшно неприятно, я задыхался и хотел уже сдаться, но тут случайно посмотрел на своего противника. На его лице отражалась такая мука, что стало ясно: он, как и я, уже на пределе и почти готов просить пощады. Окрыленный, я стал кормить его песком с удвоенным старанием и вскоре одержал безоговорочную победу. И Нина меня за муку полюбила.

Но так везло не всегда. Как-то я играл с товарищем в настольный теннис и не сразу заметил, что она за нами наблюдает. Успел ввязаться в глупый спор, расчиховался и даже бросил ракетку. В общем, показал себя не лучшим образом.

С каждым годом отдаляясь, мы уже не разговаривали, но так и не стали чужими. Стоило только посмотреть друг на друга при случайной встрече, и нам становилось ясно, что ответ той чудной детской привязанности еще жив, он остался в виде легкой волны понимания, сочувствия, светлой грусти и сожаления. Что поделаешь, такова жизнь.

Когда нам было лет по двенадцать-тринадцать, Нина вместе с родителями переехала в другой город. Через несколько лет, будучи студентом и приехав домой на каникулы, я хотел ее увидеть (она в это время гостила у родственников), но, когда наконец решился на визит, было уже поздно. Так мы и разошлись, разъехались, ни разу не увиделись за десятки лет и теперь уже не увидимся никогда. Разве что в какой-то иной жизни.

В начале пятидесятых несколько мелких домишек, примыкавших к нашему дому, снесли и начали пристраивать к нему крыло. Строительство продвигалось медленно. Сначала вырыли котлован, где выложили основание в виде разветвленного лабиринта. В то беспокойное время под некоторыми домами устраивали бомбоубежища, которые позволили бы сохранить как можно больше граждан в случае ядерной войны. Мы называли это место катакомбами. После их возведения работы по какой-то причине остановились: иссяк энтузиазм или не хватило средств, а может, вследствие частичной разрядки международных отношений строительство бомбоубежищ стало неактуальным. То, что строительный бум сошел на нет и стройка заморожена, обитателей двора нисколько не удручало: поверху было хорошо гоняться друг за другом, а внизу, подальше от посторонних глаз, устраивались «разборки», как это сегодня стали называть. Стычки

порой заканчивались фонарем под глазом или разбитым носом, а часто и тем и другим. После одного такого эпизода один из моих передних зубов лишился своего уголка. И сегодня, через много лет после того случая и примерно через двадцать лет после мирного ухода из жизни моего тогдашнего противника по прозвищу Налим, язык привычно обнаруживает небольшой скол. Невосполнимые потери.

Как-то, уже в весьма солидном возрасте, Налим сказал обо мне нашему общему знакомому:

— Это враг моего детства.

На зиму над котлованом воздвигли крышу наподобие чернобыльского саркофага. Тогда катакомбы стали местом экзотических экскурсий с фонариками.

Школа

К тому времени, когда я пошел в школу, война уже кончилась. Мы с бабушкой жили в кирпичном, или, как тогда говорили, каменном, доме на Советской. До школы на Красном проспекте (теперь там первая гимназия) было недалеко.

На тот момент существовали мужские, женские и смешанные школы. В одном здании располагалась женская сорок вторая и смешанная восемнадцатая. Бабушка выбрала смешанную, так как считала, что там будет более мягкая и благопристойная среда, что благотворно скажется на моем воспитании. До конца четвертого класса она внимательно следила за моими успехами в учебе. После чего посчитала свою миссию выполненной, решив, что я стал достаточно взрослым. Помню, как под ее руководством я и мой товарищ — Витя из деревянного дома (был еще Витя из каменного) готовились к экзаменам в четвертом классе и прикрепляли к двери большой лист бумаги, на котором писали формулы. В то время экзамены проводились во всех классах, начиная с четвертого, а после седьмого выдавали свидетельство об окончании неполной средней школы. За учебу с восьмого по десятый класс взималась плата, не очень обременительная. Позже ее отменили, а среднее образование стало обязательным.

В первом классе было больше тридцати учеников, примерно половину составляли девочки, среди них была дочь нашей учительницы. Девочкам разрешалось не стричься наголо. По рассказам старших я знал, что ученикам начальных классов полагается бесплатная булочка, которую выдают на большой перемене. Радостное ожидание начала учебы было, в частности, связано с предвкушением возможности получить лакомство. Привлекала не столько сама булочка, сколько право на нее. К сожалению, надежды, как это часто бывает, оказались напрасными: эту льготу отменили в год моего поступления, а через год ликвидировали и смешанные школы.

В первый день занятий, во время какой-то заминки, мы с товарищем встаем и выходим из класса в середине урока. В коридоре за дверью стоит изгнанный ученик, его лицо наполовину залито чернилами.

Мы кривляемся, потешаясь над несчастным. У нас отличное настроение. Но не успеваем вернуться, как нас тут же выгоняют: оказывается, выходить с урока без разрешения не полагается. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

В подвале, возле вешалки, толкаю какую-то девчонку, наверно будущую актрису, и она ни с того ни с сего начинает громко и картинно плакать. Пока я стою в недоумении, какой-то незнакомый пацан говорит: «Беги!» И я вдруг понимаю, что это самый простой и единственно правильный выход. Да здравствует мужская солидарность!

Так в первый же школьный день я постигаю много нового.

Фотография первого класса сохранила эти испуганные, насмешливые, серьезные и лукавые лица девчонок с косичками и стриженных наголо мальчишек. Дети войны, ваши лица, стриженные головы, одежда так четко запечатлены в моей памяти! Хорошо помню и учительницу Евгению Карповну, ее черный свитер, закрывавший шею. На фотографии первого класса я сижу с ней рядом. Во втором — уже где-то сбоку.

В сорок седьмом, в связи с кардинальными преобразованиями в сфере образования, восемнадцатая смешанная школа перестала существовать, и во втором классе мы начали учиться в том же здании, но теперь уже в сорок второй мужской школе. Девочки перешли в женскую школу, а наш класс наполовину обновился. Мужская школа просуществовала до пятьдесят четвертого года, когда произошло обратное преобразование и школы снова стали смешанными, но ни одна из бывших одноклассниц не вернулась в наш класс.

Интересно, чем руководствовались вышестоящие органы, когда принимали такие решения, и как эти преобразования отразились на психике подрастающего поколения? Возможно, они связаны с тем, что первые десятилетия после революции были периодом отказа от прошлого, и в том числе от раздельного обучения в гимназиях. Потом, во время и сразу после войны, началось частичное возвращение к старому.

За все десять лет обучения я не менял своего класса, но, если посмотреть на выпускную фотографию десятого «Г» сорок второй школы, окажется, что таких учеников всего три. Такое тотальное обновление связано не только с глобальными процессами и переездом родителей, но также с тем, что тогда многих оставляли на второй год.

В первый послевоенный год появились тетради, и теперь уже не приходилось писать на старых газетах. Были в достатке тетради для письма в косую линейку и в клеточку по арифметике, а вот букварей не хватало. Мне, собственно, букварь был не нужен. Еще до школы бабушка усаживала меня за кухонный стол рядом с учеником, с которым она занималась репетиторством за литр парного молока. Это было уже после того, как мы лишились своей коровы. Ученик был веселый, из породы неунывающих жизнелюбов, вечно измазанный чернилами. Обложки его учебников были густо изрисованы рыцарями в шлемах.

К первому классу мне заказали в мастерской нечто вроде мундирчика с выпуклыми блестящими пуговицами со звездой. Недавно про-

читал у Лимонова, что эти пуговицы со звездами тоже изготавливались в Америке. Главным достоинством мундира было то, что к нему полагались нормальные брюки. До тех пор я ходил в коротких штанишках с ляпочками, в чулках на резинках, немногим лучше были брючки с манжетами под коленкой.

У Евгении Карповны, которая вела нас до третьего класса, был еще старший сын, курсант войск НКВД. Несколько раз он приходил к нам и сделал ряд расплывчатых фотографий, на которых я все же мог опознать себя и некоторых соучеников. Как-то он принес настоящие наручники. Из литературы мы знали, что в мрачные дореволюционные времена жандармы заковывали в кандалы борцов с царизмом. Но изящные стальные наручники совсем не походили на тяжелые кандалы в виде широких браслетов, соединенных цепями, изображенные на картине Сурикова. В то же время именно легкость и совершенство конструкции, а также обыденность демонстрации произвели устрашающее впечатление. Если судить по современным сериалам, конструкция наручников не претерпела с тех пор существенных изменений.

Вешалка находилась в подвале. Она работала по принципу самообслуживания, на демократической основе. Хищений, видимо, почти не бывало. Пока бабушка не допустила ошибку, вернее, даже две. Во-первых, заказала мне шубку из плотного зеленовато-голубого материала, я до сих пор помню его шелковистую гладкость. Во-вторых, бабушка отправила меня в этом одеянии в школу. Собственно, для школы оно и предназначалось: во дворе я бегал в чем попало.

Шуба с черным цигейковым воротником резко выделялась на вешалке среди остальной одежды довольно непритязательного вида. Несмотря на то что на тряпочке, пришитой к подкладке, химическим карандашом были выведены моя фамилия и класс, в первый же день шуба благополучно пропала. Какой-то ученик, не лишенный чувства юмора, оставил вместо нее изрядно поношенную дерюгу. С тех пор я ходил в школу без верхней одежды, что оказалось весьма практично и к тому же дало мне неплохую физическую закалку.

Неинтеллектуальные игры

Ах, где сейчас мои коньки с загнутыми носами, которые назывались «снегурки» и привязывались к валенкам (шпагат натягивался с помощью палочки)? Их никто не точил, на льду они разъезжались, и кататься можно было только по снегу. Одно из любимых развлечений — прокатиться на халяву полтора-два квартала, ухватившись за веревку с крючком. Это приспособление называлось «колхоз». Крючок цеплялся за один из проходивших мимо грузовиков. Шоферам не нравилось это развлечение, но вряд ли они беспокоились о нашей безопасности. Иногда машина тормозила и шофер пускался в погоню за улетающим экстремалом. Попытки прокатиться повторялись два-три раза. Риск придавал всему предприятию особую привлекательность.

Знают ли теперешние дети, да и взрослые, что такое зоска, чика, поджиг, как играть в эти игры, а еще в ножички, прятки, «бить-бежать» или когда выставляешь ладонь, а ребята тебя бьют сзади и надо угадать «автора»?

Игры, в которые мы играли, уходили корнями в далекое дореволюционное прошлое, благополучно преодолев расстояния, революции, войны, Большой террор и невольное переселение народов. Так, «классиков» было восемь — по числу классов в гимназии. В чикю играли большим пятакон царской чеканки.

Считалки перед игрой начинались со слов: «Я поеду в Иордан — Богу молиться, Христу поклониться...» — и это в то время, когда все мы в основном росли некрещеными, а вера преподносилась не иначе как опиум для народа.

Часто использовалась считалка: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори поскорей, не за-ду-мы-вай-ся!»

Действительно, кто ты такой?

«Эники-беники ели вареники» — это уже настоящий шедевр.

Как-то я подружился со сверстником (назовем его Ринатом), который жил в одном из бараков в нашем большом дворе между Советской и Красным. По знанию жизни и отношению к ней Ринат был намного старше своего возраста. Он где-то достал две палки наподобие клюшек, и мы подолгу гоняли ими смятую консервную банку. Как-то он сказал, что ему надо сходить за отцом, который периодически исчезал из дому и гулял в одной из халуп, что громоздились одна над другой в логу реки Каменки. Этот район, совсем недалеко от центра, назывался Нахаловкой. Такое название он получил за то, что его обитатели самовольно возвели свои скромные, не обремененные архитектурными излишествами лачуги. По моим сведениям, это был небезопасный район. В некоторых из этих домишек можно было некультурно «отдохнуть». Там обитали свободные люди, презревшие грошовый уют, но не из романтических, а из совершенно иных побуждений: «Выпил с утра — весь день свободен».

Идти в такой неблагополучный район, найти и привести оттуда домой взрослого человека представлялось мне сверхтрудной задачей, сопоставимой с работой нашего разведчика в тылу врага.

Через несколько дней на мой вопрос: «Ну как, привел?» — Ринат скромно ответил:

— Да, конечно.

В первом классе я сидел за одной партой с моим товарищем по двору Витей из деревянного дома. У меня был еще один товарищ с таким же именем. Моя учительница немецкого называла одного — Витя из каменного дома, а второго — Витя из деревянного дома. Этого и остальных деревянных домиков давно нет, а иногда так хочется представить палисадник, обшитый серыми досками, домик, где живет мой сверстник, тополя, рядом двухэтажный особняк с неизвестными обитателями. Кто жил в нем в мое время? Откликнитесь!.. Нет ответа.

Одна-две фотографии: забор, угол дома, памятник Сталину, флаги, группы людей перед демонстрацией. Одеты немного странно: широкие штаны, шляпы.

Велик

В раннем дошкольном возрасте мне очень хотелось стать обладателем педального автомобильчика. Два таких автомобиля: один маленький, серый — за триста, другой побольше и, конечно, намного лучше, черный, с блестящими планками — за четыреста рублей, — стояли на верхней полке в магазине на Красном проспекте. Но дома со мной даже не стали обсуждать такую возможность:

— Такие деньги неизвестно за что!

Видимо, так рассуждали в то время и остальные родители, так что автомобильчики долго стояли на своем месте.

Позже, в более сознательном возрасте, у меня, как и у многих моих сверстников, появилась мечта о велосипеде. Велосипеды, по тогдашней градации, делились на гоночные — с выгнутым рулем, переключателем скоростей, ручным тормозом и тонкими шинами; дорожные — с плоским рулем и втулкой-тормозом; и нечто среднее — полугоночные. К последним относился велосипед марки «ЗиЧ», который выпускался на Новосибирском авиастроительном заводе имени Чкалова.

Единственным обладателем велосипеда «ЗиЧ» в нашем доме был Тема С. Однажды он не без гордости поведал нескольким мелким ребяташкам, которых во дворе всегда было достаточно, как на Красном проспекте обогнал мужика на гоночном. Слушатели преисполнились уважения и отчасти даже гордости за свою, хоть и косвенную, причастность к столь знаменательному событию. Так мы гордимся победой нашего спортсмена на Олимпийских играх. Хотя нашелся и скептик, местный Фома неверующий:

— Да, может, он и не хотел за тобой гнаться!

Когда через несколько лет мне купили маломерку, я мог только украдкой проехать по Красному проспекту, так как в те времена на велосипед раз в году нужно было покупать номер. Каждый год цвет номеров менялся.

Если тебе купили велосипед, это не значило, что ты можешь кататься на нем сколько душа пожелает. Выходишь из подъезда, а во дворе всегда найдется двое-трое желающих прокатиться. Ездили по одному кругу — вокруг квартала. Сделаешь круг — и жди своей очереди. Дорога изобиловала естественными препятствиями. От неумелой езды страдало преимущественно переднее колесо. Я делал безуспешные попытки выправить «восьмерку» перетяжкой спиц. Потом погнулась передняя втулка, и колесо стало задевать за раму. Тогда я понял, что обладание имуществом приводит к большим неприятностям и обидам.

Не помню, куда девалась маломерка, но вскоре я стал ездить на взрослом немецком велосипеде Diamant, причем уже в седле, а не под

рамой. Diamant имел, как тогда говорили, легкий ход, что напоминает название рассказа «Легкое дыхание».

...Начал просыпаться, и вдруг показалось, кто-то позвонил в дверь. Может, соседка? Но нет, никого. Ложиться уже поздно. Смотрю в окно. Коренастый мужик из соседнего подъезда, как всегда в это время, несет пакет с мусором. Ветер раздувает его шаровары. Второй Кант. Или мафиози на отдыхе. Выбросив мусор, скрывается за углом, чтобы через двадцать минут вернуться с двумя огромными пакетами. Часто удивляюсь, как много продуктов мы потребляем каждый день. И куда только все уходит? Через окно видно, как в чужой квартире загорается телевизор.

Небо серое, все в тучах, ветер гоняет опавшую листву, как будто отряд кочевников в лисьих шапках перемещается по равнине. «Ветер, ветер, ты могуч...» Изредка проглянет солнце. Почему-то выражение «солнце проглянет» кажется особенно избитым. А ведь так было не всегда, и кто-то это придумал. На улице тепло, первый снег давно стаял, наверно, деревья жалеют, что поторопились сбросить листву, да теперь уж ничего не поделаешь.

Вспоминаю сон, что видел перед самым пробуждением. К сожалению, мало что сохранилось в памяти. Помню, что мы вдвоем с каким-то новым знакомым (во сне порой встречаются вполне приличные люди) едем на автобусе, почему-то задним ходом. Автобус приостанавливается, в дверь рядом с водителем входит его знакомый. «Здесь остановки нет, а мне — пожалуйста». Автобус продолжает свое движение, но теперь кресло водителя и он сам находятся сзади.

Такая досада, такая тоска, такая безвыходность, как подумаешь, что все прошло и ничего, ничего не вернуть, не исправить! А казалось бы, чего проще: всего одна иконка на экране, один клик. Перехожу в другую комнату, из окна вижу улицу, лужи. Машины, набегающие на светофор подобно стайкам ручных зверьков во время подкормки. Много машин и совсем мало пешеходов: раз в десять меньше. Если бы не машины, можно было бы подумать, что город вымер — теперь это город машин.

Смотрю телевизор, концерт филармонического оркестра. Много инструментов — одних скрипок не менее шести. Люди разного возраста: рядом с седовласым пенсионером — юная красавица с нежными бледными плечами. Их смычки движутся в такт. Маэстро в длинном пиджаке с длинными волосами. А вот и солист — бывший земляк, ныне всемирная знаменитость. Скрипка — своенравный инструмент, кажется, что ее звучание в большей степени зависит от исполнителя, чем у других инструментов. Хотя помню, что, когда вживую слушал Рихтера, казалось, что повторить его исполнение невозможно. Он играл мощно, сильно. Рояль был слишком мал и хрупок. Как будто взрослый дядя взгромоздился на детский трехколесный велосипед...

Гуляю по скверу: на круг десять минут, желательно сделать три круга. Так рекомендовал врач после инфаркта. Аллеи идут вдоль, поперек и по диагонали.

Город

Архитектура центральной части города весьма разнообразна, а правильнее сказать — разношерстна: от немногочисленных почтенных должителей, что сохранились здесь в виде отдельных вкраплений и пребывают в ранге памятников архитектуры, до разностильных современных зданий. Среди тех и других есть много прекрасных в своей строгой красоте, но встречаются и вычурные, кокетливо изогнутые строения.

Особое место занимают дома, построенные в тридцатые годы прошлого столетия. Совсем по-другому мог выглядеть центр, если бы он не пострадал, как тысячи наших соотечественников, и в первую очередь молодые выдвиженцы, в сталинскую эпоху. Среди городов таким «выдвиженцем» в первые десятилетия двадцатого века оказался Новосибирск, особенно когда он стал центром Западно-Сибирского края. Это было время обновления и индустриализации, в стране развернулось бурное строительство. И что скрывать, построенные тогда в стиле конструктивизма здания Центрального банка, универмага на площади Ленина, Облпотребсоюза, Центральной поликлиники до сих пор кажутся намного интереснее и современнее своих более поздних собратьев — как в смысле внешнего вида, так и удобства планировки.

Не все они, впрочем, дошли до нас в первоизданном виде. Одни были перепроектированы и искажены на стадии строительства — например оперный театр и вокзал Новосибирск-Главный, — другие подвергались перестройке уже потом: в них изменяли оконные проемы, их фасады украшали лепниной и псевдоколоннами в древнегреческом стиле... Здания горисполкома, треста «Запсибзолото» и некоторые другие вообще можно смело назвать пострадавшими от тоталитарного режима.

Не мешало бы в День памяти жертв сталинских репрессий устроить выставку в одном из них — например, в здании архитектурного университета — под названием «Таким мог быть центр города».

В конце войны здесь размещался госпиталь. Помню яркий солнечный день, возможно, уже после Победы. Раненые в белоснежном белье сидели на подоконниках открытых окон, у них были веселые, радостные лица. И всем, кто проходил мимо, становилось так же легко и весело. Такое небо, такое солнце, и жизнь продолжается!

От позднесталинской эпохи нам достались по наследству постройки в неоклассическом стиле: с лепниной, колоннадами, ярусами пилястр и другими элементами греко-римской архитектуры. Кажется, их создатели стремились остановить время, показать незыблемость и монументальность существующего порядка. Мол, слаб и уязвим человек перед партией, перед государством, скоротечна и незначительна жизнь его по сравнению с эпохой социализма. Такие мысли появляются, когда смотришь на здания НИИЖТа, Совнархоза, филиала АН СССР.

Уже в наше время пострадал от бюрократического рвения Сад имени И. В. Сталина (ныне Центральный парк). От собственно парка в нем теперь мало что осталось: большую часть его площади занимают нагро-

мождения грохочущих монстров, глухой асфальт и плитка. Правда, еще остались старые, больные, с подагрическими коленями березы, похожие на узников Бухенвальда в день освобождения. Они видели кладбищенские мраморные памятники, которые рабочие потом сволокли на край парка, помнят планетарий, куда учителя нашей школы водили десятиклассников. Но кому это интересно в нынешнем мире, где главное — это сколько поставлено аттракционов, сколько уложено плитки, сколько освоено средств...

Одноклассники

Мы рано начали терять сверстников.

Третьеклассник из соседнего подъезда попытался прокатиться по перилам и упал в шахту, предназначенную для лифта. В результате — открытая черепно-мозговая травма. Ему вставили в череп металлическую пластину, и он снова поступил в первый класс.

Жили они вдвоем с матерью. Времена тогда были суровые, и, поскольку внешне мальчишка никак не отличался от своих сверстников, а любая, даже незначительная стычка могла оказаться роковой, шансов выжить в таких условиях у него было крайне мало.

Его хоронили в конце учебного года. Весь класс рассадили в кузове грузовика по скамейкам, которые цеплялись крючьями за борта.

Мать плакала и причитала:

— Кто же будет теперь меня будить, кто будет заправлять мою постель...

Слушать это было особенно тяжело.

Обычно похороны проходили более торжественно. Играл духовой оркестр. В кузове первой машины, выстланном красной материей или коврами, стоял гроб и сидели близкие родственники. На остальных размещались знакомые и иные провожающие. Трагизм ситуации придавал событию мрачную, хорошо запоминающуюся красочность.

Ребенок, который оказывался в первой машине, как бы отделялся от остальных и начинал играть роль объекта особого внимания.

Детская непосредственность порой принимала странные формы:

— Моя бабушка уже старенькая, когда она умрет, я тоже поеду на первой машине!

А как-то раз, когда к празднику выдавали подарки детям погибших воинов, кто-то из нас, кто не попадал в эту категорию, посетовал на свою судьбу.

В нашем классе была пара безответных детей-изгоев, которые безропотно сносили обиды и только печально смотрели вокруг, недоумевая, почему так жестоко и дурно устроен этот мир. Физически они часто не уступали, а некоторые даже превосходили своих сверстников. Сложившееся положение их, конечно, не радовало, однако почти все они воспринимали его более или менее покорно.

Но бывали исключения. Один из таких изгоев, некто Ч., ходивший с вечно кислым выражением лица, покончил с собой, выбросившись из окна. Мы учились тогда в седьмом классе. Хорошо помню выражение тоскливой безысходности, тяжелые, рано обозначившиеся складки в углах его рта. Все лицо его словно говорило: «Как тяжело и неуютно жить на этой земле!»

Раскованно себя чувствовали несколько так называемых блатных, которых опасались задевать, так как считалось, что они принадлежат к полупреступному сообществу. Опасались не того, что кто-то из них может тебя прилюдно побить, а последствий стычки: встретят где-нибудь в укромном месте... Поэтому многие из моих друзей старались уклониться от драки или намеренно уступали более слабому противнику.

«Однопартники» — почти однопартийцы. Во втором классе я сидел за партой с тихим лопухим мальчиком по фамилии Баранов. Он был слишком молчаливый и скромный, и впоследствии мы отделились. Парты у нас были массивные, с наклонной столешницей черного цвета, углублением для чернильницы и откидывающимися крышками. В шестом классе моим соседом был симпатичный молодой человек с большими, широко распахнутыми глазами. Из нас двоих я оказался более хулиганистым. Помню, как писал на своей половине парты: «Ты дурак!» — и изображал стрелку в его сторону. Напрасно бросался он на меня, пытаюсь изменить направление стрелки!

...Через много лет его сын достиг возраста, когда его нужно было определять в первый класс, и оказалось, что устроить ребенка в нашу школу, которая стала престижной первой гимназией, не так-то просто. В конце концов отцу удалось убедить администрацию, что его сын обладает «наследственными» привилегиями. Подозреваю, что этому примеру следовали и другие бывшие ученики. Таким образом, можно говорить о династиях выпускников сорок второй школы, хотя она, к сожалению, и не сохранила своего названия.

Однажды мы всем классом сбежали с последнего урока — английского языка. Это получилось как-то спонтанно. Никто вроде и не собирался, но идею приняли с большим энтузиазмом. Мы только начали заниматься, а осенний день был так ярок, так прекрасен! Кто-то придумал бежать через окно в туалете на первом этаже: сначала выбрасывали портфель, потом прыгали вслед за ним. Было весело. Никто не думал о последствиях. Но на следующий день нас оставили после уроков и повели на дознание, которое проводил профессионал этого дела — наш завуч, бывший сотрудник органов.

В самом начале он заявил:

— Враг не выйдет на улицу и не признается, что он враг!

Против этого трудно было что-то возразить.

В то время власти панически боялись любых спонтанных массовых выступлений. Нам постоянно с восторгом рассказывали об умении большевиков поднимать народ на борьбу, но в действительности всеми силами стремились задушить в зародыше любую инициативу снизу.

Дознание началось с выявления зачинщиков. Первый опрос в присутствии всего класса ничего не дал. Никто не «раскололся». Впрочем, этого стоило ожидать. До этого я не думал, что существует зачинщик: казалось, сама идея носилась в воздухе. Расследование продолжалось, нас повели на верхний этаж, где к тому времени освободилось несколько классов.

Пока шли туда, Шоня Быков, слегка заикаясь, произнес:

— У с-сильного в-всегда бессильный в-виноват...

Заикание было искусственным, оно придавало ему некий шарм, своеобразие, как легкая картавость.

Вызывали по одному. И — почти сразу успех! Видимо, опытный глаз дознавателя заранее наметил жертву, выделил слабое звено. Широкоплечий большеглазый Т. вышел в слезах. Так и вижу его вельветовую куртку с белым воротничком и короткий фиолетово-красный пионерский галстук*.

Метод воздействия был прост. Сначала вспоминали родителей, которые, выбиваясь из сил, обеспечивают неблагодарному чаду беззаботную, комфортную жизнь и образование. Упрекали, что оно, это чадо, не желая отблагодарить папу и маму за такую самоотверженную заботу, ведет себя недостойно: «Они так стараются — и все для кого?!»

Потом следовала угроза, что такое поведение, а главное, упорство и отказ от «сотрудничества со следствием» может навлечь на родителей большие неприятности. И многие из нас понимали, что скрывается за этими намеками, хотя времена уже были другие.

Этот прием действовал безотказно, его успешно освоил и наш классный руководитель, который как-то и меня довел до слез раскаяния. Так тень репрессивного режима слегка коснулась и нас.

Одно время классным руководителем у нас был физик Иван Устинович, который считался одним из лучших методистов в городе. Поговаривали, что он сильно выпивал. Но на доске и в журнале у него всегда был идеальный порядок. Все оценки выстраивались ровными рядами. Формулы Иван Устинович писал на доске медленно, каллиграфически, придерживаясь за нее левой рукой.

Кроме того, он был большим остроумцем. Открывая журнал, медленно говорил:

— Отвечать пойдет... Вот кто... П-п-пе...

И, пока кто-то бледнел и готов был уже вскочить, продолжал:

— П-перевернем страницу.

Я иногда тоже пытался острить, и наши отношения не сложились, поэтому физик старался по возможности испортить мою школьную жизнь, которая в целом не была мне в тягость.

Как-то Иван Устинович зашел на урок английского (один из бесполезных уроков в то время), а я, не помню уже за что, был поставлен

* Пионерские галстуки тогда шились по разным лекалам и из разной ткани, поэтому различались размером и оттенками. Некоторые из них можно было лишь условно назвать красными. — *Прим. авт.*

в угол, точнее — в нишу посреди стены. Все встали для приветствия, а, когда садились, я не знал, что мне делать, и остался стоять (лучше бы сел вместе со всеми). Моя очередная провинность Ивана Устиновича заметно обрадовала, и он подчеркнуто будничным, скучающим тоном, стараясь не выказать своего удовлетворения, объявил:

— Что ж, будем исключать.

Это меня мало расстроило, поскольку никаких оснований для исключения не было: я неплохо учился. По истории и Конституции СССР я вообще был отличником, почти отличником — по математике и даже по физике, если посмотреть объективно.

По-настоящему Иван Устинович отыгрался, когда мы снова стали учиться в смешанной школе: усадил меня с тяжеловесной и несколько туповатой, как мне тогда казалось, дамой, назовем ее А-ва. За те полгода, что мне пришлось высидеть на этом месте, я, кажется, не обмолвился с ней ни одним словом. А-ва была как будто с другой планеты. Рядом с ней я чувствовал себя слишком худым и эфемерным. А она смотрела чуть насмешливо и даже с сочувствием, наглядно демонстрируя знаменитое долготерпение русского народа. Вскоре А-ва покинула наш класс: не то осталась на второй год, не то перешла в другую школу, — так что имени ее я не запомнил. Но сразу пересел в самый дальний угол, на последнюю парту.

Лет через десять после окончания школы один из нас организовал встречу одноклассников и пригласил на нее учительницу математики, которая в нашу бытность старшеклассниками только пришла работать в школу после института. Увидев меня, она сказала:

— Я всегда тебя немного побаивалась. Мне казалось, что ты смотришь с какой-то насмешкой.

Тогда я понял, почему, когда приходил завхоз, — а он всегда приходил именно на математику, — с просьбой выделить пару человек на хозяйственные работы, выбор всегда падал на меня. А если учесть, что учиться я начинал на месяц позже остальных, так как работал в геологической партии, то оказалось, что математику девятого и десятого классов я усвоил в несколько урезанном варианте.

Один год мы учились в третью смену, с четырех часов. Урок начинался уже практически вечером, за окном темнело. Помню, однажды на последней перемене, после изучения политической системы Англии, было особенно оживленно. Каждый бесился, как мог: один лез на парту, другие в шутку наваливались на первого попавшего под руку с криками: «Король царствует, но не управляет!» Кого-то втиснули в угол — и давай «давить масло». Один из одноклассников, технарь-аналитик, предложил вывернуть лампочки и вставить в патрон мокрую бумагу — в расчете на то, что при ее высыхании лампочки погаснут...

Среди всеобщего веселья кто-то удачно заехал мне под дых. В этот момент все встали, чтобы приветствовать преподавателя, а я стал терять сознание, понял, что падаю, почти соприкасаюсь с полом. Пришел в себя уже на ногах: все вокруг кружится, или это я сам кружусь, учитель стоит

рядом и что-то говорит, я ничего не понимаю, но улыбаюсь на всякий случай.

Раз в неделю последним уроком ставили черчение. Преподавал этот предмет добрейший и несколько наивный учитель по фамилии Минин — полный, рыхловатый мужчина лет под шестьдесят. Помню, как все бесились перед его уроком. Но бывают же чудеса на белом свете: буквально через несколько минут после его прихода в классе стояла полная тишина. Как он добивался идеального поведения от ребят, которые откровенно издевались над некоторыми учителями, например престарелой учительницей химии, совершенно непонятно. Минин учил нас бесшумно выстраиваться в проходах для приветствия, не трогая откидных крышек:

— Не стучите крышками. Я этого не люблю.

К сожалению, способность поддерживать идеальную дисциплину оказалась его единственным плюсом. Как преподаватель черчения он был совершенно бездарен. В течение целого урока мы безуспешно пытались от руки изобразить Архимедову спираль или концентрические окружности.

Так получилось, что после школы я и двое моих друзей-одноклассников оказались на механическом факультете и выбрали такую специальность, которая требовала в те годы большой чертежной работы. Каждый курсовой проект включал четыре листа формата А1. Карандаши «Кохинор» (до сих пор у меня сохранилось несколько коробок с карандашами разной твердости) и мягкие резинки было трудно достать. К концу семестра листы становились затасканными, и их приходилось перечерчивать. Работали в последнюю неделю днем и ночью. Я считал хорошей производительностью для себя один лист в день. Готовые чертежи чистили хлебными крошками.

Хорошо чертить я научился только на третьем курсе.

Трамвай

Трамвай в сороковые годы был основным видом городского транспорта. Первый номер ходил от Писарева до Воднолыжной и завода «Труд», второй — от вокзала до завода имени Чкалова. У базара рельсы пересекались. К первому моторному вагону с дугой цеплялось еще один-два вагона. В часы пик значительная часть пассажиров висела в два-три слоя на подножках, дополнительно места занимали на «колбасе» и даже на крыше. Нередко это приводило к трагическому исходу: стоило кому-то из прижатых к площадке пассажиров в раздражении резко повернуться — и его вытянутая рука отрывалась от поручня. Такое падение было весьма опасно: приземлиться нормально практически невозможно, а второй вагон совсем близко. Так погиб мой двоюродный брат, да и я как-то раз еле удержался на подножке.

Следующей после центра была остановка «Сад Сталина». Краснобурый трамвай из двух, а иногда даже из трех вагонов тяжело, со скрипом, преодолевал поворот на Ядринцевской и останавливался чуть дальше от ворот в парк, чтобы потом следовать по прямой к стадиону «Спартак».

После войны появились новые автобусные и трамвайные маршруты. Днем пассажиров было не так много. Прокатиться на подножке и спрыгнуть в определенном месте между остановками было одним из доступных развлечений. Никакого интереса не представлял прыжок на повороте — например, около оперного, при движении по наружной колее, когда трамвай идет медленно и тебя легко выносит в сторону. Позже в популярном журнале я случайно наткнулся на научное обоснование того, что при прыжке против хода пробежка будет короче. Интересно, как это выглядело бы на практике.

Идеология

Мне посчастливилось прожить начало своей жизни в поздне сталинскую эпоху. Многих друзей моих бабушки и дедушки еще по Уралу, в основном врачей, репрессировали в тридцать седьмом году. Фирфаров. Карпинский — его дом находился сразу за оперным театром. Дальше шла очень уютная, поросшая тополями улочка. В конце ее, у перекрестка с Каменской, был дом доктора Шабанова, который, кажется, один остался из целой плеяды врачей. Уцелел Шабанов, видимо, благодаря своему пристрастию к зеленому змию. Его хорошо знали в области. В деревнях можно было услышать:

— Мне сам доктор Шабанов сказал!

Когда он запивал, на улочке около дома скапливались подводы пациентов, приехавших из окрестных сел.

Деда, я думаю, не взяли потому, что от природы он был молчалив и никогда не претендовал на первые роли. Вот так теперь — приходится гадать не о том, за что брали в те времена, а о том, почему уцелел, почему не взяли. Знаю, что и дед был готов к иному повороту событий. Жизнь под прицелом. Чемодан наготове. В одной из сохранившихся бумаг написано: «Чистку прошел без замечаний».

Дома никаких политических разговоров не вели. Бабушка о своих друзьях говорила, что это донос, а они, конечно, не виноваты. Не знаю, как она относилась к Сталину, но, прожившая около тридцати лет до революции, она не была верующей, а бывшего царя, памятник которому теперь стоит у собора Александра Невского, называла «кровавым». В раннем возрасте за обеденным столом я сидел на самой высокой табуретке и положенной на нее самой толстой книге в красном переплете. Книга называлась «И. В. Сталин. Вопросы ленинизма».

Не так давно мне попала случайно сохранившаяся тетрадь, заполненная вырезками из газет. Это было выполненное мною домашнее задание по предмету, который назывался «Конституция СССР». Задание состояло из двух разделов. Тема первого была: «Свободный труд в СССР — дело чести, доблести и геройства», а второго: «Угнетение и беспощадная эксплуатация трудящихся в капиталистических странах». Проиллюстрировать эти темы следовало с помощью газетных материалов. Задание оказалось на удивление легким. Достаточно было взять одну га-

зету, например «Советскую Сибирь» или лучше «Правду», чтобы вырезками из нее заполнить целую тетрадь. Почти все газетное пространство, кроме кинотеатральной афиши и объявлений о бракосочетаниях, разводах и смертях, было посвящено этим темам. Вырезки я старательно наклеил и обвел красным карандашом. Почему-то в свое время я не сдал эту тетрадь — может быть, преподаватель забыл о своем задании.

Наше патриотическое воспитание было на высоте. Оно начиналось еще до школы. На наших шапках и пуговицах были звезды. Мы смотрели фильмы «Подвиг разведчика» и «Молодая гвардия». Мы знали имена всех молодогвардейцев. События фильма потом воспроизводились наяву во дворе около кочегарки. Желающих изображать мучителей, как ни странно, находилось более чем достаточно. Роли молодогвардейцев доставались девочкам, которые перед казнью пели что-то патриотическое, а некоторые, наиболее отчаянные и дерзкие, плевали в сторону «палачей». Вечерами, отходя ко сну, я мечтал, чтобы началась война и наш город захватили враги. Тогда-то некоторые увидят, кто трус и предатель, а кто настоящий герой! Вот я проникаю в комендатуру и добываю важные документы, вот осуществляю налет на тюрьму и освобождаю заложников... Немного смущало то обстоятельство, что наш город находится достаточно далеко от границы.

В начальных классах мы любили Сталина, ставили его выше Ленина. Взрослые возражали:

— Ленин все-таки создатель...

Но это был слабый аргумент.

Сталин такой красивый и мудрый. Ночами он не спит и все думает, стоя над картой. Пока он с нами — нам ничего не страшно. «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет». В любой отрасли, в любом деле был свой Сталин: в литературе — Фадеев, в биологии — Лысенко, в садоводстве — Мичурин, в кино — Герасимов и Кадочников. Взрослые, которым полагалось изучать основы марксизма-ленинизма, говорили, что у Ленина, в отличие от Сталина, много неясного. Для нас он был кем-то вроде бога.

В городе был проспект Сталина, много памятников — но не столько, конечно, как позже поставили Ленину, когда зашатавшемуся режиму потребовались подпорки. Тем, кто ставил эти памятники, хотелось, чтобы никто не заподозрил их в отступничестве. Памятник олицетворял верность идеалам. Казалось, что каменные идолы, подобно сфинксам, наглядно демонстрируют незыблемость существующего положения вещей. На это никаких денег было не жалко.

Сегодня с таким же рвением возводят церкви. Интересно, что посреди Красного проспекта, на месте Никольской часовни, в свое время воздвигли памятник Сталину, а теперь там снова часовня. Что касается памятников, то у нас теперь наблюдается некоторая «всеядность». Остаются памятники Ленину, возводят монументы царям, пожарным, снова появляются, пока скромные, памятники Сталину...

К семидесятилетию вождя все наши города и дружественные страны готовили подарки. Позже я видел их в Москве, в Политехническом музее. Особенно впечатлила легковая машина «Татра» от Чехословацкой Республики. От Новосибирска послали вазу высотой около полуметра. Ее изготовили два местных художника. Перед отправкой ваза была выставлена на всеобщее обозрение в здании Совпартшколы. Нас привели туда после уроков. Меня удивило, что ваза была сделана довольно примитивно и не шла ни в какое сравнение с китайской, подаренной оперному театру. Газеты полнились поздравительными телеграммами от всех областей, зон, районов, дружественных, а возможно, и недружественных государств, представителей всего прогрессивного человечества.

В оперном театре должно было состояться торжественное заседание, посвященное столь знаменательному событию. От каждого четвертого класса отобрали по несколько человек, велели явиться в белых рубашках и пионерских галстуках для поздравления участников заседания. В определенный момент мы длинными шеренгами должны были заполнить все продольные проходы. Нашей школе выделили третий ярус. Несколько раз нас водили на репетиции. Пустой, темный театр несколько снижал градус торжества. Античные боги, непривычные к сибирскому климату, стойко переносили вторжение, приветствуя делегатов безмолвно. Казалось, они тоже осознают масштаб и значимость происходящего.

Через три с половиной года, когда Сталин умер, многие мужественно сдерживали слезы: наследникам Сталина не пристало распускаться, надо только крепче сжать зубы, сплотиться перед лицом горя. А один из переростков, что учился в нашем классе, уже вполне взрослый юноша, рыдал взахлеб — так, что на него было жалко смотреть.

Историю и Конституцию СССР у нас преподавал Александр Михайлович Мазаев, невысокого роста, в профиль — вылитый легионер на отдыхе. Древняя Греция, Афины, Спарта, Рим, Карфаген, Ганнибал, Август, Пелопонесские войны... Я слушал как замороженный.

Исторические формации как ступени большой лестницы: рабство, феодализм, капитализм, социализм и где-то там, высоко, почти в облаках, — коммунизм. В недоумении мы спрашивали:

— Почему страны народной демократии не спешат присоединиться к Советскому Союзу?

Официально у нас много говорилось о борьбе за мир, но мы воспринимали эти лозунги как ширму или пропаганду. Мы мало что знали, но нам казалось, что мы умеем читать между строк и что было бы хорошо, если бы началась новая война: тогда уж социализм победит во всем мире.

Как-то преподавательница географии Нина Николаевна, которую за глаза добродушно называли Тетя Лошадь, сказала, что в Калифорнии произошло землетрясение. Кто-то тут же радостно высказался: мол, так им и надо! Нина Николаевна чуть снисходительно улыбнулась — так взрослые реагируют на милые детские шалости:

— Вот и в других классах так говорят, но это неправильно. Есть в США, конечно, империалисты и поджигатели, но ведь и народ страдает.

Несмотря на легкое осуждение, чувствовалось, что ей нравится наш боевой настрой. Она даже немного гордилась своей причастностью к воспитанию таких ярких патриотов.

В год смерти Сталина мне и моему другу исполнялось по четырнадцать лет. После четырнадцати лет можно было вступать в комсомол, но нам не терпелось поскорее приобщиться к передовому отряду советской молодежи, и мы подали заявления заранее. Я — буквально за несколько дней, а мой друг — за два месяца до дня рождения. Мы оба предстали перед комиссией из нескольких ребят, членов школьного комитета комсомола. Вопросы задавал Рудик К. из нашего подъезда. Первый же вопрос — о дате рождения — чуть не поставил крест на всем начинании. Пришлось соврать, прибавив себе пару недель, но это была ложь во благо. Потом спросили, кто у нас председатель Совета министров. Я знал, что кого-то назначили вместо Сталина, но кого именно из когорты верных ленинцев, не запомнил. Оказалось, это был Георгий Максимилианович Маленков. Несмотря на эту небольшую оплошность, все закончилось для меня благополучно. А вот мой товарищ соврал недостаточно радикально, прибавив себе всего полтора месяца, и ушел несолоно хлебавши.

Летом пятьдесят третьего в школе организовали экскурсию по городам Союза. Экскурсионная группа состояла из двадцати школьников и двух преподавателей: математички Марии Кузьминичны и учителя черчения Михаила Георгиевича. Побывали в Сталинграде, плыли по Волго-Донскому каналу. Жара стояла невероятная, местные жители настолько загорели, что походили на аборигенов южноамериканского континента. У меня облупился и покраснел нос.

В Сталинграде, как потом и в других городах, останавливались, по предварительной договоренности, в школах.

Трамваи непривычно резко брали с места. Остов Дома Павлова мрачно чернел на фоне летнего неба. Мамаев курган, еще в естественном состоянии, со следами недавних боев, удивлял похожестью на множество других, безымянных курганов. «Подвиг твой бессмертен. Имя твое неизвестно».

Дальше мы следовали в трюме парохода по Волго-Донскому каналу. У входа в канал стоял гигантский, возможно, самый большой памятник Сталину.

В трюм набилось много народа. Какая-то женщина, по виду крестьянка, начала возмущаться, что мы ей помешали. Наш учитель черчения Минин жестко ее заклеил:

— Вы не советский человек.

Из Ростова проследовали в Сочи. Остановились в школе на набережной, около гостиницы «Приморская». Когда я вечером после прогулки пришел к школе, дверь оказалась запертой, на мой стук никто не откликнулся. Пришлось ночевать на скамейке. Никто меня так и не хватил.

По Черному морю плыли на палубе теплохода «Россия». Это был переименованный немецкий теплоход, превращенный в круизный лайнер. Кроме него ходил еще один такой же — «Победа».

В Мавзолее, в Москве, Сталин и Ленин лежали друг против друга. Ленин уже тогда сильно усох, а Сталин удивил своим несходством с парадными портретами. Лицо было рябое и, вопреки моим ожиданиям, довольно грубое.

Большое влияние на нас оказал двадцатый съезд. Преподаватель истории, который отнюдь не был обескуражен, передал нам содержание доклада «дорогого» Никиты Сергеевича. Казалось, появился шанс на разрядку, обновление, возможность бросить взгляд со стороны на себя и свою историю, уйти от уже мешавших стереотипов, хотя призрак коммунизма еще бродил в наших головах. Тогда опубликовали «Один день Ивана Денисовича», показали «Я шагаю по Москве» и «Золотую симфонию». Поздними вечерами, прорываясь сквозь эфирный шум, издали для нас вещали «Би-би-си» и «Голос Америки».

Появилась надежда высказать собственное мнение. Я оказался настолько наивным, что на выпускном экзамене решился заявить свой, отличный от официального, взгляд на героя романа Чернышевского «Что делать?». Моя смелость обернулась двумя тройками в аттестате, и то, как сказала учительница, хотели поставить двойку, да пожалели. Современные школьники, конечно, оспорили бы такую оценку. А я промолчал, хотя и сейчас уверен, что сочинение было на хорошем уровне: во-первых, я много читал (у нас дома была масса книг, некоторые изданы еще до революции как приложение к журналу «Нива»); во-вторых, до тех пор у меня по русскому и литературе троек не было; и в-третьих, темы сочинений нам еще накануне вечером сообщили из Владивостока и было время основательно подготовиться и даже заранее сделать выписки из текста.

Но вот, так или иначе, школа окончена, аттестат в чемодане, и мы, пять человек из одного класса, едем в Томск. На станции Тайга длительная стоянка, в буфете беру чекушку, но пить все отказываются. «Сибирские Афины», политехнический, главный корпус. Документы, медкомиссия, направление в общежитие на Усова, 11. Все так странно, хотя вроде бы обычно: люди, дома, очереди...

До общежития добрались к вечеру. Кастелянши уже нет — а значит, нет матрацев, простыней, одеял, есть лишь голые кровати с панцирными сетками. Кто их только придумал? Наверняка враг человечества. Пытаемся разложить поверх сеток учебники, но их недостаточно, да и толщина разная. Самый толстый — «Химия» Глинки.

К утру еще одна новость, которую нельзя назвать приятной: оказывается, студенты разъехались, но обитающие здесь клопы никуда уезжать не собираются.

Новая жизнь

И вот вхожу я в Сад Сталина, и не через забор, а с центрального входа, по билету (не знаю, правда, сколько он стоит, но не думаю, что это не по карману простому трудящемуся или даже пенсионеру). Пройдя между квадратными колоннами, иду по аллее прямо к памятнику Сталину.

Памятник побольше, чем на площади Сталина, и к тому же весь белый, а на голове обязательно голубь, голубь мира. Вокруг не голая плитка и кладбищенские, отжившие свое березы, а цветущие яблоневые сады, банановые рощи, белая сирень. Навстречу, обтекая памятник с двух сторон, идут радостные люди в национальных костюмах: таджик в халате, индианка в сари, украинец в вышиванке, негр в набедренной повязке, немец в тирольской шляпе и защитной маске от коронавируса. И что характерно, у всех счастливые лица, все улыбаются: и белые, и желтые, и черные. Мартин Лютер Кинг, Анджела Дэвис. Ким Ир Сен, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай. Юноши и девушки стройными колоннами, в белых нарядах, с красными галстуками. Девушки в платьицах, а некоторые — в белых трусиках, с обручами и лентами.

Все радуются и исполняют «Марш энтузиастов» на музыку Дунавского и слова Лебедева-Кумача. А чего не петь, чего не радоваться, когда столько чугуна, столько стали на душу населения, и нет войны, и цветет сирень, и милиционер на прекрасном вороном коне, в белой парадной гимнастерке! И все идут мимо оперного по Каменской, мимо синагоги, мимо католического собора, мимо нашего дома и Центральных бань, украшенных плакатами и портретами Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова.

Около нашего дома на тротуаре наши соседи Раиса Петровна, Ольга Николаевна, Витя, Лена и мои дорогие бабушка Анна Ивановна и дед Леонид Федорович, а вот и я выглядываю из ванны, которая стоит на двух табуретках. А за нами — кальянцики Алибаба и Абдула, все радуются, зажигают, обнимаются, ликуют, приветствуя колонну. Приветствуют ее и улыбающийся раввин с пейсами и в черной шляпе, и католический священник в сутане с белым воротничком, а также распаренные посетители бани в сланцах и войлочных шляпах, с энтузиазмом размахивающие красными флажками и березовыми вениками.

Надя ДЕЛЛАНД

СВЕТ ЗА ОКНОМ

* * *

когда у тебя умирает кто-то родной
дедушка или кошка
то надолго примерно на год
они вселяются в разные вещи
в лампу синего света
в стон воды из-под крана
и оттуда тебе говорят оттуда
достают из тебя по частям всю память
а потом уходят уже навечно

* * *

я завела себе зиму в окне
где-то в конце января
книгу в руках тишину на стене
свет из окна фонаря
снег из окна-фонаря и покой
плед и кота-кrokота
я посадила на свой пароход
зимнюю смерть коротать
зимнюю смерть коротать в неземном
плаванье сквозь снегопад
я посадила зерно я зерно
я уже до потолка
я уже до потолка и во мне
свет из окна-фонаря
где-то в конце января и в окне
где-то в конце фонаря

* * *

там капает вода вывязывая шнур
 дрожащего стекла стекающего света
 и женщина во тьме нагая от кутюр
 разводит в очаге дыхание и лето
 в ее ресницах след цветущих фонарей
 она легко поет и ничего не плачет
 я чувствую рассвет и прямо у дверей
 рожаю первый луч он девочка и мальчик
 ты чувствуешь рассвет как будто в глубине
 молочное свечение и еще на коже
 и пахнет молоком и снегом и ко мне
 подходит жизнь и мы похожи мы похожи

* * *

Меня никто не пишет по ночам,
 и я пылюсь и как бы исчезаю,
 но иногда меня пронзает мышь,
 что я свободна, и такой веселый
 не то чтобы большой, но огонек
 во мне немного вспыхивает, что ли.
 И я тогда сажусь на край окна
 (воображаемого, я пока в порядке)
 и начинаю всех сама писать,
 неточными словами попадая
 то в бровь, то в глаз, а избранным — в уста,
 но устаю и засыпаю. Там же
 они внезапно чувствуют себя
 свободными от ниточек небесных,
 садятся, так вот свешивают ноги
 в ночное небо и кого-то пишут.

* * *

спят завербованные вербы залепленные снегом липы
 заклеенные клены дремлют дремучие деревья знают
 одно под снегом спать приятно
 под снегом обалденно спать
 и если глупая сорока их сон их сорок тысяч братьев
 тревожит неразумным клювом и если умная сова

когтями поскребет их ветки
они ха-ха продолжают спать
одно под снегом спать приятно окно под снегом незаметно
в окно уже почти не видно не слышно запахов почти
а снег идет идет уютно
идет идет уютно снег

* * *

Прощение приходит из любви
и радости, из обернись и смейся,
из света за окном, привычки вить
гнездо и шляпу, облако и месяц.
Прищурившись, поглядывая в дым
весеннего распева клювкрылых,
как, боже мой, весь мир сейчас любим,
беги и обнимай, целуй и прыгай.
Звени, звени, распахивай, трамвай,
врывайся цветом, запахами, солнцем,
она тебя простила, так и знай,
смотри, смеется.

Игорь КОРНИЕНКО

ДАВАЙ ВЗОРВЕМ ВСЬ ЭТОТ СВЕТ!
(Письма с вулкана)

Р о м а н *

Тост

Смерть объединяет живых. Наполняет жизнь смыслом, в смерти столько жизни — это ощущается с морга, откуда необходимо забрать тело, продолжается во время похорон, обрастает мясом жизни, наполняется токами жизни... Зацветает на поминках, приносит плоды. Плоды смерти — это укрепление разорванных связей, примирение враждующих, возобновление отношений, возвращение мира утраченного, потерянного...

Приглашение на похороны — это не для русского человека, поэтому, получив по электронной почте сообщение от неизвестного отправителя, Иван Николаевич сразу понял, от кого оно. Такое ненормальное, корявое, абсурдное, как сама жизнь сочинительницы.

Тема письма:

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПОХОРОНЫ.

Уважаемый Иван Николаевич!

Приглашаем Вас принять участие в похоронах, которые состоятся 1 июля в 13:00. С выносом тела из квартиры по адресу: ул. Перекрестная, дом 6, кв. 6. Похороны пройдут на кладбище «Северный простор». Поминки состоятся там же на Перекрестной. Помним Вас. Любим. Скорбим. С ув.

И ниже:

Это похороны сына моего, вашего крестника Александра Валентиновича. Так скоропостижно покинувшего нас и вас и весь этот свет. Вы-то уж нас не оставьте, не покиньте. По старой памяти. По гроб жизни.

ЮПИ.

(Юлия Панина Ильинична).

— Дура, — Иван закрыл страницу почты, — вот же ж.

* Продолжение. Начало см. «Сибирские огни», 2020, № 7.

Нашел папку «Мое», открыл вордовский документ, обозначенный как «Роман», написал:

В тридцать пять стыдно быть поэтом, когда все так жестоко и реально прозаично. Проза жизни и никакой поэзии. Пишешь стихи — расстрел. Дашь голую реальность и цемент прозы.

Перечитал, хмыкнул, стер написанное.

Написал большими буквами: **ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПОХОРОНЫ.**

Стер.

Написал: **ПО СТАРОЙ ПАМЯТИ.**

Смотрел на курсор, требующий продолжения. Сохранил документ. Выключил ноутбук.

— Продолжение следует, — сказал, — и после слова «конец» с точкой всегда следует продолжение. И после смерти.

И после исчезновения — увидел на подоконнике старый выпуск городского еженедельника «Вечерняя среда» с первополосным заголовком «Исчезновение в Международный день защиты детей» и фотографией пропавшей девочки Светы, ее, насколько ему известно, до сих пор ищут.

— Продолжение следует. — Подошел к двери, ведущей в коридор, на вешалке выглаженная с вечера черная шелковая рубашка. Одевался, говорил:

— Девочка пропала, мальчик умер, ничего не проходит бесследно, все оставляет следы... Продолжается.

— Как и девушка в белом, — ожил голос, зашелестел издевательски, — она же Беяночка, она же Василиса, она же слепая Невидимка, а одним словом...

Иван Николаевич избегал этого слова. Только пришло время называть все своими именами, и он назвал:

— Одним словом, со смертью с детства я дружу, — и засмеялся наигранно зло: — Хо-хо-хо.

Считается, стоит озвучить проблему, назвать ее — станет легче, но Ивану не полегчало, совсем наоборот, высказанное вслух знание повисло в душном эфире зала неким приговором — тяжелым, давящим и могущим раздавить его, с истиной вместе, с потолком и крышей.

— Смерть: продолжение следует, — надевая джинсы, — друзей не выбирают.

В прихожей обулся, заглянул в глазок. Дверь квартиры напротив смотрела на него злобещим номером «13».

— Сегодня проскочу, — предсказал, тихо щелкнул замком, вышел, не издав не звука, затаив вдох, и...

— Ива-а-ан Николаич.

Не проскочил.

— Дорогой наш сосед, — растягивая слова по буквам, перед ним возникли ярко-красные, будто в крови, губы, потом все остальное, что

прилагалось к губам, — а чего это в такую жару — и в черном, простите великодушно?.. Прямо в гости к смерти собрались, не иначе, еще раз извините.

— Знаете, Тамара, угадали, — мужчина сложил руки в молитвенном жесте, — к ней самой. Все утро, не поверите, о ней думал.

Соседка сморщила расписанное под хохлому лицо.

— Ой, ну тоже шутите, — отмахнулась от мужчины длинными ногами с алой помадой, — вы ж в бога не верите, знаю.

— Не шучу, — сосед нахмурился, — с подругой-смертью у нас давние и тесные отношения.

— Подругой?! — Тамара схватилась за дверь, чтобы не упасть. — Подруга!.. Вы так не пугайте, Иван Николаевич, я женщина впечатлительная, непуганая... От иеговистов только вот научилась отбиваться, вы, кстати, деньги на железную дверь в подъезд будете сдавать?

— Зачем?

— Как?.. Чтобы вам с невестой безопасно ходить было, — красной улыбкой расплылся рот.

Иван Николаевич ответил, спускаясь через ступеньку:

— От смерти никакая дверь не поможет. — И успел выйти, прежде чем серо-зеленые стены задавили его. Услышал, как соседка ахнула, вскрикнула:

— У смерти тоже есть цена.

Конечно же, есть, у всего есть своя цена. И смерть не исключение.

Иван, весь в черном, смотрелся кляксой, пятном на солнечном, белом полотне дня. И ощущал себя соответственно — нереальным, изгоем, чужестранцем.

Автобус из поселка Кирпичный ходил по расписанию, до Центрального рынка доехали кильками в собственном соку за пятнадцать минут. Из консервной банки автобуса кильки выскакивали скользкие, измученные, довольные освобождением и воздухом.

Две белые розы купил Иван Николаевич, мужчина в черном, 250 рублей штука, не торгуясь, как следовало бы по рыночной этике. Грудастая продавщица была не в духе, цену не снизила, не обращая внимания на четное количество цветков, молча забрала деньги, зло взглянула, отвернулась.

Иван выходил из боковых дверей рынка, когда услышал за спиной запыхавшийся женский голос:

— Простите, молодой человек. Слава богу, нашла вас.

Иван обернулся, грудастая цветочница сунула свернутую бумажку ему в ладонь.

— С мужем поцапалась, все утро как зомби. Хорошо, Бог от греха отвел. Вы уж простите. Смерть такая, всему цену знает. А сама цены не имеет. Вечная память вашему покойнику.

Исчезла, как не бывало, продавщица роз, Иван не успел ничего сказать, а в ладони — его же пятисотрублевая купюра. Откупная.

Откупная от смерти.

До нужного адреса: улица Перекрестная, дом шесть, дошел пешком, по старой памяти, дворами. Бывал здесь пару раз до развода четы Паниных. Двухэтажный дом, единственный среди гаражей и приусадебных участков, дальше спуск к реке Волчий Хвост.

У дома ни души, Иван замедлил шаг. Не мог же он ошибиться? Вот и перекресток, и на доме цифра шесть.

Стены в свежих черных надписях: «А.У.Е. Жизнь воров. Смерть козлам и мусорам», «Пацанам по масти — мусорам по пасти», «Фарту масти АУЕ».

И на двери выцарапано: «Саша АУЕ живет здесь».

Адрес верный.

— И где весь народ?! — спросил громко.

— А кого тебе надо? — вопросом на вопрос ответила выглянувшая из форточки на первом этаже лысая старушечья голова.

— Так похороны, — растерянно ответил Иван.

— Не смей, похороны выдумал. Так, очередной повод для попойки, — закурила голова вонючую самокрутку. — Мальчишечку только жалко, рос без семьи, дикарем, так и сгинул по-дикарски от рук своих же дикарей из племени.

— Несчастный случай это был.

— Да, рассказывай, ты, вижу, тот еще выдумщик, товарищ. Племя его все подстроило.

— АУЕ?

— Хрена те — не хочешь? Нет таких букв в этом слове, — задымила голова, колко засмеялась, — шантрапа, голодранцы, пустобрехи, только марать стены научились и орать про воровскую жизнь, а сами жизни не нюхали, сучоньши. Мой сын тридцать лет сидит и на свободу уже не собирается, боится, да и не хочет, отвык. Так я спросила его про УЕ это, и знаешь что, товарищ?

Иван молчал, ждал, пока голова прокашляется, забычкнет папироску.

— Фуфло все это, мама, так и сказал. Мальчишечку только жалко...

— Ваня! — раздался громом среди ясного неба вскрик, из окна на втором этаже показалась рыжая голова Юли. — Ты чё, эту старую дуру там, что ли, заслушался?! Она сейчас понарасказывает, чертова курица. У самой сын из тюряги не вылезает, она нас жизни учит. Скажи, чтоб не высывалась, в такой траурный день могла бы и заткнуться!

Махнул рукой старой знакомой мужчина в черном.

Лысая голова закричала рыжей:

— Протрезвей, пьянь! Мой сын честный преступник, не порочь его своим языком поганым. У него руки длинные, договоришься!

— У меня АУЕ крыша, не пугай. В такой траурный день я всех порешу! Век воли не видать!

— Себя пореши, — засмеялась лысая голова. — Тебя пора давно в психушку на опыты сдать. Ты же недочеловек. Семью развалила, сына

убила, мужики на тебя только нарки, пьянь подзаборная да дегенераты залазят!..

— Убейся, старая! — визжит рыжая голова. — Убейся о подоконник, пока я не спустилась. В такой траурный день!..

Лысая голова плюнула громко, чтоб слышала рыжая, и рыжая голова ответила тем же. Иван зашел в подъезд под обмен плевками, остановился в темноте, пропахшей плесенью, кошачьими испражнениями, перегаром, выдохнул.

— Да, тот еще денек ожидается. — Не спеша поднялся на второй этаж, из приоткрытой двери шестой квартиры доносились громкие знакомые звуки шансона:

Нарисуй алеющий закат,
 Розу за колючей ржавой проволокой.
 Строчку: «Мама, я не виноват!» —
 Наколи, и пусть стереть попробуют.

— Ху, — со звуком выдохнул Иван, вошел.

Юля еще плевалась на кухонном подоконнике, в маленькой прихожей разбросана обувь, сломанная, свалена набок вешалка, на крючках замусоленный флаг России.

Сестра Саши Маша встретила молча, молча прижалась всем телом, постояли с минуту, она, собравшись с мыслями, прошептала:

— Я давно попрощалась с братом, на самом деле, тут чисто для галочки, теперь убегаю, этот дом плохо на всех влияет, губит всех, все живое. Здесь больше часа находиться нельзя. Здесь обитает смерть. Саша поймет, Саша простит.

Она выбежала, оставив дверь нараспашку, рыдая под аккомпанемент блатного шансона.

Валентин вышел из зала, прикрыл дверь одной рукой, второй обнял Ивана, — располневший до неузнаваемости, с синяком под глазом, от него разило свежим перегаром.

— Мы виноваты, мы, — запричитал, — не сберегли, родители херовы...

— Это несчастный случай, ты же знаешь, — как мог утешил Иван.

— Ты ведь его за руку держал, когда он это?..

— Держал, да.

— И что? Он что сказал? — Валентин посмотрел в лицо Ивану. — Что-то же про цветы же?

— Я лечу к розе, сказал. Сказал, что она прекрасна, эта звезда, настоящая.

— Стоп, так роза или звезда?

В дверном проеме видна часть зала, на стульях незнакомые пожилые женщина и мужчина, гроб на столе, черный с белым покрывалом.

— Трында тебе, а не звезда, — из кухни выскочила Юля, рыжая голова, маленький рыхлый колобок в темно-синем сарафане с красными

сердечками. — Ваня, Ванечка, да как же это?.. Да за что же?.. — завывала, повисла на шее мужчины. — Ты его крестный и ты его последним видел, как так, скажи, рука у Бога поднялась на сына нашего?! Ведь он ни жизни ещё, ни женщины не нюхал... Машка тоже, сучка, терпеть нас не может, молчит, три года ни со мной, ни с кем не разговаривает. Куда Бог этот смотрит, что с детьми делает?.. Одна сучка мстительная, второй на том свете...

— Я вот... — Иван достал из заднего кармана конверт, приготовленный ещё три дня назад, протянул: — Возьмите. Я розы... Пойду...

Конверт Юля тут же вскрыла.

— Да, да, посмотри, что стало с нашим сыном, твоим крестником, — заскулила, успевая слюнявить кончик пальца и пересчитывать купюры.

Поздоровался с незнакомцами Иван, незнакомцы кивнули, а Юля за спиной уже отдаёт приказы бывшему мужу:

— Давай, вот тебе ещё полторы тыщи, сбегай, три литра возьми и пива самого дешёвого баллона три тоже возьми.

Мертвые на одно лицо. Не смотрит на крестника в гробу Иван Николаевич, положил розы на белое покрывало, ретировался вновь в прихожую. В объятия прилично выпившей Юлии.

— А помнишь, каким ты в общаговской жизни нашей был? Столько же почти, как и Сашке Ауешке, тебе было.

— Юля, — оборвал Иван, — ты-то не дури, Ауешка, тебе-то сколько лет?.. Ведь почти сорок! Какое АУЕ? Фуфло.

Женщина пребывала в замешательстве, видимо, вспоминая свой возраст.

— Ну не совсем уж прямо вот так и сорок. А чё фуфло, я ауешек этих уважаю, и они меня. Надо будет кого набить, набьют. Бабку-суку с первого, к примеру...

Отцепил руки Юли от своей шеи Иван:

— Бить слабых, кто дать сдачи не может, это они могут, уверен. Кричать тоже мастаки и на стенах всякую лажу с угрозами писать. И что? И всё! А миром правят тихушники. Кто тише воды, ниже травы. Там, под водой, под травой, бомбы.

— Сашка тоже кричал, — проскулила.

— Да, чтобы тебя не слышать. Весь этот бред, что ему приходилось переживать. Тут охрипнуть можно, но не перекричать. Вы же все горластые, эгоистичные... Да что я говорю.

Махнул рукой, прошёл на кухню, там за столом сидели двое мальчишек с распахнутыми глазами и ртами.

— Здравствуйте, дядя, — как по команде поздоровались. — Вы же из осужденных? Главный? Рог?

— Ага, единорог, — развернулся Иван.

— Меняю в музыкальном центре диск, — поставила Юля всех в известность, — сейчас будет любимая песня Саши, и на выход. Пусть уже земля будет пухом сыночку.

Первые аккорды отшвырнули Ивана назад в электричку к умирающему на полу в тамбуре крестнику, только теперь над ними помимо женщины-дачницы, мужчины с газетой и парня в наушниках стояла она — девушка в белом, она же Беляночка, она же Василиса, она же слепая Невидимка, она же...

Моменты прошлого — как сны, будто все это уже не реальность, а что-то иное, запредельное, по ту сторону.

В детстве, в четырнадцать, он поборол ее, задушил на диком пляже... Теперь она вернулась, нисколько не постарев, не изменившись...

— Подруга, — сказал вслух Иван посреди разбросанной обуви в крохотном коридорчике. Юля услышала его, поддержала:

— По гроб жизни, подруга по гроб жизни.

Звоном бутылок отмечилось возвращение Валентина, из динамиков надломленный печалью «человек в телогрейке, или просто зэка», спешил к своей смерти.

Гроб вынесли мужчины в черно-оранжевых спецовках из безымянного ритуального агентства.

— Вы все мои по гроб жизни, — Юля пьяно кричала, плакала и не запивала водку, не закусывала.

У подъезда человек десять, пара одноклассников, пара со звездами на плечах, соседи, в форточке первого этажа — лысая голова.

Юля пытается прочесть стих, что нашла у сына, не выходит:

— Слезы не дают, — едва ворочает языком разморенная на жару женщина, всхлипывает.

Иван забрал лист, пришлось встать у изголовья гроба, но в лицо покойнику он не взглянет, смотрит на строчки, читает с каждым словом все тише:

Шконки, шлемки, сетки,
клетки и проклятые запретки.
Вся родная кутерьма,
не пугает нас тюрма.
От клопиного укуса,
БУРа, СУСа и ШИЗО
аж до самой Колымы
на режим плевали мы!

Посмотрел на Юлю, она прикрыла глаза, прониклась, Валентин не понимал ни слова, смотрел пусто, стеклянными глазами, малолетки из АУЕ качали одобрительно головами. Иван закончил полупшепотом:

Нас ломали, били, гнули,
нас оковами пытали.
Отрицалами помрем,
мы за наше — за людское,
и за все — за воровское!

Будем резать сук
и фей
и поддерживать людей!

— По гроб жизни, — подала голос Юля.

Ауешники захлопали, скромно крикнули:

— А! У! Е!

Лысая голова плюнула на дорожку под окном, исчезла из форточки.

Подкатил к перекрестку автобус.

— Все, кто на кладбище, в автобус, потом гроб между рядов поставим, — скомандовала Юля, она успела хлебнуть из бутылки у одного малолетки пива. — В тесноте, да не в обиде, все равно все там будем.

— По гроб жизни, — сказал за нее Иван, все еще пребывая в мире нереальности, в полужизни. Юля одобрила, кивнула.

Иван сел на заднее сиденье у открытого окна, пассажиров можно пересчитать по пальцам одной руки, занесли гроб.

Смотри на розы — приказал себе Иван.

— Крышку! Дайте мне крышку от гроба! — закричала Юля. — По-еду с ней в обнимку, раз с сыном нельзя.

Бывший муж пытался ее вразумить, шепча что-то на ухо, бывшая супруга отпихнула его:

— Пока не дадите мне крышку, никто никуда не поедет!

Получив желаемое, Юля села на сиденье ко всем лицом, которое она периодически прятала за крышкой гроба.

— Под крышей дома твоего... — завывала протяжно, противно.

Валентин подсел к Ивану:

— Словно и не разводились с этой сукой. Мать ее, эту жизнь. Столько сделано дерьма, не разгребешь. Плакать еще не могу, знаешь, с детства как-то не получается плакать, вою, как сыч, и все, без слез.

Смотри на розы.

— Говорит, слышь, — на ухо продолжает Валентин, обволакивая перегарно-луковым ароматом, — давай сойдемся снова. Говорит, свадьбу по-человечески, не как тогда, сыграем и нового Саньку родим. Ну чё, я слов не найду, как и слез, что ей ответить, а? Что думаешь?

Белые розы пожелтели, сморщились, Иван пожал плечами:

— Слушай сердце, тут никто тебе не советчик.

Вздыхнул Валентин.

— Маша что на это говорит? — спросил Иван, хорошо помня, что дочь с родителями не разговаривает уже много лет.

Отец Маши достал из пакета в ногах полуторалитровую пластиковую бутылку, отхлебнул, протянул напиток Ивану, Иван отвернулся. Валентин еще отхлебнул, убрал бутылку:

— Она ненавидит нас, а после смерти Сашки тем более крест на нас поставила. Пять лет ни словом ни с кем не обмолвилась, записки писала

сначала, сейчас ничего. Показала вот так, — сложил указательные пальцы крестом, — и ушла.

— Маша всегда была самостоятельной, сама по себе, молодец, сильная девочка.

— Девочка, — хмыкнул Валентин, — беременная девочка, пузо не увидел, что ли?..

Чего и следовало ожидать.

Юля дремала, уткнувшись рыжей головой в крышку гроба. Валентин после принятия неизвестной жидкости погрузился в состояние алкогольного анабиоза. Иван смотрел, как ржавеют розы в белом пространстве черного гроба.

— Кладбище! — разбудил водитель громким басом.

Иван не спал, но и не проснулся. Реальность, настоящее никак не могли прорваться в полумир полусемьи Паниных, где шаткие опоры разума держатся на паутине неписанных законов вечно пьяной или похмельной рыжей головы...

— Тебе, Иван, надо выпить, — красные глаза Валентина смотрят, но не видят, — чтобы быть с нами на одной волне, а так — ты как не от мира нашего, потерянный какой-то. Давай, отхлебни бормотухи, пива могу дать...

Ржавые розы свернулись в черепки, смерть коснулась и цветов.

— Позже, помянем.

Ответ устроил Валентина, за это он выпил.

Вырытая могила притягивала, манила своей пустотой, требовала заполнения.

Мужчины в черно-оранжевых спецовках торопились.

— Поэтому попросаемся в темпе, — поставила в известность Юля, достала смартфон сына, завела его любимую песню.

Ветер раскачивал кладбищенские березы в такт поющим хором парочке ауешников и Юле с Валентином:

А для вас я — никто, как и вы для меня!
Я плюю на закон, вы меня — в лагеря!
А для вас я — никто, сколько было таких,
Сквозь очки разглядеть мою жизнь не смогли!

Внутренний голос Ивана предательски им подпевал.

Поставив песню на повтор, Юля положила телефон в гроб, под ухо сыну, велела заколачивать крышку:

— Пусть эта музыка будет вечной. Вечно с ним. И на том свете.

Иван посмотрел в закрытые глаза крестника.

— Найди там свою звезду, — сказал крестный.

И застучали молотки, под музыку, повторяющуюся и повторяющуюся...

Пока закапывали гроб, у автобуса организовали поминки на двух ящиках, Юля громко просила всех не тупить и поминать. Она никогда не умела нормально говорить, насколько ее знал Иван, или орет — или опять же орет. Особенно когда злоупотребит, а без злоупотребления Юля не начинала ни один день в своем полумире.

— Жизнь, это она во всем виновата! — кричала, вытянув к небу пластиковый стаканчик с водкой, мать покойного. — Так выпьем же за то, чтобы этой жизни от нас тоже досталось!

Выпили, Юля объявила, что следующий тост от крестного.

— Тост, Юля, ну ты как скажешь... — промямлил Валентин, только его никто, кроме него самого, не услышал, и бывшая жена настойчиво требовала — тост!

Если Юля не пропила окончательно мозги, то, поковырявшись в ящиках памяти, смогла бы вспомнить, что бывший сосед через стенку терпеть не может говорить тосты и обычно отделяется какой-нибудь остротой, шуткой, молчанием...

Но хмельной мозг рыжей головы требовал тост:

— Тост, и чтоб по гроб жизни!

Из земли едва доносятся звуки песни о нелегкой жизни и выборе быть вне закона, кладбище притихло в ожидании тоста. Юля замолчала впервые за сегодняшний день. Гробовая тишина.

Все ждут и всё ждет одного — тоста.

Иван набрал, сколько смог, жаркого кладбищенского воздуха с привкусом жженой резины и на выдохе сказал то, что все здесь от него хотели услышать. Не сказал, он запел:

— А для вас я — никто, как и вы для меня!..

По гриб жизни

Как отделить реальность от нереального? Какова шкала измерения? Есть ли она?..

Иван Николаевич спросил себя: на сколько он оценивает все происходящее сегодня, начиная с дома Паниных, и вот сейчас на кладбище? По десятибалльной шкале нереальности?..

— Восемь, — не задумываясь, ответил Иван, причем сделал это вслух, громко, — восемь с половиной даже.

Прямоугольный земляной холм с подсыхающей землей, новая крыша для крестника Саши, крыша всего человечества, колыбель. Кладбища, действительно, убаюкивают: осторожной, хрупкой тишиной, могильным спокойствием, каменной уверенностью в завтрашнем дне...

До девяти отметку нереальности дотянуло следующее: все сели в автобус, каждый на свое место, Юля, как она всем объявила, «по мокрому делу» отлучилась и... пропала.

Водитель нервничал, курил одну за другой сигареты, сигналил, долго, настойчиво.

— Может, пойти поискать ее? — предложил Иван спустя полчаса.

Юлин бывший муж отхлебнул бормотухи:

— Появится, мож, приспичило по-крупному.

«По-крупному» растянулось еще на полчаса. Молодчики из АУЕ решили ехать на автобусе, пожилая пара молча обменивалась возмущенными взглядами, Валентин пил и никак не мог напиться.

Через час Юля появилась. В подоле сарафана, его она задрала по самое не хочу, Юля принесла грибы.

— Дай мне скорей пакет, — шипящим шепотом на ухо Валентину, — там еще грибов до хренища.

Высыпала на свободное сиденье пахнущие свежестью желто-коричневые дары леса. Лисички, подберезовики, маслята, отметил Иван.

Водитель завел двигатель, Юля закричала:

— Сто-о-оп!

Валентин закрыл лицо руками, Иван подумал: началось.

— В такой траурный день я что, не могу грибов в память о сыне собрать, а?! — заорала рыжая голова. — Может, голосование еще устроим?! Кто за то, чтобы грибов собрать, а кто — чтоб ехать к чертям собачьим!

— Так время, — водитель растерянно показал женщине телефон, — вы же с начальством до двух, максимум до половины третьего, договаривались.

— Со смертью, значит, шутить вздумал? — Юля угрожающе нацелила испачканный в земле палец. — Над покойниками изгаляться?.. Что, время на мертвых найти не можешь? Так они сами у тебя его заберут. Оттяпают половину твоей жизни, узнаешь тогда, как спешить на тот свет!

— Делайте что хотите, — напуганный молодой водитель выпрыгнул из кабины.

Довольная победой женщина потеряла ладони:

— Так, кто со мной по грибы?..

Нереальность девять из десяти.

Иван остался в автобусе. Две рюмки водки за упокой души крестника и царствие небесное сказались, разморило, а стоило ему уткнуться лбом в спинку сиденья напротив, Иван тут же оказался в настоящей, сто процентной нереальности. Иван был в гробу.

Похороненный заживо.

«Не паникуй, экономь воздух, выверни рубашку наизнанку и завяжи над головой мешком, — пошагово расписывал план высвобождения, — бей в середину гроба, чтобы пробить дерево, землю утрамбовывай до упора, попробуй встать, выползай из земли червем...»

Но вместо этого повернулся на бок, потом на живот и начал энергично разгребать темноту руками. Мягкая, на ощупь как пластилин, холодная темнота поддавалась и вскоре стала илом, стала водой. Иван выплыл из гроба в темную воду, а из воды выбрался на берег. Стало светлее из-за

яркой луны, и море светилось. На берегу девочка в светящемся платье кружится, напевая.

— Что ты здесь делаешь? Ты заблудилась? — спрашивает Иван и сейчас лишь замечает, что полностью обнажен.

— Не бойся, твоя одежда, все твои вещи и ты сам там, в кустах, в тайнике.

— А где этот тайник?

— Там, откуда пришел, возвращайся назад, — отвечает девочка, продолжая раскручиваться.

— В гробу?!

— Называй как хочешь, — смеется девочка и кружится, кружится.

— А тебя как зовут?

— Я — это новая она! Ха-ха, теперь ты слепой?! Разве не видишь? Еже Вика я. Разуи глаза! *Разуи глаза! Расиннуруй!*

— ...Глаза, Ваня, ты что, спишь с открытыми глазами? — Валентин сел рядом. Иван уже не спит, по крайней мере, не на берегу моря со сверкающе-кружащейся девочкой, а сидит на заднем сиденье в автобусе и смотрит на старого знакомого.

— Приехали, говорю, — дышит в лицо перегаром Валентин, — а ты спал с разутыми глазами, вот что, феномен прям.

Автобус и правда стоял на перекрестке возле дома номер шесть, где на втором этаже обитает полусемья Паниных.

— А с грибами что?

— Два пакета, — гордо ответил Валентин. — Ладно грибы, тут еще и белка та самая объявилась, веришь? Юлька говорит, знак это.

Не понимая, о какой белке речь, Иван поднялся, ноги будто не его.

— Водка у вас не паленая, случаем? — спросил, не надеясь на честный ответ.

— Пятьдесят на пятьдесят, — подмигнул Панин. — Не «боярышник» — и то хорошо.

Согласился Иван:

— Это точно. Ну, тогда понятно, откуда белка.

Вышли из автобуса, водитель с лицом-маской не выронил ни слова. На прощанье искупал всех в дорожной жаркой пыли из-под колес.

— Так известно же откуда, все выходы из поселка знают откуда, да и городские в курсе.

В Кирпичном поселке про кладбищенскую белку слагали легенды. Считается, что белка — это вернувшаяся с того света ясновидящая баба Катя. Катерина Ильинична якобы предсказала свое перевоплощение, и белка в доказательство пила водку из оставленных на могилах памятных рюмок, по-заправски, говорили очевидцы, в точности как покойная колдунья баба Катя. Пила и не закусывала. Спьяну белка кидалась на непонравившегося посетителя кладбища, кусала и царапалась, дралась с собаками, воронами и могла испортить похороны, если ей чем-то не угодили. Например, налили не полную рюмку водки.

В зале, на столе, где несколько часов назад стоял гроб, накрыт поминальный обед.

Маша, догадался Иван, сел с краю на угол, поближе к выходу.

— У меня на вечер работа, — шепнул Юле.

Она принесла альбом с фотографиями, села рядом, во главе стола, налила две рюмки водки, объявила:

— Так, у нас самообслуживание, давайте, наливайте и помянем моего сыночка.

Валентин обслужил себя и пожилую пару. За столом еще мальчик лет десяти, сосед, ему Валентин налил минералки.

— Белка баба Катя — это знак, — начала Юля, поднимаясь, — я не верила, теперь поверила.

— Так своими глазами видела, — поддакнул бывший муж.

— Ага, вот этими, своими собственными, как вас всех сейчас, видела, давайте сперва выпьем за Сашеньку, белка это уже сделала. — Мать покойного выпила, тряхнула рыжей головой, упала на стул громко, с треском, ударила себя по лицу свободной ладонью, завывала.

Иван лишь пригубил водку, вернул рюмку на стол.

Бесслезно повыв по некоей для себя установленной программе, Юля резко замолчала, снова налила, подняла рюмку, решила не вставать:

— Помянем, я по гроб жизни буду помнить все это. — Перекрестилась рюмкой. — И вот вам крест. Клянусь, сын, выпью за тебя с белкой Катей, завтра же поеду на могилу и мы с ней выпьем, чтобы тебе там жилось лучше, чем жилось здесь у нас.

Мальчик сосед хихикнул и получил следом за смешком звонкий подзатыльник от Юли.

— Завтра найду белку и выпью, — повторила и выпила.

Иван слегка прижег язык. Взял альбом с фотографиями, но Юля вновь потребовала внимания к своей персоне.

Солнце нимбом горело над рыжей головой пьяной женщины, Юля рассказывала:

— Пошла я, значит, пи-пи. Зашла далеко, за новое кладбище, а там лесочек, болото и грибы.

Говорила, лавируя между безобразно, пьяно растянутыми словами и скороговоркой.

— Белка в точности что мои волосы цвета, рыжее рыжего. Я, значит, пи-пи, а она рюмку, явно не с водой, с могилы, что прямо напротив меня, хватить — и залпом. Баба Катя, говорю. И так вдруг захорошело все вокруг и внутри, словно не просто облегчилась, а сняла весь груз с души за всю жизнь. А в подоле гора грибов, ну я и скорей до автобуса...

— За это надо выпить, — подал голос Валентин, — за чудо это.

— Валька! Это еще не чудо, но мы и за это выпьем, Иван Николаевич, давайте, скажите пару слов.

Иван поднялся:

— Все, что мы сейчас можем для Саши сделать, это продолжать жить не так, как раньше, а так, как он бы хотел жить. Уверен, Саша, ты нашел свою звезду, и вы вместе на веки вечные. Вечная память.

Юля закатила глаза. «Прекрасно!» — беззвучно сказали губы и выпили.

Мальчик-сосед чихнул и снова получил подзатыльник.

— Цыц, — женщина поднялась, — чудо случилось, — обвела взглядом гостей, неработающий лет пять телевизор, старую стенку с лжехрусталем, книжную полку без книг, собранный в кои-то веки диван, — белка заговорила со мной.

Старики, сдобренные алкоголем, ахнули. Сосед мальчишка распахнул рот. Валентин слотнул.

Выдержав паузу, а на самом деле борясь с изжогой, Юля продолжила, проглотив горечь желудочного сока:

— Я не поверила своим ушам, но белка повторила, она повторила, чтобы я расслышала. Понимаете?

Все за столом понимающе закивали.

— Здесь нам хорошо. И сыну твоему, и родителям твоим, и всем покойникам твоим хорошо. Иди и поминай их водкой и хлебом. Грибами — это мой подарок тебе. По гроб жизни.

— Подарок — грибы? Или по гроб жизни подарок?.. — невразумительно промямлил бывший муж. — Грибы, мож, какие чудодейственные?..

— По гриб жизни.

Бывшая жена задумчиво смотрела на Валентина, кусая ноготь на большом пальце левой руки.

— Думаешь, грибы не простые? — переменялась Юля в лице, серьезно сдвинула брови, сжала губы. — Боже ж... Они явно ведь какие-то освященные... Волшебные...

Шкала нереальности, сползшая до отметки пять, выстрелила в девятку.

— Подарок от чудо-белки и не может быть простым, — схватилась за сердце Юля, жестом показала, чтобы Иван ей налил, — надо будет их беречь как зеницу ока.

Иван налил водку, женщина выпила, словно мучимая жаждой, схватила Ивана за руку, подняла, вывела в коридор, подвела к раковине на кухне.

Раковина была наполовину забита грибами. Есть и поганки, заметил Иван Николаевич.

— Скажи, только честно, — это волшебные грибы? Что тебе твое творческое нутро говорит?

Нутро Иван действительно требовало воды на дорожку и бегом до дома. Иван же соврал:

— Яркие грибы, как нарисованные, сказочные.

— Да? И ты заметил? — воодушевилась рыжая голова. — Будто искусственные и неживые, а ведь живые, настоящие. Я тебе пакетик наложу.

Схватила горсть рыжих лисичек, сдернула с веревки сохнувший целлофановый пакет, вторую горсть отправила туда же и третью.

— Не знаю, что ты будешь с ними делать, — сунула в руки пакет с грибами, — я со своими-то не знаю, что делать, разве волшебство можно есть?..

Ответа на вопрос, как можно употребить волшебство, у Ивана не было, он сказал:

— Я пожарю.

Юля откусила кусочек от огненно-рыжего гриба, прожевала, проглотила, фыркнула, нагнулась и прошептала в ухо:

— Ой, а потом что, высирать волшебство, что ли?

Сказал первое, что забрело в голову, Иван:

— Так волшебством, как и добром, делиться надо...

— Ага, и богатством, еще скажи, делиться надо, — среагировала Юля, — ни одна скотина зажиточная чёт не делится, вот и волшебства шишок под носок. Скажи спасибо, что с тобой по-братски поделилась, по старой памяти, как по гроб жизни с тобой поделилась.

— Спасибо.

Женщина вдруг схватила друга за локоть:

— А что, если мы съедим эти грибы — и тоже, то самое, следом за Сашкой туда?!

На лице явный испуг, даже ужас, алкоголь забил последние ячейки разума беспричинным страхом, «на измене» Юля пригнулась, спряталась за Иваном, выглянула из-за плеча мужчины, изучила оценивающе коридор.

— Да все нормально, Юля, — Иван не сдержал улыбки, — пойдем, фотографии посмотрим, вспомним...

— Тсс, — зашипела, — кто-то подслушивает. Кто-то в коридоре.

И оказалась права: двое друзей Саши по банде, малолетки из АУЕ, показались в проеме кухни.

— Пойдете завтра со мной белку искать, — приказным тоном выпалила женщина, — за это грибов дам волшебных отведать.

Переглянулись мальчишки:

— Так это, тетя Юль, она же не настоящая, — сказали в один голос.

— Вы больно настоящие, — замахнулась тетя Юля. — Думала по горсти вам грибов дать, а шиш! Вы чё мне сделали?! Сына угробили! Дармоеды и паразиты. Гниды вы, вот кто! Кровопийцы! Что вы сделали друг для друга?! Для себя даже ничего сделать не можете! Подделки! Искусственные! Суррогаты! У вас ничего своего нет! Все чужое: мнение, слова ваши, мысли, поступки!.. Да все! И все вы — это чье-то чужое! Не ваше! Вас нет! Вы — тьфу! Пустое место! Ноль без палочки. С кем я разговариваю? Пустота! Ау?! Ау-у-у! Нет никого!

Ауешники снова переглянулись, весело заблестели глаза, захихикали: — Это, тетя Юль, гриб в вас заговорил. Из-за грибов, видать, так прорвало на всякое нравоучение учительское, — говорили складно, друг за другом, — стресс и грибы, вот вы и несете всякое, что на ум придет. А нас зона научит. Вам нас не научить. Санька вот понимал...

— Понимал?! Ах, понимал! И где он теперь?! Понятливый! Что заткнулись?! А может, и вас грибами накормить?! И вы поумнеете! Херней маяться прекратите и за ум возьметесь! А?! Сына накормить не успела, но вам-то сейчас понабываю в глотки ваши грибочков белкиных. Давай, Ваня, хватай молокососов! Сейчас мы их научим уму-разуму!

Иван покосился на мальчиков, те смотрели на него с изумлением, в ожидании ответной реакции хлопали ресницами, широко, в недоумении, разинув рты.

Иван Николаевич увидел, как хватает первого бритоголового мальчугана за шиворот, тот не вырывается, позволяет заломить ему обе руки за спину, а Юля, довольная, запихивает горсть грибов вместе с кулаком в горло ауешника. Второй пытается убежать, спотыкается о собственную ногу, летит на пол, его тут же оседлывает рыжеголовая хозяйка квартиры с новой порцией волшебных грибов.

— Съешь! Ваня! Съешь и ты гриб скорей, иначе не увидишь всю картину! — вопит Юля. — Съешь, чтобы открылись глаза! Чтобы прозреть!

Она бросает грибы к потолку, и они разлетаются фейерверком — кроваво-алым, как помада соседки. И белая фигура с множеством имен здесь же, стоит у подоконника, размахивая обоюдоострой косой.

— Сорокинщина какая-то! — прервал Иван свою фантазию, женскую истерику, смех юнцов, установив шкалу нереальности на нуль. — Осталось только начать дерьмом кидаться, а под конец сожрать друг дружку!

Громко так выдал Иван, как на репетиционном прогоне своей передачи перед выключенной камерой. С эхом. На разрыв горла и ушных перепонок. От души — отметили про себя молодые будущие бандиты.

Кухня заполнилась тарактением холодильника и жужжанием застрявшей между оконных фрамуг осы.

Тишина, вот чего им всем не хватало. Юля устало уронила рыжую голову на грудь. Мальчики смотрели на него с интересом, только не решались побеспокоить зависшую программу жизни. Жизни, требующей перезагрузки. Форматирования всех дисков.

Минута, вторая, жизнь остановилась на кухне, перестал работать двигатель в старом холодильнике «Ока», оса выбралась в открытую форточку, тишина приводила в порядок суету сует, время, мысли, пространство... Вечность.

Третья минута, Иван смотрит на секундную стрелку наручных часов. Стрелка делает еще круг, а на следующем круге Юля взламывает кухонно-бытовую матрицу.

— Не по-человечески как-то все, — закрыла лицо руками она, — не по-человечески. Не по-матерински.

Села на корточки посреди кухни, громко, искренне, по-матерински заплакала.

Иван кивнул мальчикам, втроем вышли из кухни, возле вешалки с флагом бритоголовые зашептали, затараторили, оглядываясь на рыдающую мать:

— Это же не мы виноваты?.. Что все так вышло? В этом во всем? И что с Санькой так случилось — тоже не мы! Жизнь такая, грибная, не мы такие...

«Грибная жизнь» — отличное определение сегодняшнего человеческого существования. Их существования. Их жизни.

Иван Николаевич посмотрел в глаза лысого мальчишки, выдавшего перл. Глаза голубые, добрые, на переносице царапина от внезапной ветки или когтей любимого питомца. Над верхней губою золотой пушок волос, щеки в ямочках. Прилежный ученик из альбома выпускников средней школы, если бы не синие рваные татуировки, набитые неопытной рукой. Вокруг шеи — колючая проволока, из-под закатанных по локоть рукавов спортивной мастерки выглядывают синие воровские аббревиатуры: П.О.С.Т, С.Л.О.Н, Ю.Г, С.Э.Р.

— Смерть — это рай? — спросил Иван.

— Прости, отец, судьба такая, смерть легавым от ножа, юный грабитель, — демонстрируя кривые буквы, расшифровал ученик из альбома, — да, угадали, смерть — это рай.

Сказал и спустил рукава, спрятав наколки, лицо пошло красными пятнами, мальчик, пряча глаза за сдвинутыми бровями, совсем уже едва слышно пробурчал:

— Не от большого ума, да?..

Второй пихнул его локтем:

— Тоже грибами обдолбался, чё ли?! Дуркуешь?!

— Сам ты гриб! — рывкнул первый дерзко и громко, показал кулак. — Иди лесом.

Повернулся к Ивану Николаевичу: в сумерках коридора, на фоне российского флага, прилежный ученик смотрелся победителем. Победивший себя победил весь мир, не так ли?.. И хоть время героев пришло, это другой герой.

Грибной герой?

Антигерой?

С мысли сбил вопрос:

— Что за сорокинщина такая?.. Это как и Достоевщина, я прав?..

Неожиданно у Ивана от удивления вырвалось:

— Ой.

Реальность нереальна.

— Мне не нравится Сорокин, его «Голубое сало» не нравится, — говорил, как отвечал на уроке, ученик, — я Достоевского люблю, «Идиота» особенно. Два раза перечитывал.

Мать на кухне перестала плакать.

Снова затрещал холодильник.

Второй ауешник хлопал глазами, Иван кивнул:

— Ты его новое почитай.

— Новое?.. — хмыкнул мальчик. — Новое не значит настоящее. Так ведь? Не, я лучше «Идиота» в третий раз перечитаю, а еще лучше — за «Бесов» возьмусь. Давно собирался.

— «Бесов»? — Время удивляться и собирать камни. — Я сам, честно, не осилил.

— Решено, «Бесы», — протянул мальчик руку мужчине. — А вы говорите, Сорокин. Грибной он!

Пожали они ладони.

— Это, а чё за бес-то? — очнулся друг, суетливо затоптался на месте. — Бей, если сможешь? Да?..

Юля поднялась, отряхнулась, помыла руки. Взяла пакет с грибами для старого друга, протянула Ивану:

— Пойдемте, помянем. По-человечески.

Шкала реальности на цифре десять.

Стопроцентная реальность.

Чертополох

Молитва делает тебя сильнее, учила бабушка. Ваня знал две молитвы назубок, разбуди ночью — прочтет без запинки, во взрослую жизнь донес лишь «Отче наш», напроочь забыв молитву Богородице. Но в силу молитвы, увы, Иван Николаевич не верил.

Мышцы молитвы в правильном наборе слов, считал Иван. Это работает, как и любая вера во что угодно, на бессознательном, метафизическом уровне. Молитвой не постоишь за себя в споре, драке, и гвоздь ею не забьешь, молитвой неисправный кран не починишь, ошибки жизни не исправишь. Утверждают: верующие, молящиеся люди быстрее выздоравливают. С Иваном это не работало, как и не работало со всеми его знакомыми. Простуда лечилась от трех до семи дней, с молитвой или без нее.

— Молитва расслабляет надеждой, — заявлял он, — расслабляет шальной мыслью, что высшая сила поможет, спасет, защитит, сохранит... Вот в чем минус.

На поминках крестника Александра мать покойного решила устроить групповой сеанс молитвы. Иван понял: ему пора уходить.

Немногочисленные гости за столом взялись за руки, сначала долго молчали, а когда Иван попрощался и прикрыл за собою дверь, услышал пугающее бормотание:

— Отче наш, Иже еси на небесех...

Средневековые картинки казней инквизиции промелькнули, пока сбегал по лестнице, фотографии массового самоубийства в Джонстауне, где сектанты «Храма народов» причастились кровью Христа с цианидом...

— Да святится имя Твое, да придет царствие Твое...

Душные сумерки пропитаны пылью, запахом отцветшей черемухи, бензинными испарениями. Тоской.

Небеса цвета темно-фиолетовых чернил с апельсиновыми, красными венами закатного светила, в такое время проще думать о Боге и молитвы сами слетают с языка. Время перед темнотой — время божественного проявления в людях. Оно поднимается, как и страх перед религиозными фанатиками, из первобытных глубин, притянутое громадой над головой, силой ночных светил. Человек ощущает себя частью замысла, крупинкой Бога во Вселенной, неотъемлемой частью, звеном цепи, шестеренкой механизма вечности под управлением Бога, и бессознательно все внутреннее в homo sapiens обращается к Нему, все создавшему, всем заведующему:

— Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Стрижи полосами, нервными зигзагами режут темнеющее небо, словно стараясь выпустить из него уходящий свет.

— Тупые птицы, ни дождь предсказать не могут, вечно обманывают, ни солнце вернуть.

Хмель рождает почти апокалиптические полотна: вот птицы стальными клювами вспарывают синюю плоть неба, и струи кровавого дождя орошают землю. А как схлынула вся кровь, из пустого, черней черного, сердца Вселенной показался всадник, точнее, всадница в белом одеянии, с длинными развевающимися волосами, на бледной лошади. Бьет копытами животное, повиснув над макушками деревьев, и копыта пропечатывают июльский вечер кровавым трафаретом: **ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ!**

— И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, — пробурчал Иван.

На автобусной остановке ни души.

— Как аллегорично. — И тут Иван вспомнил: он в детстве каждое утро просыпался с мыслью (лишь мыслью?), утро за утром, с мыслью о конце света. Воспоминание обожгло буквально физически, каждую пору тела пронзили невидимые иглы, воспоминание прошло сквозь, загорелось в нем. Он пронесся через десятки лет назад в прошлое, оказался в своей кровати детства, в любимой оранжевой пижаме в синий горох. Его разбудили птицы, они галдели за окном кто во что горазд, и Ваня подумал — не к добру. Подумал — к концу.

Тридцатипятилетний Иван Николаевич подумал: почему не вспоминал об этом раньше?

Подумал: почему эхо прошлого отозвалось именно сегодня, сейчас, на остановке, где ни души?

— А как твоя душа, приятель? На месте?

Остановка — железная коробка с узенькой деревянной скамейкой у стены. Свежие отметины, послания от АУЕ: «Живи, люби, кради, гуляй, купи весь мир, потом отдай! Всегда лишь помни вещь одну — не забывай свою братву!» — черным маркером. Слева от главной надписи

выцарапано: «На словах ты Лев Толстой, а на деле дуб простой!», справа: «Саша мерзнет, иди к ней. Грей Сашу. Сашу Грей». Иван сел между этими лозунгами. Крыша кричала безграмотными черными каракулями: «Ат смерти ишо никто ни умерал».

— И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, — вздохнул Иван, отводя взгляд от того самого лукавого, рогатого, с длинным языком, глазающего на него сверху с алюминиевого листа дырявой крыши. Лукавый был мастерски вырисован шариковой синей ручкой, до трещинок в глазах. Под дьявольской мордой не менее дьявольское выражение под стать известной амфиболии: «Распять нельзя распить».

— Чертова запятая.

Сказал и спиной почувствовал, что прямо у него за спиной кто-то стоит.

И не просто стоит, тяжело, с хрипом дышит, легонько постукивая по металлической стенке, их разделяющей, чем-то острым.

Первый порыв души и тела — вскочить, убежать — Иван победил. Кашлянул, пошуршал целлофановым пакетом с грибами, еще раз кашлянул.

Некто за стеной заворочался грузно, запыхтел...

И вновь прошлое напомнило о себе щекочущим дежавю: Иван слышал эти звуки в сырой темноте ежевичных зарослей у заднего забора, слышал много раз, мальчиком заглядывая внутрь таинственных, колючих, живых кустов.

Боясь, что не сдержится, сорвется, побегит, окажется в детстве, в объятьях ежевичных лиан, Иван Николаевич громко спросил:

— Тоже автобус ждете? Единицу?

Неизвестность выдохнула мужским басом:

— Ничего я уже не жду. Ни жизни, ни смерти не жду.

Как часто, услышав голос, мы создаем образ, и как часто этот образ не соответствует действительности. У безобразного всегда прекрасный голос. Иван представил старика — горбатого, может быть бомжа, смолящего свернутую из подобранных вокруг остановки сигаретных бычков самокрутку. Старик сидит на корточках, на нем ватные штаны, телогрейка, бейсболка с надписью «Россия», он смотрит в сгущающуюся ночь и ничего ни от жизни, ни от смерти не ждет.

— А я вот единицу жду, последний автобус должен еще быть, — оправдывался Иван.

— Знаю, — ответил «старик», — все чего-то ждут, а здесь, на остановке, тем более.

— Жизнь из ожиданий и состоит. Не живем, а ждем неизвестно чего.

— Хех-хр, — хрюкнуло за стенкой, — если ждешь, значит, надеешься, а коль на что-то надеешься, значит, молишься. Молишься, это получается, что веруешь. А коль веруешь, нечего на жизнь роптать. Хех-хр.

Теперь это стариковское «хех-хр» показалось Ивану рычанием, хищным, звериным рыком, предупреждением перед атакой. «Старик» обратился в некое животное — наполовину тигр, наполовину шакал, он притаился за остановкой, готовый в любой момент к прыжку. Оскаленные, поколотые жизнью клыки, тусклый отблеск болотных глаз, слюна повисла на съеденном лишае подбородке.

— Хех-хр, проклятье! Что люди, что экология, все ни к черту. Тьфу. А уж в чем в чем, а в чертях я разбираюсь. Спец по чертям.

Смачно отхаркнув, зверь вновь стал человеком, шерсть сменилась грязной, прожженной в нескольких местах телогрейкой, животное — ничего не ждущим, смолящим табак бомжом.

Вот и ответ — это оборотень.

Иван кашлянул, поерзал на неудобно узкой скамейке, опасливо взглянул вверх на скалящуюся рогатую морду. Где-то в недрах сознания рисунок ручкой переместился с крыши за остановку, обретя кровь и плоть...

Лукавый был на месте.

Он всегда на месте, подумал Иван. Сказал:

— Да, летом печет, как в аду, зимой мороз под сорок, так что ветки тополей трещат-ломаются.

«Оборотень» выдал неповторимый звук, в этот раз показавшийся храпом:

— Ад. Да много ты про ад знаешь?

— Ну-у-у, кое-что... — волнение приглушило голос, Иван шептал.

— Да ни черта ты не знаешь! Хех-хр. Любите вы, люди, разглазговать о том, чего не знаете. Не видели чего. То ад с раем беретесь описывать, загробный мир тоже любите трясти, по-своему кроить да над Богом по-всякому изгаляться... Себя не знаете, люди. Вы себя сначала узнайте. Кто вы? Что вы? Зачем и куда?..

— Так, а вы что же — не человек? — Иван сразу и не понял, что произнес это вслух. Но из-за стенки, тонкой металлической преграды, пришел ответ:

— Спец по чертям я. Сказал же.

Голос у спеца стал чистым, без налета старческой хрипотцы, помолодевшим.

И выглядел он соответственно — как все среднестатистические специалисты: строгий костюм, галстук, туфли с острым носом... Таким Иван Николаевич представлял любого обозначенного многозначительным словом «специалист».

— Я не сказал специалист, я сказал спец, — раздалось за спиной, — спец по чертям. Так я сказал. А вы снова, как и все люди, накрутили черт знает что.

Зажглись фонари, осветив проезжую часть, кусок автобусной остановки, свет проник и в Ивана теплым лучом, разбавив беспокойство любопытством.

— Интересная у вас работа, — шутливо сказал и пошумел пакетом Иван, — должно быть, зарплата хорошая...

— Хорошая, — подчеркнуто иронично, — да как у вас, у людей, чаще продукцией расплачиваются. Чертями беру.

Шутник.

— Это как это? — поддержал шутку.

— А как у вас в поселке, на керамическом заводе, когда унитазами расплачивались. Так и с чертями... Черти — что унитазы... Хех-хр.

— Было дело, — подтвердил, вытягивая ноги, Иван. — Вы в курсе поселковых дел, сами, наверное, из Кирпичного?..

Заворочалось за стенкой, зауhalo, возвращая Ивана на задний двор, на корточки к ежевичным зарослям. Потянуло с реки Волчий Хвост сыростью, на остановке запахло в точности как в ежевичных внутренностях, где маленький Ваня хранил в далеком прошлом свои секреты. Морозец пробежал мурашками под одеждой, Иван поежился, померещилось: изо рта выплыл теплый дымок, последнее дыхание, душа...

— В Кирпичном полно чертей, — спец утробно, страшно засмеялся. — Черт на черте. Санитарная зона. Преддверие ада. Поселок снести должны были еще в шестидесятых, знаешь же, из-за близости комбината, там у вас все выбросы комбинатские оседают, вот черти и рождаются.

Свет фонаря над остановкой нервно замигал, лампа загудела. Иван сказал:

— Но живем же как-то, и чертей не особо наблюдаю...

Спец неожиданно резко вскрикнул, Иван вздрогнул, лампа ослепительно вспыхнула, и белый свет оборвался темнотой.

— Так, может, ты сам черт?! Не задумывался, нет?! Черт черта видит издалека! Слышал такое?..

Вместе с темнотой прокрасалась тревога и то забытое чувство из детства, когда отец запирал его в комнате-зале и выключал свет. Сначала был страх, но со временем Ваня подружился с темнотой. Не приручил, нет, он научился разговаривать с ней. С теми, кто таится во мраке. И в нем поселилось новое, волнительное чувство тьмы. Оно приятным холодком щекотало низ живота, подбиралось к горлу щемящим желанием взвизгнуть. Темнота поселилась в нем, спряталась на дне...

На дне вулкана?..

Это больше, чем воспоминание, это крушение, оползень, цунами, извержение...

Иван Николаевич встал, стало трудно дышать. Горечь изжоги поднялась из желудка к горлу.

Вулкан, спящий в нем — столько лет, лет двадцать? двадцать пять? — проснулся. Загудело в ушах, задрожал всем телом Иван. Сплюнул раскаленный комок.

Вулкан, ну конечно, его личный, им созданный внутренний вулкан. Спасение и наказание детства. В нем прятал он свои тайны, желания,

обиды... Вулкан помогал находить ответы, защищаться и нападать... Из него брызгала магма мести, и в нем же растворялась боль...

Спец по чертям, он разбудил его?..

— Боже, — выдавил, чтобы не задохнуться.

Глотал прохладный вечерний воздух, третьим глазом наблюдая, как языки пламени змеиными жалами бьются в уголках губ...

— Что, никак черт в тебе пробудился?! Хех-хр.

Захотелось закричать — кто ты? Но Иван знал, что ответом будет: «Я же говорил». Воображение рисовало ежевичное существо, огромный, человекоподобный куст колючей ежевики, спустя столько лет оно нашло его, вернулось за ним.

— Зачем? — вырвалось.

И услышал:

— За шкафом. Слишком много вопросов. Жизни не хватит на них отвечать. И не любит жизнь вопросы. Лучше, когда что-то остается непонятым. Сокрытым. Тайнами и недосказанностью теплится жизнь. Жизнь — это незаконченность. Когда все заканчивается, это уже не жизнь!.. Много что должно оставаться за рамкой картины. За рамкой и начинается настоящая жизнь. Поэтому не смотри на картину в раме, смотри, что за рамой...

— Чертовщина.

Стоял посреди остановки в темноте, приводил дыхание в норму. Насколько это было возможно в данной ситуации, где нереальность вновь зашкаливала.

— Чертовщина, — повторил.

— Жизнь — трава, и смысл жизни, ответы — всё находится где-то ниже травы, не в траве... В корнях надо искать, в самом-пресамом низу... Ниже корней. И ниже...

Голос зазвучал гипнотизирующе — ниже и ниже...

— Не спать, не спать, не спать, — приказывает себе Иван.

Спец по чертям, вероятно, хочет усыпить если не его самого, то разум, усыпить бдительность.

— Ниже, еще ниже и ниже...

— Не спать, не спать, не спать.

— Для того чтоб не спать, сначала не мешало бы проснуться! Хех-хр!

Металлическая коробка затрещала, сотни, тысячи когтистых ежевичных веток-лиан поползли, опоясывая остановку, скребя, царапая железную плоть, пытаясь добраться до плоти живой. И — о, этот шипящий, невыносимо пронизывающий до зубной боли звук!

Бесполезно закрывать уши, бесполезно кричать и звать на помощь.

Иван сел на корточки, закрыл голову руками и во сне или наяву начал молиться.

Бабуля учила:

— Молись, как умеешь, словами, что приходят в голову, ими проси боженьку о помощи, о защите. Говори просто, как думаешь, говори. Бог ведь все и так о тебе знает. Видит твое сердце. Сердцем молись.

Иван Николаевич читал зазубренную с раннего детства молитву. Сначала про себя, потом вслух, чтобы не слышать корябющих внутренних звуков вокруг. Иван выкрикивал слова молитвы, пока не услышал эхо собственного крика.

— Ибо Твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь.

Аминь — вернулось эхом. Тишиной теплой ночи проникло, стало облегченным вздохом.

Аминь.

Иван открыл глаза. И тут же услышал голос:

— Что-то потеряли?

Водитель, молодой бритоголовый парень, похожий на бандитов из АУЕ, выглядывал из открытых дверей автобуса номер один.

— Могу фонариком посветить, если надо.

Иван поднялся с корточек.

— Уже нашел, — сказал, забрал пакет с грибами со скамейки. Мельком взглянул на крышу, на скалящуюся рогатую морду. В свете окон автобуса рисованные глаза лукаво светились.

Заснул, что ли, спросил себя, спросил рогатого.

Водитель напомнил:

— Точно нашли, что потеряли? А то время-то кирдык...

— Нашел, точно нашел, — поднялся Иван на ступеньку автобуса и, прежде чем захлопнулись двери, ясно услышал за спиной:

— Хех-хр.

Не обернулся.

Автобус шумно тронулся. Иван достал мелочь, расплатился. В кабине водителя, на зеркале заднего вида, заметил засохшую, хорошо сохранившуюся колючку. В детстве у него была такая же в стакане без воды. Таких колючек, они их называли верблюжьими, у них в поселке было море...

— Настоящая? — спросил Иван.

— А то ж, — гордо ответил водитель, — с югов, сам привез. От сглаза это, чертополох, от нечисти всякой. У вас там, в поселке, черт-те чего только нет, вот и прицепил.

Засмеялся водитель, Иван улыбнулся:

— Чертополох, значит. Надо бы себе такой приобрести. А то правда черт-те что творится.

«Единица» выехала за город, в крошечную темноту. Иван устроился на заднем сиденье, смотрел в чернь мрака за стеклом, а перед глазами маячком из прошлого — зеленая с фиолетовым цветком-головкой верблюжья колючка. Оберегом. Молитвой.

Камень, ставший светом

Скорей всего, детство живет в нас вечно. До последнего вздоха, это точно. А может и так, что после смерти мы вновь возвращаемся в лучшие времена, а что есть лучшее время, как не детство... Воспоминания хранятся в каньонах мозга, надежно запечатанные в капсулах, консервах времени, выскакивая табакерочным чертиком — сравнение как нельзя кстати в случае с Иваном Николаевичем — в самый необходимый момент жизни. Память в смятении — как она могла это забыть? Все просто: капсулы — они вне сферы деятельности системы памяти. Запаянные намертво в саркофаги дней, события прошлого теряются в пене настоящего и могут сгинуть вовсе за ненадобностью, если не произойдет подходящий случай. Оброненное кем-то слово, аромат, жест, легкий поворот головы в силах распечатать капсулу, и тогда вспышкой возвращается прошлое, чувством, обретением, воспоминанием...

И это подобно извержению самого настоящего вулкана. Обретение забытого, прошлого, утраченного. Возвращение части себя. Себя истинного, себя настоящего, себя живого!..

Вулкан проснулся.

Иван повторил это снова:

— Вулкан проснулся.

Что-то страшное, казалось ему, таится за этим словосочетанием. Разрушительное.

— Есть моменты, которые лучше не вспоминать. — Иван перебежал центральную поселковую дорогу, неизвестно почему прозванную «трипперштрассе»: битый асфальт, едва видимая разметка пунктиром, фонари горят через раз. Через безлюдный даже днем перекресток — дальше в ночь.

Заброшенный Дом культуры «Дружба» пугал пустотой выбитых окон-глазниц. Двухэтажное здание пятый год памятником общего разложения и разрушения возвышается над поселком. Незарастающей, открытой раной... Город давно закрыл глаза на окраину, на островок с названием поселок Кирпичный. Отрезав его от центра в буквальном смысле — демонтировав трамвайные пути. Закрыв больницу, расформировав Дом культуры...

— Будут переселять, — радовалась поселковая молодежь.

— Добивают, надеются, что добьют, мором возьмут, — понимали старожилы и показывали смело дулю в сторону города: — Не дождетесь. Кирпичный выстоит и город переживет!

Продолжали жить. Выживать.

Иван купил квартиру и съехал из общежития три года назад, подарок к Христову возрасту.

На работе, в телекомпании, недоумевали:

— Почему не в городе? Почему в жопе мира?!

Иван отвечал:

— Привычка. Да и поселок не отпускает.

Нисколько не преувеличивал Иван, рассказывая о крепких узах с поселком. Город напрягал, раздражал, угнетал... Убегая в свою однокомнатную на окраину окраины, Иван Николаевич выдыхал город, смывал под холодным душем потоки машин, людей, строящиеся дома с башенными кранами, болтливых таксистов и любопытных продавщиц, парковые аллеи, забитые выпивающей молодежью, вереницу скамеек с пенсионерами и попрошайками... Смывал город. Открывал окно, вдыхал тишину, свежесть тополей с нотками болота, зеленеющего за дорогой напротив окна. В ранний предрассветный час даже летом воздух ранит ледяной, острой свежестью, днем солнце маячит за кронами деревьев, и в самый жаркий день здесь тень и прохлада, а поздним вечером, с началом ночи, как сейчас, воздух пестрит всеми запахами прошедшего дня.

У прошлого миллион запахов, по числу воспоминаний. Воспоминания часто возникают из запаха, уходят в запах...

Перфюм незнакомки в автобусе — и вот тебе девятнадцать, твоя девушка, твоя любовь, стоит в коридоре и плачет. Плачет потому, что промокла насквозь под дождем по самое не хочу, ты обнимаешь ее, прижимаешь всю такую мокрую, горячую, прячешь лицо в тине ее рыжих волос и проникаешься запахом тихой радости, мгновением счастья... И сто лет спустя едва уловимый аромат жасмина будет возвращать тебя в тот дождливый день, в объятия любимой девушки...

На углу у самого дома Ивана Николаевича остановил сладкий запах разложения, шаг, второй, запах ударил вонью, мужчина прикрыл нос ладонью, гниль обернулась газетным заголовком: «Исчезновение в Международном день защиты детей».

Сейчас ты перейдешь дорогу, заглянешь в заросли шиповника, тебе придется включить фонарик на сотовом, чтобы разглядеть источник безобразной, жуткой вони. Ты не сразу узнаешь это лицо с первой полосы газеты, ты нагнешься, сдерживая рвотные массы, помотришь в обезображенное лицо, и тебя стошнит. А если все же удастся сдержать поминательную закуску с водкой внутри, то ты вскрикнешь, отпрыгнешь от кустов, ужаленный, укушенный жестокой реальностью, и тебе до конца дней будут сниться эти пустые, наполненные чернотой глазницы. Глазницы девочки, так и не пошедшей в первый класс... Как ее звали? Светлана?

Остановился Иван. Ветер ночи разбавил аромат тлена запахом нефтепродуктов с железнодорожной станции, куда прибыл грузовой состав с горючим, стало терпимо дышать носом. Иван достал сотовый, включил фонарик, темноту бессильно разрезал тонкий луч света.

Иди и увидь!

До кустов пять шагов, не больше, столько же до поворота, а там уже горит фонарь и спасительная дверь подъезда.

И соседка с кровавым ртом, и пустая квартира, крепкий чай на ночь, и бессонная ночь будет мучить до утра вопросом — а что, если там пропавшая девочка Света?.. Утром, при свете солнца, ты осмелишься, дой-

дешь до зарослей шиповника, заглянешь и... И ничего не увидишь. Потому что есть вещи, которые видимы только ночью.

Задрожал луч, выхватил кусок черных кустов, горб металлической арматуры, стеклянную бутылку на битом асфальте.

Шагнул вперед Иван, и голос в голове, голос соседки с алой помадой на губах буквально завопил:

— Да, а потом и вас, и нас затаскает полиция! Не вылезем из участка полицейского, то как понятые, потом как свидетели, а потом и обвинят неизвестно в чем!.. Ну уж нет. Давайте, Иван Николаич, лучше домой скорей, чай с молоком, горячая ванна или холодный душ, что вы предпочитаете в это время суток, не знаю, — и спать. Без вас по запаху обнаружат, найдут, ничего не станется за ночь. Вам что — своих кошмаров не хватает?! Увидите ее разложившуюся, так век не забудете!

Остановился мужчина. Оглянулся. Голос был настолько реальным, что показалось: соседка из тринадцатой квартиры, Тамара, стоит на углу дома в халате, под матрешку расписанном, бигуди на обесцвеченных волосах, грозно машет рукой в свете окон первого этажа, кричит:

— Не стоит, видит бог! Утро вечера, того самого...

Шаг назад, крохотный шаг, робкий.

Иван увидел себя мечущимся от окна в зале к кухонному, в пижаме, потом в одних трусах, снова в пижаме, одетого в джинсы... Вглядывается в темноту, смотрит на часы: час ночи, половина третьего, четыре утра, светает в начале пятого, он выскакивает, не закрыв дверь в подъезд, Тамара верным стражем тут как тут, он не дает ей раскрыть рта, тыкает циферблатом часов в нос, ступени лестницы, перила приходят в движение, выносят его в серое утро прямо к ночным кустам шиповника, вот и горбатая ржавая конструкция, бутылка из-под пива. Но что-то не так, что-то изменилось. Запах — осенило, Иван вдохнул полной грудью свежесть нового утра, наполненного росой, озоном, ароматом земли.

Можно не заглядывать в зеленые игольчатые заросли с бордовыми плодами, прекрасная, невинная девочка обратилась колючим кустом, став вестником любви на веки вечные.

— К черту! — громко в ночь, приказом, шагая вперед за лучом. — К черту!

Тошнотворным дыханием открылся шиповник, до слез в глазах и рези в носоглотке, потревоженные светом, загудели, зашевелились мухи, устроившиеся на ночлег в ребухе раздавленного брюха пса.

— Черт!

Базлай — так звали дворнягу, гавкающую на все и вся без всякой на то необходимости: случайного прохожего, проезжающую машину, сорок, облака...

Бедный Базлай отлаял свое, попав все-таки под колеса какого-нибудь обруганного им грузовика, если судить по развороченной грудине... При виде того, как пес кидается с оглушающим лаем под колеса авто, Ивану казалось: животное мечтает покончить с собой.

Бурундуки вешаются на рогатках деревьев, если теряют запасы на зиму, собаки бросаются под колеса машин от собачьей жизни...

Посветил фонариком в звездное небо Иван.

Девочки исчезают среди белого дня бесследно, крестники сворачивают шеи и разбивают головы, не в силах бороться с жизнью, не в силах продолжать жить...

Слезы, честные, долгожданные, по щекам — как очищение. Самые настоящие поминки по ушедшему за своей звездой крестнику, с которым виделись всего лишь два раза после его четырнадцатилетия, второй раз стал последним.

Выключил фонарик Иван, растворился в темноте ночи, в своем тихом плаче по сегодняшнему дню, крестнику Александру, пропавшей девочке Свете, громкоголосому безобидному Базлаю...

Поднял глаза — успокоиться, унять слезы, отдышаться, — тут и поймал взглядом падающую звезду. Камень в небе, ставший светом.

Метеор серебристой черточкой прочертил путь из атмосферы внутрь мужчины. Иван принял в себя звездного посланника, пришелец промчался сквозь все мысли, воспоминания, чувства и мечты, пронзил сердце, под конец укрылся на дне личного вулкана Ивана Николаевича, расплавился и остался в нем навсегда.

Время собирать камни. Камни земные, камни небесные.

Под сердцем кольнуло безболезненно детство. Темнота всегда родит в нас воспоминания.

Иван нагнулся, подобрал первый попавшийся под вспотевшую ладонь камень, не глядя сунул в карман.

— У всего в этом мире должно быть название, имя. Даже у камня. Ты камень, ставший светом, — тихо сказал, словно окрестил, Иван на углу дома — как на перекрестке миров, на границе света и тьмы.

Подъезд встречает трепыхающимся, как стук сердца, как позывные (сигнал SOS?), светом мигающей лампочки, готовой перегореть в любую секунду.

— И тебе здравствуй.

Лампочка над дверью приветственно загудела.

Заскрипела, как Иван ни старался, подъездная дверь, проскользнула в щель, на цыпочках — до своей квартиры сквозь серо-зеленое, болотное пространство подъезда.

Ключ достал на ходу, два щелчка в замке, и темнота коридора обласкала сквозняком из открытой форточки на кухне.

Комнату в общежитии, что на противоположной стороне поселка, никогда не называл домом. Купленную квартиру назвал домом тоже не сразу, как-то, уже после покупки дивана, пришел с работы слегка навеселе, грохнулся в объятия прохладной простыни, осознал — дома.

— Я дома. — Разулся, прошел на кухню, включил чайник. Электрическая стеклянная колба вспыхнула голубым маяком. Не так хотелось чая, как увидеть этот свет в темноте, похожий на огоньки звезд во мраке космоса.

— Звезды в чайнике. — Стоял, смотрел, как рождаются пузырьки в закипающей воде, как возникает целая сверкающая вселенная. Бурлит, живет.

И вулкан его вдруг представился таким звездно-прекрасным...

Потери и темнота, разлука, страх и одиночество часто нам ниспосланы на пользу. Как иначе разглядеть звезды, если не ночью, почувствовать радость, не прикоснувшись к печали...

Счастье можно ощутить и стоя без света на кухне в полночь, глядя на чайник Вселенной с кипящими в нем звездами.

Две минуты чуда в день достаточно — закипевший чайник щелкает кнопкой выключателя, — чтобы чувствовать и понимать свою жизнь, ее смысл, продолжать верить, продолжать быть.

Голубое сияние утонуло в кипятке, растворилось, как кофе, что Иван не спеша залил водой в кружке, так и не включая свет. В темноте, продолжая ощущения космоса, сказки... В темноте больше вероятность чуда.

Кофе горчил, обжигал, растворял... Иван прошел в зал, сел на край дивана и слился с комнатой.

Стал частью темноты, ночи. Частью Вселенной.

— Стал камнем.

Кружка дымила на подлокотнике, Иван Николаевич поднялся бы вместе с белесым дымком вверх к потолку, покружил вокруг люстры, подхваченный сквозняком, выскользнул бы в форточку в небо и к звездам, но сна ни в одном глазу, сон прогнали ночные мысли.

Ох уж эти ночные мысли — коршуны, клюющие до крови душу, и сердце, и тело.

— Не сегодня, — сказал коршунам Иван, приподнялся, сделал большой глоток кофе, — не сегодня. Сегодня у меня есть от вас оберег. Защитник.

Еще глоток. После кофе Иван всегда мог заснуть, как в детстве после кипяченого молока с медом. А сегодня тем более, достал из кармана камень, потер в пальцах, поднес к губам, подул:

— Сегодня тем более.

Гладкий, на ощупь без изъянов камешек мерцал серебряной крошкой. Миллионы звездочек в одном непримечательном камне чуть больше ногтя, подобранном у дороги, завертелись в пальцах Ивана, ожили. Есть миры и внутри миров. Вытянулись в Млечный Путь.

Одной рукой крутил находку-талисман, другой взял кружку, допил кофе залпом, откинулся на спину.

Млечный Путь из звездного камня манил проблесками, маячками манил... И Млечный Путь стал путем железнодорожным.

Восьмой путь, узнал Иван платформу. Пока пустую, но скоро, он знает, уверен, появится Она, высеченная из белого сверкающего мрамора рукой великого скульптора-мастера. И в этот раз Она своего дождется. Дождется того, кого ждет целую вечность. Дождется любимого. Дождется... Его?..

Артхаус. Без плоти во плоти

— Похороны? В субботу? — удивляется в десятый раз секретарша Олеся. Только она не любит это слово и поправляет всякий раз:

— Офис-менеджер я, это как обозвать женщину-поэта поэтессой, сродни оскорблению.

В очередной раз Иван Николаевич говорит:

— В субботу, у нас и в воскресенье хоронят.

— В выходные — и хоронить? — удивленно взмахивает наращенными ресницами пышногрудая, отсюда прозвище Парашют, офис-менеджер, одевающаяся всегда строго согласно желанию директора телекомпании: декольтированный верх, очень короткий низ.

— И в праздники, — вставил Иван.

— Ну уж не надо! Я ни разу не видела, чтобы на Новый год кого-то хоронили!

— Сиськи есть, ума не надо, — тихо включился в разговор Семен, внештатный корреспондент еженедельника «Вечерняя среда», вечный стажер на городском телеканале и обладатель сотни псевдонимов. — Ты что, завзятая первого января на кладбище тусовщица? Или традиция такая, встречать Новый год среди жмуриков?..

Откровенно рассмеялся.

— Дурак ты, Семен, и твои погоняла дурацкие.

— Псевдонимы это, погоняло — это когда тебя Парашютом зовут.

Учи матчасть.

— Ой, ой, — защищается длинными накладными ногтями Олеся, — парашют, если чё, это спасательный элемент, он жизнь людям берегает, так что это комплимент. А у тебя: ну что за Вия Тришка? Погоняло как есть, причем дурацкое и трансвеститское.

Иван Николаевич улыбается этому традиционному утреннему обмену любезностями. В редакции только они троим, несмотря на то что уже одиннадцатый час, утро понедельника. Для телекомпании, учредитель которой признал себя банкротом, это покорное ожидание приговора, официального объявления о закрытии, увольнении. Впрочем, у Ивана этот понедельник начался хорошо, на выпуск новой, последней программы «Стихия» нашлись спонсорские деньги.

— Салон-магазин «Интим» беспокоит, — услышал с утра Иван приятный сладковато-липкий женский голос в телефоне, — меня зовут Раиса, у меня сын пишет стихи, и я хотела сделать ему подарок на день рождения.

— Сделаете, — ответил редактор «Стихий».

Стихи юного дарования его ждали в приемной.

— И вот, — протянула Олеся конверт, — это личный презент для вас, так велено сказать.

Иван забрал конверт, не раскрывая.

Пока Вия Тришка и Парашют мерились эрудицией и острословием, Иван заглянул в папку со стихами.

«Арес» — представился автор.

«Всё — плоть!» Название подборки.

И через звездочки одно за другим — стихотворения, словно автор боялся остановиться, без пауз, без пробелов, без тишины... Потому что для него они смерти подобны.

* * *

Есть у любви и патроны для нас.
Пули будут пронзать наши чувства.
Только мы проиграем, увы, в этот раз,
Потому что любовь — это повод.
Так нужно.
Ну зачем каждый раз говорить: «Я люблю?»

* * *

Гремишь посудой,
Нервы на пределе,
Еще вчера казалось — не одна,
И вот теперь за час три сигареты,
А ведь ты сроду не курила.
Не беда.
Вот так всегда в дом входит пустота.

* * *

Когда часы вдруг истоиво
Начнут кричать, что поздно,
Ты отодвинься от меня,
Довольно.
Не нужно больше этой маеты,
Оставь ее для новых покорений,
А мне покорно дай уже уйти
За линию огня и поражений.
Нам стало тесно от себя.

Первые три стихотворения прочитал на вздохе.

— Что-то есть, — сказал и прокричал, чтобы услышали в приемной: — Передача готова!

Олеся, томно вздыхая:

— Хотя у вас, Иван Николаевич, радость и средства.

Семен через смех:

— Вы им матом на прощанье чё-нить выдайте. Уходить, так с музыкой.

— Ты, как всегда, в точку, Сём.

— Как в лужу дунул, — вставила ехидно офис-менеджер.

Иван помнил про уговор с заведующей «Ткани у Мани» и знал, что скажет в завершение сегодняшней программы, от возможности сдержать обещание в животе щекотно надулся воздушный шарик. Он даже увидел это — ярко-красный грушеподобный шарик заполнил грудь, и любой вздох мог привести его в движение...

«И я бы улетел».

Первые дни перед камерой было что-то подобное, космическая невесомость внутри и страх взлететь, вылететь из тела, за пределы, стать частью космоса...

С опытом, привычкой исчезают самые прекрасные чувства и ощущения.

Привыкать — значит забывать. Становиться черствей, грубей... Привыкать — значит терять.

Всё — плоть!

В комнату, ее прозвали журналистской, залетела знакомая Ивану розовая тетрадь регистрации посетителей и съемок, шлепнулась на пол, следом ворвался Семен, прикрывая голову руками, задыхаясь от смеха:

— Теперь по выходным и в праздники у нас никто не умирает, — захлебываясь он смехом, — тетя Олеся запретила это дело! Говорит, покойники тоже должны отдыхать. А-а-а! Меня ща порвет!

Дверной проем заполнила выпадающая из чересчур открытой кофты грудь и голосом офис-менеджера сказала:

— На том свете что, не такой, как у нас, календарь, что ли? Ржет он. Тот же дурацкий понедельник и там, и тут, и праздники те же...

Спрятавшись за столом, Семен махал оттуда носовым платком, не прекращая смеяться так заразительно, что Иван, не выдержав, присоединился.

— Я же не сказала, что у мертвых все как у живых. Нет. Души у них нет, например, — уверенно и строго, — плоть ледяная, разлагающаяся, крови нет, она исчезает же со временем, — со знанием вопроса продолжает Олеся. — И ничего смешного здесь не вижу. Не зря ведь столько сериалов про ходячих мертвецов сняли. Это о чем-то же говорит! Что-то значит! Просто так ничего не бывает. Я не идиотка какая-то, чтобы не знать, что говорю, здесь идиотов долго не держат.

Обрушился на пол Семен, забарабил руками и ногами, не в силах больше смеяться, издавал лишь всхлипы.

— Ой, всё! Если не в теме, не суйся. Ты хоть один сезон «Ходячих мертвецов» смотрел? А я все семь посмотрела и восьмой смотреть буду этой осенью, так что по зомби я спец.

«Спец» — кляпом оборвало улыбку Ивана, он замолчал, осторожно посмотрел на свое отражение в оконном стекле за спиной, не ожидая, но все может быть, увидеть на подоконнике нечто из субботнего вечера, со скалящейся рогатой мордой.

Спец по зомби вошла в раж, встала посреди комнаты между столами с компьютерами, как на сцене, как в юности мечтала, поправила выпадающую грудь, заиграла плохо, карикатурно:

— Между прочим, я тоже вижу мертвецов. Тех, кто окончательно потерял свою плоть. Они становятся как бы невидимыми, но на самом деле они здесь и их можно увидеть.

Закрывает Олеся глаза, поднесла к ним ладони, выдохнула из себя воздух, широко растопырила пальцы, открыла глаза.

Семен сел на полу в позу лотоса, смотрел на представление, обхватив себя руками, затаив смех и дыхание.

Иван мягко улыбался, Олеся всегда казалась ему недалекой, безобидной, разукрашенной, наряженной куклой, пытающейся стать человеком, живым и кому-то нужным. Всем угодить, всегда улыбаться, не перебивать, быть ответственной и дружелюбной... увы, у нее это плохо получалось, сколько бы она ни перечитывала избранные советы от Дейла Карнеги.

— Я вижу что-то, да, — накрашенные глаза страшно выглядывают между тонких пальцев, девушка медленно осматривает журналистскую комнату, — здесь есть умерший, один, точно есть, могу поклясться всем, чем хотите.

— Сдаюсь, — поднял руки обладатель сотни псевдонимов, — иначе обмочусь.

— Тихо, тсс! — зашипела Олеся, и Семен послушно, показушно шлепнул себя по губам.

Она смотрит на пустую стену справа от Ивана Николаевича, где в хорошие времена висел календарь съездов, минуту смотрит, вторую, мужчина у стены заметно занервничал, заерзал в кресле, открыл папку, перелистал стихи, пригладил лысину.

— Там, — кивает головой в сторону Ивана, — мертвец там, это мальчик, да, еще даже не подросток...

Приподнялся, встал Семен, сверля глазами белые плиты, готовый в любой миг взорваться ядерным смехом.

Иван смотрит в напечатанные четырнадцатым кеглем черные буквы «Всё — плоть!». Что-то внутри подсказывает — чертова секретарша говорит правду.

По спине холодок, но не от страха, от ожидания, что дальше, любобпытство — порок человечества, от него не избавиться, и без него никак, никуда. Оно создает космические корабли, галлюциногены, снимает фильмы, пишет книги... Заставляет жить дальше, день за днем...

— Он совсем не страшный, они там не такие, как показывают в фильмах, они плоские, как на черно-белых старых фотографиях, иногда совсем размытые, нечеткие... Необъемные, что ли, не знаю, как описать точнее...

Почему нет, отрывается от букв Иван, призраки всегда у него ассоциировались с ветхими, потрепанными фотографиями, где с трудом можно разобрать стертые временем лица. И почему бы не обладать даром видеть невидимое этой наивной, недалекой провинциалке, затюканной в детстве, водившей дружбу с вымышленными, невидимыми друзьями и верящей до сих пор в фей и домового.

«Или все-таки это роль? Такая нелепая, рожденная от неуверенности, заниженной самооценки, детских травм? Игра на самоутверждение за счет выдуманного дара видеть, что никто другой не видит?» — спросил Иван себя, не отрывая взгляда от глаз девушки.

Спец по зомби часто задыхалась, затараторила:

— Мальчик, мальчик, он пишет что-то на стене, да, точно, пишет или рисует, не разобрать, он то расплывется, то вновь появится... Может, это из-за солнца или... Буква «А» заглавная, что ли, не разберу.... Может, это имя?..

— А-а-а!.. — взвыл Семен, напугав Ивана, вспугнув призрака, расстроив офис-менеджера. — Скажи еще, что имя на «А» — Александр, и это крестник Ивана Николаевича. Все с тобой понятно. Субботние похороны покоя не дают.

— Блин, Сём, — недовольно буркнул Иван, — я чуть язык не прикусил. Да интересно же, что там за мальчик...

Потеряв связь с потусторонним, Олеся убрала ладони от лица, сдерживая слезы, пропищала:

— Да иди ты, дурак какой-то. Я что, крестника Ивана Николаевича знаю, что ли?.. Говорила, что примерещилось.

— Во-во, примерещилось. Я тоже тогда вижу мертвых, — подскокил к девушке Семен, через растопыренные пальцы посмотрел на Ивана: — Сейчас, Николаич, будет продолжение мальчика.

Олеся выбежала из журналистской. Семен начал:

— Вижу, ага, Парашют не соврала, точно мальчик, есть такое, да не мальчик, если приглядеться, скорей уже подросток. И пишет, пишет, вижу букву заглавную «А». Так, вижу «эл», «е», «эс»... «Алеся», он написал «Алеся» через «а», какой неграмотный мертвый подросток. Ты же у нас через «о»! — на визгливых ернических тонах продолжал Семен. — Была б какая-нибудь белоруска, через «а» писалась бы. Но мертвому неграмотному подростку откуда знать, какой ты национальности.

В дверях показалась Олеся с красными, заплаканными глазами:

— Не смейся над мертвыми, дурак, они накажут.

Игнорируя, Семен говорит:

— Стоп, стоп, стоп, это еще не все, да, он написал еще вот что — «не гони». Точно, сейчас хорошо видно, не рябит и все отчетливо, и солнце не мешает. «Алеся, не гони!» — с восклицательным знаком. Вот что написал мертвый неграмотный подросток. Может, спросить у него, когда он умер и не крестник ли он?..

Иван Николаевич протянул к лжеясновидящему руку открытой ладонью:

— Перебор, — сказал.

— Дошутишься, — сказала Олеся, шмыгнув носом, — с тем светом не шутят.

— Как и с этим, — ответил, улыбаясь своей индивидуальной, акульей улыбкой парень, — а с мертвыми я на короткой ноге, кто два материала первополосных про кладбище сделал, а?! То-то же. У меня на кладбище «Северный простор» блат, и не в лице начальника, покойники благодарны, что есть кому за них заступиться. Я защитник мертвых, опть. Защитник тех, кто без плоти во плоти.

— «Черная копоть памяти», толковая, по делу, — вспомнил Иван статью Семена под псевдонимом Вия Тришка про кладбищенскую беду из-за костров могильщиков, когда полыхали и чадили днем и ночью подожженные покрывки.

Победно Семен поклонился.

— Это не значит, что можно теперь обсмеивать потустороннее. Может, они и мертвы, но без плоти становятся самой душой, чистым концентратом души, поэтому они еще обидчивей и ранимее, чем те, кто во плоти, — по-редакторски отчитала Олеся Семена. — И мне кажется, тебе надо извиниться.

— Перед тобой, что ли?..

— Не надо передо мной, перед ним, — ткнула наманикюренным пальцем в пустую стенку.

— Еще раз: перед кем я должен извиниться?!

— Перед мальчиком, — вздохнула всей грудью, — неужели такой умный и грамотный, а не догадался?!

На мгновенье Семен потерялся, даже смутился, мельком взглянул на Ивана, на стену и наконец рассмеялся:

— Извиниться перед стеной! Называй все своими именами! — захлопал в ладоши. — Вот это я называю архаус в действии. Диагноз и клиника.

Прокрутился на пятках, замер перед стеной, сложив руки в молитвенном жесте.

— Нет, это надо снимать и показывать на фестивалях авторского кино, мы точно соберем все призы, — сказал и рухнул на колени. — Прости меня, белая, местами покоцанная и местами серая стена! Прости, ибо не ведал, что творил! — Взмолился: — Я раскаиваюсь и прошу прощения у тебя, стена. Только ответь, ответь мне, стена, пожалуйста, прощаешь ты меня или нет?! Стена, ответь!

У Олеси в прямом смысле отвисла нижняя челюсть, девушка прикрыла открытый рот, прошептала:

— Мама родная.

Что-то в этом есть, отметил Иван. Играет он точно поубедительнеей Олеси.

— Стена! — кричал, запрокидывая голову назад, вытягивая ладони к потолку. — Прощаешь?!

Отпустив глаза на разложенные на столе листы, Иван прочитал еще одно коротенькое стихотворение от Ареса:

То был не я
Все это время с вами.
То был не я...
Пометки на полях тетради!

Холод ощутимо, сквозняком пробежал по рукам, Иван увидел, как кожа покрылась мурашками. Семен это тоже почувствовал, поднялся с колен.

— Походу, стена меня простила. — Отряхнулся. — Сквозит, где-то дверь открылась. Мож, на том свете, — хихикнул, подмигнул Николаевичу.

— Точно, дует. — Олеся поежилась, исчезла в приемной и прокричала уже из коридора: — Входная дверь открыта.

— Твой мальчик, видно, ушел! — ответил Семен. — Главное, чтоб стена простила, чтоб раскрылся парашют, остальное преходяще... — И тише, обращаясь уже к Ивану: — Артхаус, ёй-богу, наиаартхауснейший артхаус.

Вернулась офис-менеджер, бледная даже сквозь румяна и тональный крем, напуганная:

— Неспроста дверь сама открылась, ох неспроста. Дурак ты, Семен, не мог по-человечески извиниться, по-нормальному.

— Да иди ты, совсем, что ли, крыша съехала, может, у кого-то кукушка улетела, моя еще на месте.

Олеся снова прикрыла раскрытый рот ладонью. Снова смотрела на стену по левую руку от Ивана, и в этот раз Иван не выдержал, поднялся, присоединился к девушке.

— Что там? — спросил тихо.

Перед ним была привычная стена, как правильно заметил Семен, местами в серых плешах, ранах и царапинах. Вон и дырка от гвоздя, на котором висел календарь... Все как обычно.

Взглянула через пальцы Олеся:

— Он нарисовал рисунок.

— Опять за старое! Уже не смешно, — Семен покрутил пальцем у виска. — Пойду еще унитаз попрошу простить меня. А то помню, было дело, и не раз, простит ли после всего этого, не знаю даже...

Остались в журналистской комнате двое уставившихся в стену.

— Так что там? — переспросил мужчина.

— Звезды.

— Звезды?

— Точнее, не звезды, звезды, но забыла, как это называется...

— Звезды, но не звезды, — усмехнулся Иван, про себя добавил: все с тобой, девочка, понятно.

— Как же ее... — подняла руку к стене Олеся и указательным пальцем в воздухе начертила розу ветров.

Иван Николаевич не нашел слов, лишь громко сглотнул.

Призраки

В темноте всегда есть место призраку. И что посланцы с того света — частые гости света этого, давно не в диковинку. У каждого, а у Ивана и не одна, есть история встречи с необъяснимым.

Детство просто кишит потусторонним, загадочным, фантастическим... Школьные годы корректируют чудеса, вносят поправки, сноски, ссылки. Пытаясь объяснить, разобраться, привязать к реальности нереальное.

Точку ставит взрослая жизнь. Уверенную, рациональную, непоколебимую точку. Время чудес прошло, и все можно свести к земному, приземленно-бытовому знаменателю.

Но на самом деле, и где-то глубоко в себе все понимают, догадываются, знают, — это не жирная точка, это многоточие...

Ночные визитеры, темные фигуры в темноте, часто немые, реже немногословные, говорят скрипами половиц и дверей, шорохами по углам и полкам, холодным дыханием сквозняка и завыванием ветра в печной трубе... С ними Ивану не было страшно, иногда даже весело и не одиноко. Как может быть одиноко и скучно, когда вокруг тебя столько существ, достаточно лишь выключить свет.

При свете они, кого зовем просто и коротко призраками, чувствуют себя некомфортно, поэтому лучше притушить ночник и закрыть шторы.

С другим видом призраков Иван Конев познакомился в средней школе.

Заурядные истории о заурядных личностях расскажет любой школьник. Если не в твоём классе, то в параллельном обязательно находился такой ученик-невидимка. Иван дружил с таким призраком, точнее, пытался, не вышло. Девочка Лиза скрывала глаза под черной челкой, от одноклассников пряталась в книжке на задней парте, от общения отгораживалась молчанием, скупыми отговорками, междометиями, от жизни убегала в фантазийный мир принцесс, рыцарей, драконов.

Возраст делает таких невидимок видимыми, взрослая, самостоятельная жизнь. Лиза проявится, выйдя замуж раньше всех, как будут шушукаться бывшие уже одноклассники, «по залету», «в тихом омуте беременеют в пятнадцать лет». В шестнадцать Лиза родит и разведется. Через год будет торговать на городском рынке рыбой, зазывая громче всех отведать свежайшую, только с моря, селедку. Призрак очеловечился. Лиза превратилась в обыкновенного, среднестатистического обывателя, потребителя, гражданина. Невидимка, становясь видимым, погибает. Призраки — умирают.

В конечном итоге все перестает существовать, так мыслил Иван, на половину десятиклассник, пока не столкнулся в конце лета с самым настоящим живым призраком.

Август — разъяренное солнце, кусачие мухи, наверстываешь упущенное, цепляешься за детство, десятый класс — не десять лет. Хочется прикоснуться к белой коже девочки-старшеклассницы, за ней ты под-

глядываешь украдкой на школьных переменках, вместо того чтобы идти играть с мячом во двор, сидишь в долгих раздумьях, уставившись в одну точку на ковре, мечтаешь о будущем, придумываешь имена своим детям, которые появятся как пылинки в солнечном луче. Слово «секс» смешит и отдает непристойностью, когда его мусолишь по сто раз на дню, сначала в школе с одноклассниками, потом в Лешкином подъезде, разбирая по полочкам процесс до противоположного и отталкивающего.

Август — отрезок, когда можно сделать шаг назад в лето, в детство.

Про желтый дом в горах рассказывали всякое. И что это лепрозорий, где доживают последние дни прокаженные, и станция слежения за инопланетянами, сумасшедший дом, вход-лифт в секретную лабораторию под землей, портал в иное измерение...

Иван с друзьями не раз попадались сторожу желтого домика по прозвищу Караул, пытаюсь заглянуть в высокие окна с решетками.

— А ну, брысь! — появлялся из воздуха сторож. — И чтоб я вас больше не видел, засранцев. Себя не жалеете, пожалейте родителей! Опасно тут! Кыш!

Убегали мальчишки, гогоча и чертыхаясь, но при каждом походе в горы, что сразу за поселком, наведывались к таинственному одинокому дому в два этажа снова.

А в августе, перед десятым классом, мама попросила отнести некоему дяде Савве лекарство, майонезную баночку с черной густой субстанцией, пахнущей морем. Вечностью.

Ваня записал адрес на ладони, не дожидаясь пакета для стекляшки, умчался на другой конец поселка, к частному старому дому номер тринадцать.

Позвонил, звонок причудливо смотрелся на деревянной облезлой калитке, когда-то окрашенной в голубой цвет, теперь краска серой шелухой слетает с досок, только тронь. Забор под стать калитке — кажется, что в сильный ветер он качается, скрипит и вот-вот рухнет.

Сад грустен. Разглядывает Иван уныло свисающие ветви вишен, пока шаркающие шаги не добираются до калитки.

— Ты сын Нины? — хрустом сухарей голос.

— Иван. Сын Марии, Нина моя бабушка, — отчитался.

— Конечно, конечно, Машин ты. — Брякают щеколды. — Память иногда не слушается, выдает такие кренделя, ни в сказке, ни пером...

Калитка, тяжело выдохнув, присела, приподнялась, приоткрылась.

— От дождей разбухла, у вас в поселке, может, и солнце, а тут постоянно дожди. — В проем заглянула лысая, курагой сморщенная голова. — Пролезешь? Пролезай.

Это был дядька Караул, узнал Ваня, только лет на сто постаревший. Мальчик буркнул, смело втиснулся в узкий дверной проем, пахнувший сыростью и мокрицами.

— И правда, у вас тут... Дожливо.

В саду солнце исчезало за лианами вьюнка и винограда, с ветвей капало, и весь сумрачный коридор до двери дома — самый настоящий туннель в осень.

Дядя Савва, он же Караул, идет следом, хрустит:

— Как Радуж слег, так и мир вокруг нас перестал сиять. Престал быть. А я один ведь, его мать не вынесла такого, испарилась... Смотри, там лужа, не наступи.

Но поздно, Иван двумя ногами прошлепал по холодной воде.

— Че-о-орт! Не хотел же еще носки надевать с кедами этими.

— Дома просушишь, у нас обогреватель, только не чертыхайся, мы здесь этого не любим. Боимся.

Сказал очень тихо дядя Савва, будто и впрямь кого-то испугался. Иван остановился у приоткрытой двери, деревянной, выкрашенной в белый цвет, с защитными крестами углем по углам.

— Заходи, не стесняйся, носки сразу снимай, проходи в гостиную.

В прихожей темно, разит лекарствами — едко, страшно. Для Ивана это запах болезни, безысходности, застойный, проспиртованный... так пахнет в больницах, так пахнет смерть.

Мысль о запахе смерти вцепилась в голову, скомандовала ногам — стоять! Ноги одеревенели.

— Разувайся и проходи, не стой истуканом.

Горячее дыхание дяди Саввы подтолкнуло в затылок.

Ноги не слушались.

— Я лекарство вот... — мямлил, — передать...

Старик за спиной не слушал:

— Давай, давай, в этот раз не убежишь, что, думал, не узнаю? Помню, всех вас, неугомонных индейцев, тянуло к желтому дому словно магнитом, будто медом намазано. Плохо гонял вас, раз возвращались.

Чертыхнулся про себя Ваня и шагнул в сумрак гостиной.

Обогреватель стоял по центру за главного, за хозяина, недавно купленный, своей яркой серебристо-стальной краской затмевая старые кресла, шкафы, стол с радиоприемником...

— Повесь носки на калорифер, обувки рядом поставь да садись поближе, чтоб, не дай бог, не простыть, мне потом бабуля твоя с мамкой голову открутят, скажут, так и было.

Любопытство победило страх, стянуло быстро мокрые носки, опрокинуло в кресло у стола. Иван поставил лекарство на клеенчатую скатерть, часы на громоздком коробке-радиоприемнике мигали красными цифрами — 16:16.

Надо загадать желание, решил Ваня, но не успел, дядя Савва отвлек.

— Ты ведь, быюсь об заклад, знать не знаешь, что это за дом такой, а я скажу, — подошел старик к обогревателю, потом к столу, — это дом потерянных душ.

Он нагнулся к гостю и вновь зашептал, боясь быть услышанным:

— Там, в желтых стенах с высокими окнами, подальше от глаз людских, в ожидании ухода доживают свои дни необъяснимые, непонятые медициной и человеческим разумом души... И Радуж, наш Радуж тоже был там, долго, долго его душу пытались подлатать, оживить...

Вздох старика — неприкрытое отчаянье, нерв и боль.

— Дом потерянных душ, — запоминает Иван.

— Все верно, потерянных душ... Поэтому я устроился туда сторожем, чтобы быть поближе к сыну к нашему, Радужу. Радужке. Мы с женой только так его называли, он был долгожданным и единственным нашим... А потом, в один ужасный день...

Дядя Савва замолчал, испуганно осмотрелся. Тишина вернула его в прошлое.

В тот самый ужасный день, пятнадцать лет назад, одиннадцатилетний мальчик по имени Радуж ушел с друзьями со двора собирать мальчишечьи драгоценности: иностранные пачки от сигарет, пустые баночки из-под пива и сока... И пропал. И жизнь закончилась. Не криком — тишиной... Мертвой. Ни звука.

— Радуж пришел через два дня, на третий, обгоревший под палящим солнцем, кожа слезала на глазах, молчаливый, изменившийся, — в голосе дрожат слезы, старик шмыгает носом. — Страшное время тишины, незнания. Непонимания и бессилия... Мы так и не узнали, что случилось с сыном, где пропадал и почему молчит. Год лечили кожу, обгорели места, где невозможно достать солнечным лучам, веки сгорели... А когда наконец Радуж заговорил, то сказал, что он мертв. Сказал и снова замолчал на месяцы и месяцы... Ему исполнилось двенадцать, он не выходил из комнаты, много спал, о школе и речи быть не могло, мы, чтобы он есть начал, чего только ни делали, даже умоляли с матерью на коленях, и вот он снова заговорил в самый Новый год.

— Я умер, я призрак, — сказал, — боль делает меня видимым, боль физическая и внутренняя, невидимая боль.

— Ты жив, Радуж! Никакой ты не мертвец и не призрак.

А он и вовсе перестал подниматься с кровати. Кормили насильно, вымаливали открыть рот, вымаливали хоть слово от сына. Ох и наревелась мать, я держался, как мог, потом сдался, поместили Радужа в желтый дом. Там кормили через трубку, делали инъекции, приезжал из Москвы психиатр известный, я целителя к Радужу пару раз привозил, когда мать сдалась и уехала. Экстрасенс развел руками.

— Он, действительно, призрак, — поставил диагноз, — ему так проще, быть мертвым, чем жить с тем, что произошло...

— Что произошло?! — криком кричал отец.

Снова разведенные руки:

— Он содрал с себя все, и кожу... я вижу лишь оголенную плоть, слышу плач, жара проникает в каждую пору...

Ваня вспотел, отодвинулся, как мог бесшумно, от обогревателя. Почему он мне все это рассказывает — спрашивал себя и сам себе отвечал:

накипело. Такое и с ним бывало, держишь, копишь, а потом — бабах, извержением вулканическим на первого попавшегося...

— Радуж не давал заживать ранам, царапал себя снова и снова, не спасала смирительная рубашка, действовал силой мысли или чем там, не знаю, кожа сама лопалась и кровоточила, он стал сплошной стигматой.

— Стигмата, — понимающе кивнул мальчик.

— Да, так Радуж говорил, говорил он не мне, не врачам с санитарями, разговаривал с кем-то извне, кого видел лишь он. Мог говорить часами с невидимкой, я порой не понимал, о чем речь. Слушал, благодарил Бога, что хоть так могу довольствоваться голосом Радужа. И я смирился, что до конца жизни буду всего лишь слушателем и наблюдателем. Посторонним, просто гостем на табурете...

Перевел дух старик, посмотрел на мальчика в упор:

— Но все становилось хуже некуда. Если раньше Радуж только считал себя призраком, то теперь таял на глазах, исчезал. Сила мысли, болезнь ли какая неведомая... один Бог знает. Врачи отказались от Радужа. В желтом доме нам больше нечего было делать. Мы вернулись сюда, говорят ведь, стены родные лечат... Но Радужа стены не спасли. Он стал прозрачным, стал призраком...

Старик и мальчик встретились взглядами на стеклянной баночке с черным содержимым.

— Для этого нефть?.. Чтобы делать вашего сына видимым?.. — догадался Иван, присвистнул: — Уау, фантастика.

И, спохватившись, буркнул:

— Ой.

Отыскал глазами что-то интересное в пыльном сумраке под столом.

— Фантастика, — горько, по буквам повторил дядя Савва, — наша реальная жизнь, сынок, человеческая жизнь, фантастичней любой фантастики. Порой случается такое, что ни в каком романе, ни в кино не придумают...

Закивал Ваня, подтверждая слова старика, бросил взгляд влево — на желтые занавески, тяжелые по виду, старинные, скрывающие дверь или дверной проем в тайну. Показалось, он услышал музыку, а может, это был плач?..

Вопрос остался неозвученным, бывший сторож дома потерянных душ зашептал:

— Голос? Ты его услышал? Это наш Радуж. Да, — мелькнула улыбка на изъеденном морщинами и горем лице, тоненькая, солнечная, лучик надежды, — его голос, но, боюсь, скоро и он исчезнет, и голос...

Потухла улыбка, гостиная вновь помрачнела, словно за окном пробежала черная туча и полил дождь. Тени ожили, задвигались. Вместе с тенями зашевелился старик, потянулся к баночке, делающей его сына-призрака видимым на какое-то время, захрустел костями, заохал:

— Старость не радость, как думаешь, призраки тоже стареют?

Пожал плечами Ваня:

— Кажется, не должны, они же уже мертвые. А мертвые не стареют. Взял стекляшку старик.

— Верно мыслишь, мертвые не стареют, куда стареть, если уже некуда... Старость — удел живых. Вот поэтому я и рассказал все тебе. А ты наверняка мучаешься вопросом, с чего бы это дядьке Караулу делиться своим сокровенным. Так вот, Иван, ты уже не тот босоногий мальчик, можешь отделить правду ото лжи, знаешь, что добро, а что зло. Думаю, справишься, если случится со мной что.

Перешел на шепот дядя Савва:

— Как ведь бывает, живешь и, кажется, еще проживешь, и загадываешь на завтрашний день починить в кои-то веки кран на кухне, и планируешь, и мечтаешь, и надеешься, а поздней ночью бац, в сердце, в мозгу ли что-то лопнет — и не проснулся, и кран не починил, вечно капающий на кухне в раковине... А на том свете уже тебя самого чинят за все твои деяния земные.

Проблеснула грустная улыбка. Ваня улыбнулся в ответ:

— Да, — прогудел, — можно и с кровати прыгнуть на пяточки — и нет тебя, знаю такую историю...

— Поэтому каждый день надо проживать как последний.

— Как конец света, — неслышно, себе под нос, добавил мальчик.

— Каждый день заполнять собою, своим смыслом, пустые дни — они ведь приближают эту самую пустоту. А пустота — это же и есть смерть.

«Смерть» — и Ване кажется: за желтым занавесом кто-то стоит и наблюдает за ними. Видится: это нечто темное, бестелесное, может, когда-то у него и была кожа, кости... сейчас ничего нет. Пустота. Пустота с косою в невидимых руках. Но, прежде чем пустота выглянула из-за желтой ткани, мальчик отвернулся. Громко сглотнул горячую слюну.

— Ох, Вань, ты, наверное, пить хочешь, август нынче жарит печью. Сейчас компота налью.

Пока старик суется с прохладительным напитком, Иван старательно, упорно смотрит на шкалу приемника, краем глаза подмечая, как кольшется занавес, другим, правым глазом фиксируя танец пыльных катышков перекасти-поля по полу возле шкафов.

Компот горчит и приятно холодит нёбо и горло:

— Спасибо, — выпивает почти половину стакана.

Дядя Савва подошел к занавесу, прислушался, с минуту постоял, прижимая баночку с чернотой к сердцу, вернулся.

— Тишина пугает, — шепотом, оглядываясь, — в тишине можно услышать то, что слышать живым нельзя. Запредельное... Тишина — голос мертвых. Поэтому, Иван, сын Марии, кричи и никогда не давай тишине победить. На том свете намолчимся. Говори, неси чушь, смейся до слез, до хрюканья смейся!..

Иван кивнул, хрюкнул.

Гостиная просияла улыбками.

17:00 на часах.

— Время скачет через ступеньку, а то и через две, вроде только было утро, а вот уже и ночь подбирается.

Встал напротив мальчика, старость смотрит в глаза молодости, говорит:

— Скоро и я стану призраком. Мне незачем держаться за этот мир живых. А в мире призраков мы снова будем вместе с сыном. Вера творит чудеса, а я верю, что мир призраков так же реален, как и мир живых. Надеюсь, и ты поверил мне?

Иван кивнул. Он верил, ему ли не знать о существовании мира невидимок, с детства общается с ними, стоит лишь погасить свет. Да он перевидал их точно больше, чем старик напротив, сторбленный и почти прозрачный, почти призрачный...

«Вот и дядя Савва Караул без пяти минут призрак», — про себя говорит Иван.

Словно услышав шальную молодую мысль, старик закивал:

— Верь мне, попрошу тебя, помни этот вечер, наш разговор, что я рассказал, о чем попросил. И если случится так, ты услышишь от бабушки, от мамы или от друзей, что меня не стало, дядя Караул сыграл в ящик вечности, не оставляй Радужа. Вот моя большая человеческая просьба к тебе. Не забывай о нем, приходи навеситить. Говори с ним. Захочешь увидеть его, ты знаешь про секрет в баночке из-под майонеза.

Желтые занавески приоткрыла рука сквозняка (или это не сквозняк?), Ваня поднялся с нескрываемым испугом и удивлением. Смотрел в проем, забыв прикрыть рот.

Угол пустой кровати с высокой железной спинкой, подушка, белая в сиреневый цветочек, белоснежный кусок пустой простыни...

— Никого, — вырвалось.

И едва не вслух: может, он ушел? Радуж?

Отец бы не выдержал такого предположения, он бросился бы в комнату сына, облил белые простыни черной маслянистой жидкостью и...

— Он там, — ответил отец и на прощание подарил Ивану еще одну незаметную улыбку. — Радуж всегда там. С нами. Со мной.

Ваня не мог не верить отцу, так сильно любящему сына.

После короткого прощания из дождливого тоннеля осени — в солнечный жаркий август, с раскаленным, цвета мандарина солнцем, яростным гудением птиц и цикад.

Последний месяц лета отыгрывался перед осенью на полную катушку.

Всю дорогу Ваня оборачивался, то и дело казалось: кто-то преследует. Украдкой, невидимкой, лишь изредка хрустнет сухой прутик под прозрачной ногой или отлетит случайно попавшийся камешек.

Всю дорогу представлял — будто в старом черно-белом немом кино, где люди неестественно, молча позируют, жестикулируют, беззвучно открывая рты...

Видел комнату за занавесками и как дядя Савва бережно выливает из черной баночки черную жидкость на застланную белую постель.

Но что это? Вместо того чтобы стать черной кляксой, черная субстанция приобретает форму. Так и есть, отец растирает руками, самыми подушечками пальцев, черноту, и появляется профиль молодого юноши, нос горбинкой, впалые щеки, толстые губы...

Вот появилась шея, длинная черная шея, полоса, уходящая в белую бесконечность.

— Верю! — сказал мальчик, а позади него невидимка спугнул черного кота у дороги.

— Верю!

Цветные сны черно-белых псов

Главное — начать. Заставить себя, а остальное дело техники. С техникой работы воображения Иван знаком как никто. Стихи писались против его воли, часто он не мог даже вспомнить, что написал тот или иной шедевр. Надиктовывались вулканом.

— Вся жизнь под диктовку вулкана.

Иван в который раз у ноутбука, открыл папку «Мое», в ней документ «Роман». На листе одна строчка посередине большими буквами: *ПО СТАРОЙ ПАМЯТИ*. Стер слова. Чистый лист манит и пугает, как всегда, пулеметной агонией курсора.

ВКЛЮЧИ СВОЙ ВУЛКАН — быстро набрал одним пальцем, чтобы только заполнить пустоту.

— Какой-то пошляцкий лозунг, — удалил слово «свой».

— Главное — начать. — Поднялся из-за стола, подошел к окну. Лето щурит глаза яркостью красок, Иван отвел от синевы неба и болотной зелени взгляд на серый асфальт, вспомнил мертвого пса Базлая. — Нашли тебя дворники?.. — спросил трещины на асфальте. — Выбросили вместе с мусором в мусоровоз, одинокая псина стала частью свалки, пищей, падалью... Черт!

Воспоминания родят воспоминания, Иван видит себя в саду детства, возле уличного крана для поливки. Шланг свернулся змеей, здесь же и пес Кекс опасно поглядывает из-под черно-белого, кляксами, лба, усыпанного разноцветными колючками.

Кекс готовит себя к худшему — к ежегодной летней помывке. Водным процедурам. Ваня уже приготовил кусок хозяйственного мыла, кучу тряпок-полотенец, оставил на себе лишь короткие шорты и солнечную улыбку.

— Кекс, — позвал друга мальчик.

Слезы сдавили горло.

— Как же так? — Иван отошел от окна, вернулся. Лая Базлая, вот чего не хватало этому утру.

Вулкан проснулся — непривычной тоской, недосказанностью...

Только сейчас как осенило, обрызгало раскаленной магмой — Иван Николаевич понял, кого ему все время напоминал этот блохастый черт Базлай.

— Черт!

Выключил ноутбук, не сохранив документ.

В коридоре, в тещиной, должна быть лопата. Или не должна.

Лопаты в кладовке не оказалось, куча обуви, зимней одежды (даже женская шуба), стопки книг, ящик с инструментами, сломанный пылесос.

Бесспорно, лопата есть у соседки из тринадцатой квартиры. Это закон — у соседей есть все, чего у тебя нет.

Дверь напротив открывалась по щелчку замка Ивана Николаевича, и в этот раз, без революционных перемен, красным сигналом вспыхнули губы соседки Тамары.

— Поверить не могу, — затянула звонко она, — два одиночества встретились в такую рань.

— И вам доброе утро, — как можно быстрее заговорил сосед, — а я, между прочим, к вам.

И снова:

— Поверить не могу! То-то я думаю, сегодня всю ночь ворочалась, а оно вот к чему, Иван Николаич собственной персоной в гости соизволили зайти.

Иван смущенно потоптался на коврик у двери, а заговорив, смотрел только в глаза:

— Не совсем в гости, Тамара, дело, мне лопата позарез как нужна.

— Позарез кого? — хохотнула, на ней новый халат, его Иван раньше не замечал, бордовый с золотыми иероглифами.

— Позарез как.

— Ой, вы все загадками да загадками говорите. Скажите зачем, дам, и пообещайте в гости зайти в кой-то веки, столько лет соседи, а вы ни разу на пороге не были. Будто съем вас.

Красный рот Тамары Шварц раскрылся мультяшно, заполнив всю лестничную площадку, и чавкающим поцелуем проглотил Ивана вместе с тапочками и спортивным костюмом.

Прочистил горло сосед, проморгался:

— Пса похоронить надо.

Губы разошлись, готовые увеличиться до необъятных размеров:

— Пса? У вас разве...

— Базлая, — перебил торопливо.

— Дворнягу эту рыжую?!

— Черно-белый он.

— Да какая разница! На что это вам?..

— Хотите помочь?

На вопрос вопросом — умелая тактика прекращения ненужной перепалки и любого диалога, но с Тамарой этот номер не работает. Шварц ахнула:

— Смеетесь вы, однако, Иван Николаич, дам вам лопату, раз позарез, только зачем дворнягу хоронить, всех все равно не похороните, они ждохнут как мухи, — говорила громко, скрывшись в розово-воздушном гламуре коридора, — людей вон по-человечески не хоронят, а вы собаку какую-то... Я за вас удивляюсь...

Появилась со штыковой лопатой в руках и обновленной малиновой с блестками помадой на губах.

— За вами визит.

Не сразу сообразив, о каком визите речь, Иван поблагодарил. Ожидая, что сейчас соседка попросит поцеловать ее в малинник, ретировался. Не закрывая дверь, переобулся.

Тамара, интимно цокая, комментировала:

— Туже завязывайте шнурки, Иван Николаич, какой-то вы всхлудивший, что ли, не пойму, — рассматривала ягодицы соседа, — или это ваше спортивное трико вас так сплющило, кожа да кости. Слышала, телекомпанию закрыли, без работы совсем отощаете, а я чебуреки знаете какие стряпаю...

— Закрыли, с голоду не помру, — обрывочно отвечал Иван, — чебуреки — это хорошо.

Взял старые перчатки, пару мешков из-под сахара, столовую клеенку.

Захлопнул дверь, натянул на глаза кепку, выставив перед собой лопату, защищаясь от губ, готовых в любой момент обратиться в ковши экскаватора, еще раз сказал «спасибо», юркнул на лестницу — и вниз, под выкрики:

— Делать вам нечего, Иван Николаич! Лучше бы подождали, я бы чебуреков настряпала, безработные ведь...

Солнце спит, так же, как и тогда, в одно из памятных купаний Кекса.

Обхватив голыми ногами пса, Ваня хохочет, намыливает холку, загривок, спину, живот, Кекс терпит стойко, лишь иногда поднимает морду и заглядывает молодому хозяину в глаза, чихает от мыльных пузырей, виляет хвостом, смиренно, гулко вздыхает. Ваня обожает этот Кексов печальный вздох. Целует в мыльный нос друга.

— Ца, уже все, — успокаивает и поливает из шланга, Кекс снова чихает и вздыхает. И опять. Пахнет мылом, мокрой землей, шерстью...

У вереницы зеленых кустов за углом дома ничем не пахнет. Ветер, жаркий, сухой, дует в сторону болота, нанизывая все запахи на острые пики камышей.

Шиповник хорошо спрятал труп животного, с дороги не увидеть. Пролез в заросли Иван.

— Я пришел тебя похоронить, — сказал мертвому псу.

Базлай ответил далеким чужим лаем с другого конца поселка.

— Отлаял свое, дружок. — Разогнал мух, накрыл пса мешком. Ивана тянуло говорить с мертвым псом, будто тот его слышит и понимает, что

он и делал, говорил негромко, будто успокаивал, заговаривал, усыплял... Говорил, выбирая место под могилку, копая яму под большим тенистым тополем.

— Вы с Кексом похожи, черно-белые псы, да и вообще псы многим схожи. У вас глаза добрые. Не как у людей. Это у людей бывают ваши, собачьи глаза...

Ни противной вони от разлагающегося трупа, ни усталости, а пот по бритой голове чертит дорожки-ручейки, такое бывает, когда делаешь то, что должен делать. Это закон Вселенной.

Мокрая насквозь футболка — и Ваня опять в детстве со шлангом в руках купается вместе с псом Кексом, уставший смеяться до рези в животе и заболевших щек. Взъерошенный друг уже не боится воды, подставляет лопухую морду к струе, хватает ее зубами, и лает, и визжит, зараженный радостью хозяина.

— Хочу, чтоб и меня так схоронили, слышь? Схоронишь?! — хрип за спиной. Затылком Иван видит Базлая с выпотрошенным нутром, облепленного мухами и червями, стоящего на двух лапах, воскресшего, заговорившего по-человечески...

Достойная сцена из фильма ужасов, которые в последнее время разучились снимать. Только страха нет, ни намека на испуг, гудение мускулов и раскаленная магмой кровь.

— Схороним, почему не схоронить. — Повернул голову Иван, узнал местного пьянчужку без имени и фамилии, по прозвищу Бухарин.

Скрюченный в три погибели, с пластиковой бутылкой разведенного «боярышника» в трясущихся черных, будто в мазуте, руках, Бухарин тут же и присел на мшистую кочку.

— Я тоже пес, как и этот, дворняги мы, — отхлебнул из бутылки. — Ты же из ящика, журналист, уважаю, — занюхал рукавом байковой рубахи. — Я, если ты не знаешь, тоже работник культуры, при ДК «Дружба» служил, ага.

Иван продолжил копать под пьяную, несвязную песнь Бухарина.

— Я бы помог, но какой с меня помощник, пес я. Лапы у меня. Научился бутылку держать да открывать, вот и весь фокус. Фокусы жизни. Бог там, наверху, — тот еще фокус. И вот тебе фокус, пожалуйста, наглядный, вышла девочка, еще не первоклашка даже, в магазин с родителями, а домой не вернулась, а, чем не фокус? Вопрос — куда делась девочка, как в воду канула?

Остановился Иван:

— Вы это сейчас про Светлану?

— Вот, — хлопнул свободной от бутылки рукой себя по колену, — молодец, уважаю, она ж соседка моя, семья ее, Крапивины. Она же как пропала? Пошли разными дорогами от развилки, родаки по одной, девчушка по другой, и сгинула кнопка. Но это же только начало, подожди, сейчас упадешь. Я как честный гражданин пошел на поиски соседки, и что ты думаешь?.. Напиши вот об этом, напиши. Я вот, как тебя сейчас

вижу, смотрю, а по траве Богородица идет, вся сияет, огнем горит и девочку за руку держит эту самую, и говорит, как поет: ищи, Бухарин, нас в колодце. И вознеслась. — Перекрестился левой рукой в подтверждение слов, присосался к напитку, мучимый огненной жаждой.

— «Боярышник» неразведенный фокус с тобой сыграл. — Иван вонзил лезвие лопаты в податливую рыхлую землю.

— Не скажи, — скривил прокопченную физиономию, замахал черной рукой собеседник, — я с Богородицей в тесных отношениях, она частенько мне является, так что тут все шито-крыто. Богородица всех нас, дворняжек никому не нужных, любит...

— Поэтому все собаки попадают в рай.

— Именно, уважаю, нам, собакам, там место зарез... заревз... зарез...

— Зарезервировано, — подсказал Иван, смахнул вместе с кепкой пот с головы, посмотрел сквозь зелень тополя на солнце. — Уверен, девочка жива.

Бухарин хлопнул по колену:

— ...зервировано, именно, псам и детям место в раю. Уважаю. Дети, они тоже ж собаки, щенятки такие, несмышлениши, кто обидит щеночка, того живьем закопать! — распался под градусом и лучами солнца бывший работник культуры, а теперь простой алкоголик. — И где, спрашивается, люди, когда они нужны, начальство всякое, менты, мать их дери?! Где все?! А?! Скажи мне, мил человек, а мож, мы тут Свету и закапываем, а не пса какого, а?! И никто не любопытничает, мать их, не спросит, кого хороните...

Под мешком обсаженный мухами Базлай ждал погребения. Чуть ближе к прямоугольнику ямы Бухарин ждал, когда наконец отправится в место, что снится из ночи в ночь. Это место он называет парком. Оно из его детства, он был там всего раз, потому что у родителей вечно не было денег. И этот «раз» остался в нем на всю жизнь.

Здесь ярко горят огни аттракционов, светятся фонарики на деревьях, вдоль дорожек и вокруг скамеек, цветные фонтаны, и запах лимонада смешался с ароматом сладкой ваты, все радужно, все красочно. Дети смеются и визжат, взрослые их ни в чем не упрекают, поддерживают. Играет веселая музыка, и клоуны раздают сладких петушков на палочках...

Это его парк. Сон. Место, куда он уйдет и уже не вернется.

А в реальности, стоит лишь разлепить заплывшие глаза, — серо-черные, похмельно-пьяные будни, пропитанные перегаром и блевотиной.

— У меня никогда не было собаки, — мямлил Бухарин, слюнявя подбородок. — Батя орал: самим жрать нечего, какая собака, сами как собаки. Прав он, жрать нечего и сейчас, а собаку хочется. Хоть какой-то верный друг.

Задремал Бухарин, Иван закончил копать под звуки природы и воспоминания.

Кекс, довольный окончанием купального сезона, не дал себя хорошенько вытереть, вырвался под колокольчиковый смех Ивана, понесся по огороду, будто ужаленный, бегал от калитки к калитке, пока бабушка не вернулась, не открыла калитку, и Кекс помчал на улицу, оповещая о своем появлении весь поселок.

Только почему-то, словно поливочным шлангом, сдавило горло у Вани — до слез, и сердце попыталось вырваться вслед за лопухим другом.

Когда поздно вечером Кекса все еще не было, Ваня заплакал.

Подтаскивая мешок с Базлаем к новому, вечному дому, Иван не плакал — это пот со лба потек по щекам, глаза щипало от вони, и солнце полудня безжалостно слепило.

— Не плачу, — как и в детстве, говорил Ваня, — не плачу.

Кекса нашли мертвым наутро, но Ване не сказали, отец похоронил его где-то за поселком, об этом Иван узнает много лет спустя, пьяный родитель проговорится, и Ваня попытается заставить себя не заплакать, но не сможет.

Клеенка в цветочек легла поверх савана с мертвым псом, Иван вытер лицо футболкой, стоял над ямой совсем ребенком, босоногим, в одних шортах, с поливочным шлангом в руках. И не плакал.

— Я бы закопал, — пробулькал, проснувшись, Бухарин, — да не положено псу пса хоронить, это как у людей, знаешь, у родственников, ни в коем случае родственник не должен копать могилу родственнику. Закон божеский.

Иван, взрослый, бритоголовый, тридцатипятилетний, выдохнул:

— Кекс, Базлай...

— Бухарин, — раздался крик за спиной.

— Все мы черточки на ладонях Земли...

— Светку не забудь, — вставил Бухарин, — если я не вспомню, то никто не вспомнит, — пролепетал пьяно.

Закапывать легко, без разницы: труп собаки, тело знакомого. Этот мир — мир живых, ему не терпится избавиться от недвижимого мира застывшего тела, холодного, бездыханного, спрятать его под землю, глубоко, подальше от глаз, а лучше сжечь и прах развеять по ветру.

Горстями земли вычеркиваем мертвеца из жизни, из памяти...

— Возьми, на, помяни всех псов и всех тех, от нас ушедших, кто никогда не вернется, — голос Бухарина дрожал алкогольными слезами, — без водки как-то не по-человечьи хоронить и не по-собачьи.

Приподнялся, грозясь рухнуть в любой момент, Бухарин, протянул Ивану бутыль.

— Помянем, — Иван забрал пластиковую литровку, а пока Бухарин приземлялся, стараясь не сесть мимо кочки, побрызгал «боярышником» на могилку. Раскаленный воздух пронзил резкий запах спирта.

— Значит, говоришь, собаки у тебя не было. — Бутылка вернулась в чумазые руки хозяина.

— У меня зато теперь Богородица есть, — ответил, не задумываясь, Бухарин и запил ответ. — А это получше любой собаки.

— Угу, у кого вулкан, у кого Богородица, — отряхнул руки Иван Николаевич. — Спасибо за компанию.

— Стоп, стоп, стоп, — засуетился компаньон, — не спеши, помоги мне сначала выбраться из этой чащи. Будь другом. Человек же собаке друг. То-то ж...

Встать на карачки помешала бутылка, Бухарин ее допил залпом, победно выбросил в кусты, руками оттолкнулся от земли, поднялся.

Невыносимо смотреть без улыбки, как пьяный человек пытается выглядеть трезвым, стоять прямо, идти ровно. Иван взял Бухарина под локоть, в другой руке лопата, последний взгляд на подсохший, белесый прямоугольник могилы пса Базлая, последний поминальный вздох.

— Ты меня только на дорогу выведи и покажи, где ДНР, Аляска по-вашему, и я сам, — успокоил. — Сапоги дорогу знают.

— Понял, пошли.

Выбрались из болотных зарослей под размышления Бухарина о ценности дешевой водки и священности самогоноварения.

Слушал пьяного демагога Иван вполуха, поддакивая, мыча в знак согласия. Сейчас ему было все равно, куда он идет, зачем, что говорят... Состояние покоя, что редко в жизни любого человека, стерло мысли, тревогу, воспоминания, стерло даже жажду и заставило замолчать урчащий желудок.

Анабиоз. После выполненной миссии герой впадает в состояние невесомости, тишины, бездействия, безразличия... Это время ноль. Полное отключение программы...

Одно лишь тарактенье под ухом справа возвращает в реальность, в действие.

Бухарин трясет Ивана за локоть, кричит в ухо:

— Нет, нет и нет! В этом чертовом мире нет настоящих цветов, все подделка! Все, особенно то, что создано руками человеческими, несовершенными! Истинные цвета там, в мире снов.

— Угу, — Иван нехотя отозвался.

— И не надо говорить, что это из-за того, что мы, собаки, видим все в черно-белом цвете! Не надо! Это вы, люди, видите все так! Я вот приду сейчас домой, завалюсь на диван и буду спать, а Богородица будет меня сторожить, и я, знаешь, какие сны буду видеть?! Не знаешь! Откуда тебе знать, ты совсем зеленый.

— Угу, — соглашается Иван. — А ты черно-белый.

— Да потому что весь мир такой! Что, думаешь, трава зеленая, небо синее?! Да ни шиша подобного. Все серое. Сплошь и рядом. — Споткнулся, сбился с мысли Бухарин. Замолчал, хрипло задышал.

— Во снах, конечно, все иначе, — напомнил Иван.

— Да знаю я! — алкоголик вырвал локоть из рук Ивана. — Вот там и надо жить! А не тут! — Он ткнул на дом Ивана пальцем и пошел, спя-

щим среди моря, от бордюра к бордюру, по дороге против солнца к своим цветным снам.

— Удачи! — крикнул вслед Иван. — Приятных снов!

Бухарин, не оборачиваясь, поднял обе руки вверх, громко по-собачьи гавкнул.

— Тоже лягу, вздремну, — решил вслух Иван Николаевич, — посмотрю цветные сны.

А чтобы Бухарин не чувствовал себя одиноким, не обиделся, гавкнул ему в ответ. Как Кекс, утробно, печально вздохнул.

На этом и разошлись.

Атлантида (Чистый лист)

— Двадцать пять лет прошло, больше, а ты так и не научился произносить название этого чертова вулкана, — улыбнулся отражению в зеркале Иван, — не вошел в крохотный процент избранных людей, умеющих это делать без запинок.

— Не для русского языка словечко, — сказала географиня, и он, чтобы доказать ей обратное, что ничего невозможного нет, год за годом, снова и снова зазубривал слово, и один раз у него получилось выстрелить им ей в лицо. Пожилая учительница Нелли Васильевна улыбнулась:

— Русская транскрипция, Ваня, не является фонетически точной, передающей произношение исландского «Эйяфьядла»... как там дальше... «кюль». А ты молодец.

И все.

И никакого конца света, как думал в детстве, ни чуда, ни знака свыше... Одно слово «молодец».

— Эйяа-а, — начал и закончил Иван, отражение показало ему язык. — Да глупости, оставьте исландцам их исландское, — подмигнул себе зеркальному, — а наш вулкан — это просто Эйя, эй! Я! — засмеялись Иваны.

Добрил затылок, легко и привычно, бритым он совсем не походил на отца, а сильно на мать — глазами.

— Мужчина с материнскими глазами.

Иван считал, что на родителей он совсем не похож, особенно на отца, и в юности дико обижался этому сравнению, с годами, ближе к тридцати, стал замечать сходство, но больше с матерью. Разрезом глаз, улыбкой, чиханьем.

Родители остались в детстве, остались для него навсегда теми молодыми, любящими... Остались внутри вулкана.

Переезд в Сибирь как сожженный мост. Развод, пьянство отца, сектантство мамы, бегство сестры за границу... все это, хоть и было в реальности и причинило массу боли, погрузилось на дно вулкана, стало туманом.

В ванной запотело зеркало, туман проскользнул наружу, выбрался.

Иван разделся, смотреть на себя голого — последнее дело, обнаженное тело пугает незащищенностью, дерзкой правдой, что ты всего лишь мешок костей, проткни кожу и выпусти жизнь на свободу — кровью, кишками...

Горячая вода приняла тело, лаская и обжигая.

Мама говорила, вода успокаивает, а в детстве, купая Ванюшу в бане или в тазу на помидорных грядках, приговаривала, поливая сына из ковша:

— Как с гуся вода, как с лебедя вода, так с моего сыночка Вани — худоба!

Вода бежала с головы и до пят, смывая пыль дня, усталость, простуду...

С развала СССР начала распадаться семья. Семья вместе с Союзом Атлантидой погрузилась на дно вулкана. Иван утопил события, забурлившие с конца девяносто второго года, начавшиеся с переезда в Иркутскую область, оставив для себя лишь часть, кусок жизни с пометкой — «лето».

Летом родители все еще вместе, отец не злоупотребляет алкоголем, мама — религией. В его лете бабуля живет вечно, а сестра не сбегает в Германию, запутавшись в любовных связях. Это лето — как повторяющийся «день сурка», заезженная пластинка, которая никогда не надоеет. Лето Ивана, где он не один.

— Ты и сейчас не один, — тарактением водопроводных труб ожил внутренний голос, — безработный, но не одинокий. У тебя есть друзья, коллеги по работе и по письму, соседка, девушка в белом тоже у тебя есть, если на то пошло. Сестре ты всегда можешь позвонить, а мать каждую молитву вспоминает о тебе, а значит, и она рядом.

Посланием из Атлантиды были звонки сестры и редкие вести от матери из женского монастыря.

— Один, — голос в ванной звучит металлическим приговором, — оди-и-ин.

Для человека творчества, от литературы, пускай и местечковой, провинциальной знаменитости, биография важна. Не вышло с интересной жизнью — придумай новую, разбавь ее пикантными подробностями, придумай легенду!.. Твори о себе мифы, черт возьми, боги начинали именно так.

— Родители живут в Европе вместе с младшей сестрой, сестра в модельном бизнесе, отец держит пасеку, сколотил состояние на пчелах и медовухе, мама занимается самосовершенствованием и просветлением, у нее своя группа пенсионеров, стремящихся познать нирвану.

Чем не идеальная семья будущего литератора?! Кому нужна правда? Читателю его творений?.. Ему?.. Его правда в нем, на дне, остальное — истории. Сочинения жизни. Выдумка.

— Ну, не совсем уж и выдумка, — голос ворчит, клокочет. — История с ежевичным богом, рассказ об утонувшем школьном друге, поре-

занные велосипедные шины и любящая выпить белка — это же случаи из реальной жизни. Это правда.

— Правда, правда, — закрыл глаза, вдохнул горячий пар и вместе с ним опустился на дно ванной, в пенную, мыльную воду.

Попытался спрятать острые коленки, торчащие из воды, чтобы согнуть под водой целиком, не вышло.

— Атлантида не принимает. Хватит тех, кто уже здесь, — внутренний голос, голос вулкана.

Поднялся с пузырями и детством вдогонку.

В море не получалось пускать пузыри, мешали волны и соленая вода, ни в какую не хотела пузыриться, зато пузырилась вода в тазике и в бочке, что посреди огорода, где плавал еще и арбуз, остужаясь в знойный день.

Детство — огромный пузырь, радужно переливающийся под солнцем Вселенной.

Пузыри недолговечны, хрупки, только тронь, детство — та же Атлантида. Не найти, не вернуть. Внутри. На глубине.

— Напиши об этом, — советует в который раз подсознание голосом учительским, похожим на голос географички, — хватит детской пищи, каш да пюре, пора переходить на твердую пищу. С мясом и кровью. Время поэзии прошло — берись за реальность. Прозу жизни. Стихами жить — мямить и отставать. Рубить может лишь не зарифмованное слово. Кромсать, крошить суету дней.

Действуй!

Вода действует на Ивана Николаевича положительно. С детства так. Погружаясь в воду, отрешаясь от мира земного, становишься иным, честнее, обнаженной... Вода меняет...

Привет из Атлантиды.

Не стал дожидаться, пока пальцы подряхлеют от воды, выбрался обновленный, свежий, почти как новый, полный сил и решимости сесть и писать.

Вытерся кое-как, натянул приготовленное белье, под шум стекающей воды велел отражению:

— Иди и твори!

Прошлепал на кухню, включил чайник.

— Перво-наперво кофе.

Выглянул в окно, вдруг что вдохновит, натолкнет. Зелень болота, изжаренная, поникшая под лучами солнца, вялость и уныние.

— Дождь пошел бы, что ли.

Сказал, и через мгновение потемнело небо, ожила болотная зелень, пошла волнами, ветер нагнал грозовые тучи, еще мгновение — и дождь полил стеной.

— Дождь в Атлантиде, — прошептал, — чем не название?!

Внутренний судья оставил вопрос без комментария, чайник довольно зашумел.

Отличное название.

Горячий кофе из кухни переместился на стол к ноутбуку.

На чистом листе без колебаний Иван набрал название, пришедшее в голову минуту назад. Набрал и стер.

— Слишком поэтично. Нет!

Встал, открыл правую фрамугу окна, впустил солнце, кислый запах высохшего болота, сорочью перепалку.

Природа слишком поэтична, чтобы его вдохновить, Иван с превеликим удовольствием добавил бы в этот пейзаж ненавистный красный цвет, чтобы он кричал, зывал... Бил наотмашь и призывал! Но кричали лишь сороки, спорили, дрались.

Красная клякса брызнула на бледно-серое, измученное солнцем небо, потекла неровной стрелой к макушкам тополей, порезала кроны деревьев, уткнувшись в землю, разбудила вулкан.

Болото — кратер уснувшего вулкана, и пришло время ему проснуться.

Восстать и уничтожить. Столб огненной магмы ударил в небо, и небо стало цвета крови.

Ты же хотел красного, дружок!

— Пиши фантастику, — прогудело из кратера, — напиши про вулкан, вдруг возникший посреди города в наказание людям за их грехи. Напиши!

Отвернулся от красного неба Иван, сказал:

— Фантастика — это не мое... Разве что написать историю про мальчика, потом подростка, пытающегося произнести без запинки непроезжимое название чертова вулкана.

— Эйяфьядла... как его там... кюдль?! — загрохотало.

— Он самый.

— А когда у него это получится, случится конец света?!

— Ну, я предполагал, все будет именно так...

Голос заревел:

— Так пусть посреди города возникнет вулкан, проснется, разбуженный словом мальчика-подростка, и уничтожит всех к чертовой матери! Чем не конец света?!

Обжег улыбку горячий кофе:

— Массовые убийства не для меня. Не созрел.

— Так ясен перец, ты же не в правительстве, не у руля власти. Это они только для такого созревают, — смягчился голос до голоса Нелли Васильевны. — Террористы — и они лишь пешки. Не Гитлеры.

Сороки устроили настоящую бойню, пикировали на невидимую угрозу в высокой траве, гавкали по-собачьи, каркали, пищали, срывая листья с тополей, кружили у своих гнезд, вновь бросались к траве.

— Опасность в траве, — бормочет Иван, — чужой. Чужой в траве.

Словосочетание ласкает слух, а из зарослей внизу уже показалась черная, блестящая на солнце голова инопланетного ксеноморфа из вселенной Чужих, полная зубов и кислоты.

— И тут извергается вулкан, и Чужого как не бывало, — смеется вслух Иван.

Бухарин появляется на пути у ксеноморфа, рисует фантазия Ивана Николаевича сценку, — и если у твари из космоса кислота вместо слюны, то у поселкового знаменитого пьяницы — смертельное дыхание, перед которым не сдюжит никто, и тем более какой-то там пришелец. Так и есть — одного выдоха Бухарина хватило, чтобы ксеноморф задымился и сполз на битый асфальт черно-зеленой лужей. Земляне победили вновь!

Ура Бухарину! Ура неразведенному «боярышнику»!

Кофе допит, а на белой пустоте листа лишь черным укором стучит сердце ненаписанного...

— Главное, начать, — становится заклинанием, — одно предложение...

Поход на кухню помыть кружку — больше, чем предлог слинять от чистого листа, необходимость: не будет грязная кружка мозолить глаза и отвлекать...

Вода успокаивает, вода возвращает на глубину. В Атлантиду.

Написать о родителях, о семье, утонувшем друге — думал и не раз собирался, существует блокнот с набросками, мыслями, цитатами...

Неплохой получился бы роман, со слезами, кровью, предательством, смертью, фанатизмом, сексом, мясом...

— Но и для этого ты не созрел, — голос разума.

Люди, которые могли бы обидеться, напиши он роман о своей жизни, — кто где. Кто-то в могиле за океаном, кто-то за стеной веры, что не позволяет общаться с мирским и миром... Так что смело можно писать правду и неправду, приукрашивать, преувеличивать... извращать...

— Чужие в Атлантиде, — закрутил краны мужчина, убрал кружку, выглянул в кухонное окно, где ничего нового.

Это окраина окраины, здесь новости сороки на хвосте приносят в прямом смысле, и новости всё сорочьи...

«Исчезновение в Международный день защиты детей», заголовок из еженедельника «Вечерняя среда» месячной давности, загорелся перед глазами на глади оконного стекла.

— Событие больше чем поселкового масштаба, город на ушах месяц почти стоял, вся область гудела, — прокомментировал внутренний голос.

Иван как-то встретил отца пропавшей девочки Светы. Кивнул, протянуть руку не осмелился, да и не заметил его отец, прошел тенью, всматриваясь в трещины асфальта, бубня неразборчиво, скрежеща зубами, как есть человек из затерянной Атлантиды...

— У каждого из нас своя потеря, своя Атлантида!

Потеряв дом у моря, на юге СССР, потеряв семью, Иван потерял большую часть себя. Быть может, эти куски там же, на дне вулкана, в затонувшей Атлантиде? И настанет время, когда он найдет их? Когда примирится с потерями, и вулкан выплюнет, исторгнет, вернет, пускай мертвое, потерянное. Обретет Иван целостность... Постоянство и покой.

— Аминь.

Сорока мелькнула совсем рядом с окном черной вспышкой, но Иван успел разглядеть в клюве что-то красное, похожее на... сердце.

Точно, так и есть!

Пластиковая, плюшевая ли, фигурка-валентинка станет пополнением сорочьей коллекции.

— Сорока с сердцем в клюве, — прошел в коридор Иван, — сорока с сердцем...

Чистый лист ждет откровений, исповеди. Холоден, неизменно постоянен в своей белой пустоте лист.

Ожидание белого цвета. Смерть, вечно ждущая, носит белое платье.

Ваа7ч \=лкурторбевсчд0--щтиауъждр6234ахэ09712вар321 фм5... — быстро вслепую напечатал одним пальцем.

Язык атлантов — бессмысленный, таинственный, беспощадный до безумия в своей простоте и абсурде. Голос хаоса. Язык молчания. Пустоты.

— В Атлантиде вечное лето. — Палец на клавише Backspace безжалостен, возвратил лист в первоначальный вид. Чистота и невинность. У девственности и смерти много общего, их объединяет белый цвет непрочности, связывает пустота...

— Итак, вечное лето в Атлантиде. — Иван подошел к полкам с книгами, разглядывал корешки книг. — Каникулы в Атлантиде, — придумывал название, от которого можно будет оттолкнуться и начать.

«Слово живое и мертвое», Нора Галь, Джон Фаулз, «Коллекционер», Генрих Белль, Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра», М. Ю. Лермонтов...

— Летние каникулы в Атлантиде.

...Большая книга басен, Л. Н. Толстой, «Повести и рассказы», Гофман, Астафьев, Оруэлл, Моравиа, Достоевский...

— Черт.

— Так и назови роман, рассказ, что ты там хочешь написать. «Черт», а что, отличное название, — язвительными отцовскими нотками ожил голос. — И какого тебе эта Атлантида сдалась?! Все, что утонуло, то утонуло. Сгинуло. Нет его больше. Вычеркнуть и забыть! Атлантида — это место, откуда не возвращаются. Я мертв, спился, сгинул и похоронен у черта на куличках. Ты на могиле, кстати, так и не был! Мать твоя тоже в своей Атлантиде, под замком обета молчания, в тюрьме служения Господу Богу нашему Иисусу Христу, скажем «аминь». Сестра, вот уж где Атлантида греха и развлечений, Флорида, Гоа или где она сейчас оголяет перед камерами свои груди?! Мы все в вечном лете и в ажуре. Так что оставь нашу Атлантиду. Пиши о своей! Твоя Атлантида — твой вулкан. Пока ты отвергаешь реальность, перекраиваешь случившееся, прошлое, по-своему, на свой лад, ты в Атлантиде. В вечном лете. А значит, не существуешь. Значит, тебя нет!

Иван, стоя между названиями книг и чистым листом, выдал зло:

— За-ткнись.

Голос отца перешел на крик:

— Ау?! Кто-нибудь видел такого Конева Ивана Николаевича, тридцать пять лет, бритый, худой, любит пижаму в синий горох! Ау?! Или он еще не родился?.. С мертвыми и нерожденными в чертовой Атлантиде?! Ау?!

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ В АТЛАНТИДЕ — большими жирными буквами набрал Иван, проговаривая каждое слово, снова, и еще раз, и еще... чтобы не слышать истерику отца.

— Ау?! Может, он родился, да потерялся по дороге во взрослую жизнь?! Маменькин сынок не смог смириться с реальностью. С разводом родителей, со смертями и бегством, с предательством и разочарованием, что все не так, как в детстве, в стране с пятнадцатью сестрами-республиками.

— Летние каникулы в Атлантиде, летние каникулы в Атлантиде...

— Ау?! Выдумал свой вулкан, побросал в него все, что не нравится, и думает, оно там расплавится и сгинет. Хрена с два. Рано или поздно все выходит наружу. Ау?! Не убежишь от нас. Скажи себе уж наконец. Признайся! Твоя семья не идеальная! Ни родители, ни сестра, ни ты! Ни детство в бочке с арбузом, ни пес Кекс, которого на самом деле...

— ... В А! ТЛА! НТИ! ДЕ-Е-Е! — заорал Иван.

Сотовый подхватил крик хозяина, зажужжал, задрожал рядом с ноутбуком.

Иван схватил телефон, ответил.

— Ау, — сказал он.

Слова vs Вечность.

Более чем странная история Лиса

Телефонные звонки бывают во спасение и на погибель. Иван нет-нет да вспомнит времена тишины — в поселке с одной телефонной будкой у поликлиники.

Время бумажных писем, заранее оговоренных встреч, уединения, невинности...

— Ты сейчас работаешь над чем-нибудь? — выпалил вместо приветствия Бес.

Иван ответил:

— Не совсем.

И стер многообещающее название, придуманное несколько минут назад, — *ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ В АТЛАНТИДЕ* — с вордовского листа.

Звонок друга из столицы Восточной Сибири был спасением. Голос отца, воскресший из глубин подсознания, захлебнулся в тарахтенье поэта-революционера Бессолицына. Артем, в отличие от Ивана, мастер долгого телефонного разговора, его личный рекорд — семь часов, с шестью минутными перерывами из-за часового лимита оператора. «Надо бы глянуть, что там по этому делу у Гиннесса, — грозился Бес, — я могу и сутки

проговорить, без разницы, с кем. Могу и о погоде одной двадцать четыре часа трещать».

— Лис сам не расскажет, и я взвалил эту миссию на себя, понимаешь. Мы поэты, поэтому прозу жизни отдаем тебе и уповаем на тебя, это как Пушкин Гоголю, сечешь мысль?

Ответственный за прозу жизни через смехок ответил:

— Второго «Ревизора» мне сейчас надиктуешь?

— Души мертвые не хочешь?! Мистика, чертовщина, слезы очевидного-невероятного... То, что доктор прописал, как ты любишь, словом.

— На «Мертвые души» согласен, давай, рви сознание.

Телефонный болтун-рекордсмен начал:

— Зайдем издалека, тебе знакомого прекрасного далёка.

— Даже так. — Если честно, Иван не рассчитывал услышать что-то сногшибательное. Закрыл ноутбук с чистым листом, облокотился на подоконник.

Бес сказал:

— Помнишь, пили на набережной, к нам подошли два полицейя?

Иван вспомнил молодого голубоглазого, с пушком над губой, больше похожего на девушку, чем на мужчину, стража порядка. На девушку в белом...

— Ну и Лис тогда отчеканил свое новое творение, помнишь, да? Поэт и Амазонка, сама и родила, сама потом распяла... А один из полицейских пообещал Лису, что, если узнает его фамилию, тот прочтет его стихотворения, помнишь?!

— Помню я все и понял уже, что мент его нашел!

— Дмитрий Лисичкин звать-величать нашего Лиса. И да, так точно, нашел, волчара. Но подожди расслабляться, все только начинается.

И началось.

Полицейский застал Диму Лиса врасплох в общаге, где поэт прячется от реальности и творит свои миры в комнатке-коробке без мебели и обоев, полуголого, пьяного.

Лис сразу и не узнал полицейского без формы, в шортах и футболке, не вспомнил, пока тот не напомнил, широко, по-голливудски улыбаясь и хлопая коровьими ресницами.

Поэту ничего не оставалась, как грязно, громко ругнуться.

— Марк, — представился полицейский, уже сидя на единственном табурете.

Имя Лиса рассмешило, и он смеялся, пока полицейский не достал из пакета бутылку водки.

Первая встреча прошла пьяно, и до стихов полицейского дело не дошло. Потому как пьяный Лис уперто читает и слушает только себя.

Марк не был против, ему, по утверждению Лиса, все происходящее очень было по душе.

— Где он еще так культурно отдохнет?! Не у себя же в отделении?! — смеялся рассекреченный поэт Лисичкин.

У полицейского Марка фамилия была Молибога, и в комнате нового знакомого он появился во второй раз через два дня, ближе к вечеру, с пивом.

— Смена, — объяснил исчезновение на два дня. — Я сам не мог дожидаться. Переволновался, будто преступление какое совершаю...

Лис, с большой головой, ужасно стеснялся и не находил слов, пряча глаза за длинным чубом. Разрядила положение кружка пива, а за первой вторая кружка, и наконец полицейский достал тетрадку со стихами.

Марк прочитал первый стих, протараторил, Лис же подавился пивом, закашлялся, пиво попало не в то горло, ударило в голову, потекло из носа пеной, ко всему этому добавились слезы. Когда Дмитрий пришел в себя, он сам прочитал стих полицейского, а потом еще один и еще.

Артем сделал паузу, чем-то смочил горло, продолжил:

— Все стихотворения написаны от женского лица. Но слушай, что дальше.

Дальше полицейский не выдержал, раскололся.

— Да не мои это стихи, — хлопнул поэта по плечу, поэт сидел на матраце, гость, как и в первый раз, на табурете. — Моей бабушки они. Она писала в молодости, теперь вот умерла, давно уже, а тетрадку я нашел, и потом вы попались на набережной, словно судьба нас свела.

Лис молчал, пролистывал желтые листы тетрадки, перечитывая стихи, одно за другим, снова, и снова, и снова.

Полицейский рассказывал про любимую бабушку, что окончила всего три класса и писала всегда безграмотно, с горем пополам, — и как ей удалось стихи все эти написать, а их в тетрадке пятнадцать, непонятно.

— Чудо, — налил в кружки пиво полицейский.

— Чудо, — согласился Лис, ошарашенный.

Бес повторил:

— О-ша-ра-шен-н-ны-й просто вдрызг, понимаешь?

Иван переместился с подоконника на угол дивана:

— Ну и?..

Вместо продолжения пошли короткие гудки, закон подлости срывается, как всегда, на самом интересном месте.

То, что у всех нас свои скелеты и Атлантиды, это факт, кто-то скрывает свои порочные желания, кто-то хобби с детства, коллекционирование пауков в банках, у некоторых, как они говорят, нет тайн, и уже это заставляет задуматься о том, что прячет человек без секретов...

У Лиса, как оказалось, была тайна, с этого и продолжил рассказ Бес.

— Есть, значит, у Димаса пара десятков стихотворений, которые он никому ни в жизнь не показывал, все они, внимание, Конь, приготовься, все они от женского лица. Та-дам! — закричал в телефон Бес. Иван понял, что друг горло смачивал отнюдь не простой водой. — Ну а стихи бабки полицейского — точная копия женских стихов Лиса! Та-дам, та-да-дам!

Иван замотал головой, привстал с дивана:

— То есть как? Стой. Копия?..

— Да! — с задором кричал Бес. — В том-то и дело, что Лис сам охренел и долго поверить не мог, что такое произошло. Перепроверил. Он молодец, что сразу среагировал. Сначала, правда, растерялся, да кого там, в шоке он был, в ужасе священном. Потом включил ноутбук и показал полицаю свою тайную поэзию.

— Слово в слово, — шептал заворуженно Марк, мужчины сравнивали стихи из желтой тетради со стихами на экране. — Разве такое возможно?! Она писала их в тридцатые годы, а ты?..

Лис показал на дату в конце одного стихотворения: «14 ноября 2015 года».

— Все примерно в это время, четырнадцатый — шестнадцатый годы. Есть пораньше, но все за отметкой 2000, — сказал и допил пиво.

— Чудо номер два, — сел на табурет полицейский. — Ты, получается, думаешь в точности как моя покойница бабушка?.. Бред. Или стой! Ее стихи пришли к тебе, чтобы быть наконец кем-то услышанными, опубликованными! Так, наверное. Бабушка и мечтать не мечтала, что ее строки где-то когда-то напечатают. И вот...

— Поэзия живет вне времени, — тихо сказал Лис, — для некоторых слов вечность не страшна. Слова сильнее вечности, — бормотал, прижимая старые листы к груди.

— Тебе они, может, приснились? Как это у тебя напислось?.. Ты же прочувствовал все эти строчки, слова?.. — сыпал вопросами внук. — Через столько лет призраки стихов нашли выход и вышли через тебя, а?..

Ничего не отвечал, никак не реагировал поэт. Его терзал один вопрос: кто тогда истинный автор этих пятнадцати стихотворений?..

Не умеющая грамотно писать бабушка из прошлого или?..

— А как звали бабулю? — ожил Лис.

— Э-э-э... — Марк постучал по задней обложке тетради. — Тоже, можно сказать, чудо, номер три.

«Маша Лисова» — большими детскими, корявыми буквами, а рядом мордочка животного, похожего на помесь кота и лисы.

— Бабушке плохо давалась буква «ы», поэтому Лисова. Лысова — девичья фамилия у нее.

Дмитрий Лисичкин отдал тетрадку:

— Думаю, нам надо выпить.

И они выпили.

— И я, пожалуй, выпью, погоду пять сек, — зачавкало в телефоне, закрывало.

Пока Бес прикладывался к выпивке, Иван снова сел на диван.

— Да, более чем странная история, — сказал вслух самому себе, — слова, победившие время, победившие вечность. Поэзия сильнее смерти.

Смачно хрюкнув, вернулся Бес:

— Говорил же, «Мертвые души» отдыхают. Души вообще, как мы видим, не умирают, живут в словах, опть... А, как? Что думаешь? Лис

рассказать рассказал, но никак не комментирует, боится, что ли, непонятно... Бабка, может, ему во сне надиктовала? Хе-хе.

— Стихи должны быть прочитаны, вот и все. Все, что написано от души и для души, рано или поздно найдет читателя. Читателя и свое место на полке и в сердце. Так что ничего удивительного. У Лиса с бабушкой полиция просто совпала полюса, родственные души или еще что из мира метафизики...

— Душа бабы Маши в Лисе, вот что. Мне кажется, это верно, иначе почему мент так потянулся к нему?! А?..

— Слово в слово, надо же... — Иван увидел Лиса на полу, сидящим на матрасе за ноутбуком, а над ним призрачная фигура старушки, и призраком своей костлявой рукой управляет пальцами поэта, щелкает ими по клавиатуре. Сквозь десятки лет...

Слова, которым суждено быть прочитанными, стирают границы времени. Слова правят временем, и вечностью, и смертью...

— Думаю, у тебя получится неплохая история такая, мистическая... Может, и любовная, а? Кто знает, чем вся эта история с женской лирикой и душой бабушки закончится?! — загоготал Бессолицын. — Полицейский же так любил свою бабушку, а тут поэт подвернулся с такой же чувствительной душой, да еще и стихами в точности как у бабульки, как думаешь, во что это все, мягко говоря, выльется-а-а?! — закричал, залопал, забарабанил друг. Ивану пришлось убрать сотовый от уха.

— По своей фамилии людей не судят, гражданин Геевский, — перебил истерику друга Иван. — Лис прав, европеизм из тебя так и прет.

— Да шучу же я, чё сразу в штыки, — обиженно промямлил Бес, — просто мне б такая история понравилась, такая киношно-фестивальная, знаешь. Сейчас же модно про странности любви все снимать... А тут такая почва, поэзия, душа, полицай и поэт... Да тут и без слов все ясно.

— Ясно, что ты переборщил с градусом. Коньяк попиваешь, походу.

— Блин, угадал, а чё, плохое развитие истории, что ли?.. Америка с Европой бы такой сценарий с руками, ногами и жопой купили бы. Я б в Голливуд свалил, со Спилбергом бы бухал, а не с вами по лавочкам ментов приманивал...

Рассмеялся Иван откровенно, неподдельно:

— Мечтай, это не вредно.

— Так чё, напишешь историю более чем странную? — воскликнул друг-поэт.

— Напишу, по-своему, — пообещал Конь Бесу.

Ответ устроил Артема:

— Ну а появится свежая информация, я тут как тут, и помни о просьбе большинства, без любви история не покатит, а душа тем более бесполо. Так что так. Вот и пятое — или какое там — чудо. Любовь! Любовь — это ведь чудо.

Прервалась пьяная философия получасовым ограничением оператора сети, а на третий звонок у Беса, как подумал Иван, не хватило запала, ко-

нюк сморил, и поэт-революционер, скорей всего, отправился в место, где души и слова обретают физическую форму, обретают тело... В мир снов...

— Тело слов, — придумал и громко озвучил Иван мысль, — бессмертное тело слов. А более чем странная история Лиса этому доказательство.

...В летний вечер, ближе к полуночи, пьяный полицейский зачитывал стихотворение своей бабушки, написанное больше семидесяти лет назад, с экрана ноутбука поэта:

Тонко —
Чувствительно тонко,
Изящно она обняла
Его загорелые плечи
И снова сказала: «Да».
Откинулась, стала светом,
Зажглась, загорелась —
Звезда.
Он грубо одернул:
«Кто ты?»
Она догорела,
Прошла.

Долго —
Чудовищно долго
Искала по свету одна
Его голубые озера,
Покрытые снегом леса.
Бежала, спешила,
Знала,
Пропала она навсегда,
Его не найдет
И сдастся,
По ветру развеется
Вся.

Преследуй того, кто собьется
С назначенного пути.
Оставь, кто в любви признается,
Запутавшийся во лжи.
Прости, кто слезами ранит,
Сам заряжая ствол.
Беги, уходи кругами
От тех, кто кричит: «Постой!»

14 ноября 2015 года.

(Окончание следует.)

Станислав ЛИВИНСКИЙ

ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕК

Элегия

В одной гостинице типичной,
где кухня общая и душ,
и самодельные таблички,
и постояльцев мало душ,

где в коридоре пахло рыбой
и малолетними детьми,
и нужник ветхий на отшибе
стоял без окон, но с дверьми —

туда естественная сила
приводит всякого из нас, —
смешно сказать, но посетила
меня там муза как-то раз.

Когда, свернув листок газеты,
среди мух зеленых и слепней
вдыхал я с дымом сигареты
дым бедной родины моей

и сквозь отверстие-сердечко
в двери я радостно смотрел,
как плыли облака над речкой
и дуб склонялся и шумел.

* * *

Вот на руках еще, в роддоме,
вот белый весь, как будто снег, —
на фотокарточках в альбоме
один и тот же человек.

На профсоюзной елке в маске,
«в клешах» у школьного крыльца,
с женой и детской коляской,
у гроба бедного отца.

На даче, чтоб забор поправить
и лук с морковкой посадить,
чтоб внуков на ноги поставить
и самому уж не ходить.

* * *

Как поэтично бабье лето!
Листва опавшая в пакетах,
и дворник, метлам царь и бог,
с утра похожий на китайца,
и кот вылизывает яйца,
поднявши лапу, словно йог.

На горизонте виден Эльбрус.
Штурмуют дачники троллейбус,
а там ни охнуть, ни вздохнуть.
Не ради совести и жеста
студентик уступает место
и сверху пялится на грудь.

А на дворе теплынь такая,
что все живут, не умолкая,
и финн, и русский, и узбек.
И даже бомжа на перроне
мент остановит, но не тронет,
поскольку тоже человек.

* * *

О близких выборах и о плохой погоде,
о том, что приступ язвы лечат содой,
о ценах на бензин, в конце концов...
Ну чем мы лучше, собственно, отцов?

Родишь, посадишь иву или вяз,
дом возведешь — и коготок увяз.
Два голубя дерутся из-за хлеба,
и землю снег соединяет с небом.

* * *

Вид, годами неизменный, —
наркоманы ищут вену
в царстве фабрик и дымов,
самодельные антенны,
всяк продать себя готов.

На березе воробьи,
что стоит напротив спальни...
Не скрывайся, не таи,
не молчи, как ненормальный.

Потому что человек —
не для подвигов и славы.
У него сегодня — снег,
завтра — листики и травы.

У него сегодня грех —
он детей нашел в капусте.
Потому что человек —
как наивное искусство.

Валентина ПЕТРОВА

ПРИВЫЧКА ЮДИНА

Р а с с к а з

Инженер Юдин не всегда делал то, что хотел, как и любой другой инженер. Сейчас он посмотрел на дверь как на врага, открыл ее и вошел. Матвей поднял голову и, конечно, удивился.

— Ты же ушел, — сказал он.

— Вернулся, — ответил Юдин и поднял с письменного стола спровочник, потом заглянул в ящик.

Нету.

— Ты уже почти дома был, — добавил Матвей.

Юдин заглянул под стол, потрогал основание лампы, хотя там ничего не могло быть. На подоконнике лежала только старая «Правда». Инженер сердито посмотрел на нее. Сам он газет не покупал, просто не мог.

— Потерял что-то, Валя? — спросил Матвей.

Юдин рассердился — видно же, что потерял: ищет только потерявший.

— Портсигар.

— Это я опять взял, — Матвей протянул ему бакелитовую коробку с папиросами.

Юдин сразу открыл — папирос осталось немного, от этого он совсем вышел из себя.

— Никогда не бери мои вещи! Ты не спрашиваешь, а потом забываешь! — крикнул он. Матвей так и сидел с поднятым лицом и пытался загнать обиду куда-нибудь, где ее не будет видно, — из глаз и губ выгнать ее в затылок. Лицо от этого страшно постарело.

— Извини. Мне папирос не жалко. Я уже терял как-то портсигар. Такая злость берет, когда хочешь закурить и не можешь.

— Дорогой портсигар-то был? — механически заинтересовался Матвей.

Он еще не справился с обидой.

— Ерунда, карельская береза. Мне принцип важен.

— Может, по кабинету старый поищем?

— Нет, это давно было.

— Когда?

— В девятнадцатом году, — пробормотал Юдин и ушел, пока Матвей не начал смотреть на него с недоумением. Пусть на дверь так смотрит, а на него не надо.

Коричневый в разводах портсигар он сунул за пазуху. Руки спрятал в карманы брюк, но сразу вытащил — оттянет карманы, вид не тот будет. Теперь снова полчаса по последнему морозу, который еще безжалостнее первого.

Юдин шел через март, не видя марта. Ему хотелось найти другую работу. В конце месяца, кажется, пустят завод шарикоподшипников, можно туда. А Хейфец пусть делает свои подстаканники со знаменами, если хочет. Когда новый директор предложил выпускать агитационную утварь, кто-то пробормотал: «Без серпа и молота не покажешься в свете», а в общем все согласилось. Юдин тоже. Его дело — пробы, а не картинки.

Домой он успел вернуться засветло, хотя тени уже легли на лестнице до пятого этажа. Первым делом поставил чайник и закурил одну из последних папирос. Квартира у инженера была совсем маленькая, однокомнатная — очень хорошо для самодисциплины. Меньше дряни в дом тащишь. Подстаканников с работы, например, у него не было. Почти ничего не было. Один стакан, глубокая тарелка, куда хоть суп, хоть торт клади. Ложка и вилка. Два ножа. Не хотел второй заводить, но не удержался — очень уж хороший ножик, шведский.

Когда в дверь позвонили, он пошел открывать. Пока открывал, помогал с сумкой, здоровался — упустил чайник. Он слушал, как дела у мужа Ани, а чайник бился на плите и истекал кипящей водой. Дрянная ручка сразу отклеилась. Они вдвоем вбежали в кухню и сразу разошлись: Аня в ванную за тряпкой, а Юдин прислонился к стене и с ужасом смотрел на издохший чайник. Он чувствовал себя убийцей.

— Упустил, — пожаловался он Ане.

Та ловко вытирала пол. В ведре у нее плескалась холодная вода. Ведро она приносила с собой — Юдин не позволял себе владеть ведром.

— Не плачь. Может, я его на помойку унесу?

— Не смей! Я на работу возьму, там починят.

— Бедный мальчик, — вздохнула Аня и пошла чистить ванную.

Юдин курил и думал. Пепел он стряхивал в старый чайник, который ни один умелец не смог воскресить. Пепельницу он заводить боялся. В прошлой квартире все тоже началось с пепельницы. В этой и так уже стояли под кроватью ботинки. У них лопнула подошва так, что не залечить. Юдин решился на новые, но старые упрекали его перед сном.

В прошлой квартире они с Аней жили вдвоем, но она ушла раньше, чем закончилось место. Он не мог ее лишиться, поэтому нанял в домработницы. Не сразу, через неделю, когда она остыла после ссоры. Кажется,

она тогда выкинула старую куртку. Дыр в куртке было больше, чем тепла, но она тоже была вещью.

Теперь Аня приходила раз в неделю и чистила Юдину дом. Еще одна бывшая любовница работала у него на заводе. Другая — там же в канцелярии. Каких-то он выпустил из рук: людей не сунешь под кровать. О них он вспоминал перед сном, а во сне они приходили и смеялись, разбегались в разные стороны и кричали: «Лови!» В последнее время Юдин стал осторожен в любви. Он уже не тянулся к женщинам, даже если они ему очень нравились, а прикидывал, сможет ли сделать своими навсегда. Выходило, что нет. Люди — текучая субстанция, особенно женщины. Они заканчиваются быстрее, чем выкипает чайник, и терять их так же больно.

В двадцать третьем он много ходил по барахолкам, покупал вещи в свой первый собственный дом. Продавали фарфор, пледы, стулья, драгоценности, какие-то совсем домашние предметы — халаты, тапочки на меху, кисточки для бритвы. Без дома они смотрелись голыми. Продавали хрустальные бокалы. Шкатулки из раковин. Продавали бывшие полковники, кто с медалями, кто с двумя ногами, и ошалевшие от свободы кучера, сами «бывшие» — с такими бледными лицами, будто их кровь тоже национализировали. Продавали, а покупателей было мало. Один Юдин бродил между рядов и примерял вещи к своей новой жизни: я полюблю это бело-голубое блюдо с веточками цветов? Часы со сдуревшей кукушкой, которая прямо на толкучке прокричала, что уже полночь, и обмякла? Ватное одеяло? Тогда он еще не видел, как крепко вещи его держат, и радовался. Хотелось купить и фарфор, и пледы, и стулья. Отрез красного шелка. Гранатовые серьги, дышащие темным огнем. Даже светлые волосы женщины, торговавшей книгами, — они, эти волосы, мягко светились в сумерках.

Тогда он еще не знал, что не сможет ничем владеть, а все будет владеть им.

Аня закончила убирать крохотную квартиру, получила за это больше, чем любая другая домработница Москвы, и присела отдохнуть. Юдин пил воду из тонкого стакана. Чая сегодня уже не будет.

— Бедный мальчик. Валя, может, тебе все-таки полечиться?

— Где от такого лечат? — удивился он.

— Это же нервы... Я все понимаю, но так жить нельзя.

— Сегодня вспомнил свой портсигар. Который в девятнадцатом сперли.

— Тебе бы забывать научиться. Как ты после этого всего, после фронта, после голода, его помнишь? Сколько ты товарищей за это время потерял?

— Их тоже помню.

Аня потянулась, чтобы погладить Юдина по голове, и сбила со стола стакан. Тот закачался на краю — Валя с Аней столкнулись руками, пытаясь поймать его, — а потом упал и разбился. Аня вскочила, подхватила

свою одежду и выбежала из квартиры. Она боялась, что Юдин побежит за ней, но он не стал. Только выглянул на лестницу, когда собрал осколки, потом ссыпал их в старые ботинки под кроватью и лег спать. Во сне он увидел все свои потерянные вещи. Они мерцали в сумерках, взывая к нему, а он не мог их спасти.

Утром Юдин не смог выпить чаю, а воду пришлось хлебать из тарелки, поэтому на работу он пришел злым и злился весь день. Даже не заметил, что Матвей смотрит на него как на опасного больного, а заметил бы — не сделал ничего. Юдин думал, как бы наладить превращение отходов с платиной обратно в платину, и выходить из этих мыслей не желал. Когда-то он выбрал из всех наук химию за ее способность к превращению: вещей — в формулы, формул — в вещи.

Хейфец зашел в кабинет, но Хейфеца Валя тоже не заметил. Он уже додумался до специального государственного органа, который ведет учет изделий из платины и забирает их обратно, когда истечет срок, а теперь придумывал для них форму.

— Здравствуйтесь, товарищи! Видели, с башен орлов снимают? Я полюбовался. Специально крюк утром сделал.

— Знато, знато, — закивал Матвей.

— Выйдем, Валентин Викторович, — вдруг попросил Хейфец.

Инженер встал и вышел. Директор вышел за ним, но дверь закрывать не стал.

— Говорят, товарищ Юдин, у вас настроения какие-то не те. Не наши, — за плечом директора в кабинете улыбался Матвей.

— Кто же говорит? — будто бы заинтересовался Юдин.

Он больше интересовался, как бы кинуть чем-нибудь в Матвея, но это настроение решил скрывать, пока может.

— Ваши, Валентин, друзья. С которыми вы работаете бок о бок.

— У меня боевое настроение, Лев Исаевич. Как у завода и всего советского народа.

— А говорят, не то. Простые рабочие говорят. Юдин, вы верите голосам простых рабочих?

— Верю, конечно.

— Рабочие голоса говорят, что инженер больше любит свои вещи, чем людей.

— Врут, — твердо сказал Юдин. — Я очень люблю людей.

— Это поэтому одна ваша любовница на конвейере работает, а вторая — в канцелярии?

— Бывшие... А что они, не люди разве? Хотя и бывшие.

— Вы сами-то не из «бывших»? — спросил Хейфец.

Про себя он уже все решил о Юдине: формалист, тихушник и инженер.

— Никак нет. Сирота с пяти лет, рос в приюте, окончил ремесленное. Воевал. На рабфаке учился и на производстве.

— Анкету рассказываешь. Ты мне прямо скажи, что у тебя за истории с вещами вечные? Говорят, ты товарища месяц назад чуть из-за ручки не побил.

— Кто говорит?

— Рабочие голоса.

— Скажите рабочим голосам, если еще раз мою ручку возьмут, я их сметами по зубастой морде отхлещу. Мне ею писать удобно. Имеет инженер право на собственную ручку или нет?

— В Советском Союзе — не имеет. На товарищество имеет, на дело свое.

— Я исправлюсь, — скучно сказал Юдин.

Сквозь открытую дверь он видел, как Матвей крадется к его столу, чтобы снова взять портсигар и забыть отдать его, и нервничал.

— Я тебе верю, Валентин. А ты мне верь. Я директор, может, и новый, зато старый большевик.

— Горжусь, — механически сказал инженер и вернулся в кабинет.

Хейфец вроде ушел, но на деле послушал, как Юдин отчитывает Матвея, отбирая портсигар. Потом на самом деле ушел. Через десять минут из двери вышел Валентин. Он нес в дех прогоревший чайник.

На следующее утро Юдин пил чай из нового чайника и стряхивал пепел в два старых по очереди. Мастер Паша сказал, что чайник не починить, и отвел глаза. Наверное, слышал истории о юдинской жадности. Конечно, все замечали, что он носит одни брюки и чинит их, сколько может, а ботинки не меняет, пока не сносит совсем.

Юдин не объяснил бы им, что жалеет не денег, а вещи, их короткую жизнь. Не смог бы рассказать, как бросил три захламленные квартиры — сбежал от своих вещей — и раскаивался, что оставил их незащитными. Эти выкидывают без сомнения, бьют спьяну посуду, дарят детям книжки и сами рвут, разозлившись. После детства и юности, где не было ничего своего, где вещи и люди легко ломались и выкидывались, Валя любил их со всей жалостью. Они были такие красивые. От них требовали помощи, но не уважали и не ценили. И вот он, инженер Юдин, рыжий, но мрачный, не достигнув сорока лет, бережется от лишних вещей и людей, чтобы потом о них не тосковать...

Весь день в душе он носил сгоревший чайник. Чайник тихо ныл. Инженер почти уже решился подарить Матвею какой-нибудь портсигар — сейчас можно взять хороший и недорогой.

А вечером за ним пришли. Открыл, так как думал, что стучит Аня: она иногда заходила просто так. Он все надеялся, что она, может, уйдет от мужа обратно к нему, но женщины никогда не возвращаются.

Так вот, вошли трое, переворошили весь скарб Юдина, усмехнулись, что его так мало, и увезли инженера. Он прикинул, за что могли арестовать. Выходило, что надо было раньше купить Матвею портсигар. Теперь пусть ходит, как дурак, с мятой пачкой.

Его посадили в одиночную камеру, но в своей одежде. Только отобрали все, на чем можно повеситься. У некоторых вообще с детства это отбирать надо. Странно, но арестанту не было плохо или страшно. Три раза в день была еда, всегда в разной посуде. Книги приносили из библиотеки и забирали, пока он не привязался к ним. Кто-то убирал камеру, пока Юдин в душе. Убирал плохо, в камере пахло грязной тряпкой, но не расстроило и это.

Только однажды он заволновался — когда поговорил со следователем в последний раз. Оказалось, что инженер Валентин Викторович Юдин — вредитель, такой скупой, что наверняка дворянских кровей, гад, который прет казенные ручки, — и за это он получает пять лет исправительно-трудовых лагерей. Зато можно было не смотреть в синие следовательские глаза — дрянной человек, его и выкинуть не грех, такой прохуdivшийся. А вообще, он прожил три замечательных месяца. Много занимался химией в голове. Если надоедало, вспоминал красивое: расплавленную платину, рассвет над ничейной полосой, цвет снега. Прикидывал, не могли ли его родители быть дворянами. Наверное, нет. Просто люди. А как жалко когда-то было понять, что потерял драгоценность, которую даже не помнил!

Когда с Юдина сняли его единственные брюки и одну из двух рубашек, а взамен дали лагерную одежду, он страшно обрадовался. Даже не понял почему. Просто увидел впереди пять лет без собственных вещей, так что Юдин не сможет больше ничем владеть и сам будет ничьим.

Елена ЖАМБАЛОВА

ЭССЕ НА ТЕМУ

Ненаписанное эссе

Написать эссе на конкурс я хотела
на тему «Телесное у Платонова».
Жизнь и погибель тела
через пищу. Голод как жизнь,
жизнь как болезнь
(от нее лечила бабка отваром,
мать заплатила за «исцеление» юбкой старой).

Я гуглила — много уже написано на эту тему.
И я не пишу ничего ни про жизнь, ни про смерть,
ни про тело.
Я легла на зеленую книгу, лицом в степь.
И жую свой колючий горький сухой хлеб.

* * *

Днем позвонила мама в расстроенных чувствах.
Зашла, говорит, в «ПолиНом», э-э, «приобщиться к искусству».
Обратилась к пареньку-продавцу, мол, я была у вас,
требуется книга стихов Александра Розенбаума.
Паренек стучал по клавишам, мотал головой.
Мама не поверила и заглянула в комп.
Розенкраун, Роземдаун, Рузенбраун плясали на мостовой,
и не вальс-бостон, а растерянное топ-топ-топ.
«Ты что, блин, пишешь-то?» — не поверила глазам мама. —
Ты что, *не знаешь Александра Розенбаума*,
<нецензурное>, да ты в какой стране вырос? Ну это ж надо!»
(Нецензурное она, разумеется, говорила взглядом.)
— Ленка, ну он вроде умный, в очках, интеллигентного вида!..

Я уж не стала спрашивать, знает ли мама Крида.
Потому что для меня это тоже за гранью разума.
Как это в России, осенью, да не знать Розенбаума?!

* * *

Осталась на второй сезон в лагере,
Хожу вдоль стен,
Ногтем вожу по панели крашеной.
Лиза, Лизун, Лизок.
Саша, Сашенька.
Все уже перезнакомились, я одна.
Зачем мне чужих лиц
Милые имена?

* * *

левая рука всегда красивая,
потому что ногти красит правая.
это не стишочек про политику,
это философия другая.
может, и совсем не философия.
и вообще-то вдруг левша вы, осподи.
и тогда у вас красивей правая...
чѐ сказать хотела, все забыла.

Написанное эссе

тошно и от русской, и от зарубежной.
снилось, что говорю Булату Лубсанычу:
как ни крути, везде у Бовари смерть,
ничего, кроме смерти, ее не ожидало.
и то ли виною французские сентиментальные романы,
то ли русское «бабыдуры».
бабы дуры, конечно,
но почему-то не все же.
от чего это зависит?
как ни крути, везде у Карениной смерть.
ничего, кроме смерти, ее не ожидало.

выйди кто-нибудь мудрый,
скажи мне, как воспитать дочь?
меня воспитывали две женщины безмужние
и книжки, которые понаписали больные люди.
(здоровые книжек не пишут,
а если пишут, то по квантовой физике.)
и вот...
один человек говорит, что не верит в депрессию,
и называет ее распушенностью.
мне кажется, в этом есть доля правды.
что есть распушенность?
это когда себя далеко отпустил однажды,
или не однажды,
не обязательно действием, а только мыслью даже,
картинкой в голове.
и как она закралась, эта картинка,
не из взрослых ли книжек с крючками соблазнов,
растления?
потому что кто же будет разбирать эти сеновалы,
если время от времени в них не прятать Анфису с Федькой?
не хуже наркоты или алкоголя —
это тоже химическая зависимость.
писатели-наркодилеры.
гореть всем вместе.
нет, я понимаю,
дуры есть и среди нечитающих.
может быть, дело в почве, а не в семени?
но читающие дуры самые дурные,
самые несчастные,
начитанные дуры самые идейные.
а в случае чего, в жизни своей
делают ссылок на русскую и зарубежную.
...друг Антон говорит:
иногда мне хочется развести большой костер
и позвать тебя.
я вспоминаю народную сказку про сожжение колдуна.
там созывали деревню,
чтобы, когда из колдуна полезут жуки, пауки и черви разные,
ни одного не упустить,
иначе колдун ускользнет
и наделает много зла.

Владимир АЛЕЙНИКОВ

«...ЭТОЙ ЖИЗНИ ЛИЦО ДОСТОВЕРНОЕ»

* * *

Молчащие, толпятся в стороне
От общего кружения и гама
Цветы, которым выпало к весне
Подняться независимо и прямо
На пустырях, на свалках, на краю
Безумия людского, наважденья
Оград и стен, воздвигнутых в раю
Без всякого внутри предубежденья,
Без мысли о раскаянии, — к ним,
К цветам, еще не скошенным распадом,
Потянемся — и веру сохраним,
Чтоб вся округа вдруг не стала адом, —
И сточенные временем черты
Холмов твоих и кряжей, Киммерия,
Просвечивают чутко сквозь цветы —
Отверженные, может, но живые.

* * *

Есть в речи беспечность и честь —
Я выразить это рискую.
Наследную, жгучую весть
Почую, когда затоскую.

Залетный сквозит холодок
По иглам нахохленных сосен —
И воздуха ломкий ледок
Для певчего горла несносен.

Мне лета ушедшего жаль —
 В нем рушились давние связи,
 И ставшая близкою даль
 Остра, точно грань на алмазе.

Мне хочется вместо «прощай»
 Сказать, замерев, «до свиданья» —
 Да плещет еще через край
 Чуть слышное чье-то рыданье.

И роща взбивает желток,
 И резче сдвигаются тени,
 Где птичий застрял коготок
 В сумятице листьев осенней.

А там уже инея жди,
 Когда разминуться несложно
 И с тем, что встает впереди,
 И с тем, что вернуть невозможно.

* * *

Смотрит месяц из темных криниц
 Или в небе рассеянно мается —
 Не убавится в книгах страниц, —
 Что-то в мире никак не ломается.

То-то горлица хрипло поет,
 Удержавшись над прорвою серною, —
 И за нею мгновенно встает
 Этой жизни лицо достоверное.

* * *

Сколько песен об этом спето!
 И теперь, уж в который раз,
 Понемногу уходит лето,
 К сентябрю приближая нас.

Погляжу на листву невольно —
 Зеленеет она — и все ж...
 Видно, прожитого довольно —
 Дольше срока не проживешь.

И соблазном вопрос повиснет:
Ну а если?.. Но прост ответ —
Что-то горло мне сразу стиснет,
По ветвям разливая свет.

Уходящее, ты — со мною,
Остающееся — во мне.
Если б память была иною!
Нет. Пойму: и она — в огне.

Желтый шов по судьбе проходит,
Ветер в стекла плеснется вдруг.
Что же в этом душа находит,
Если дальше — надрыв, недуг?

Да, опять растерять мгновенья —
И дождаться суметь, томясь,
Запоздалого просветленья,
Продлевая с ушедшим связь.

* * *

Полынный запах входит в дом,
Сквозь влажный сад спеша. Откуда?
Зачем? Оставим на потом
Вопросы. Вряд ли я забуду
И это утро, и прищур
Вьюнков, на солнышко глядящих,
И астр, усталых чересчур,
Холодный блеск в лучах горящих.

Да, это вздох о красоте,
О том, чему названий много,
Да, это шаг еще к черте,
Чуть различимой у порога.
Да, это зов сентябрьских дней,
Уже оправданных словами,
Что к сердцу рвутся все сильней,
Но почему — не знают сами.

Георгий КУНИЦЫН

МАРКСИЗМ В РОССИИ НАЧИНАЛСЯ СО ЛЖИ

Письмо третье

В России есть преимущество девственности почвы. Ее отсталость дает возможность выбора.

Н. Бердяев

Глубокоуважаемая Раиса Павловна!

Уникальная ситуация, когда Г. В. Плеханов и его группа, выступив в русском революционно-освободительном движении от имени марксизма и называя себя русскими «учениками» К. Маркса, одновременно с тем, можно сказать, среди бела дня подменили его концепцию судеб России, — эта ситуация, в сущности, еще мало изучена. Считаю необходимым вновь вернуться к ее содержательной стороне. История имеет то преимущество перед современностью, что в изучении ее возможно «остановленное мгновение». Мы можем, изучая ход событий, «остановить» любой исторический период. И — путешествуем по историческому пространству, словно в «машине времени». В противном случае историю познать было бы нельзя.

Я заметил, что Вы отвергаете сослагательное наклонение не только по отношению к свершившимся событиям (в этом-то Вы правы), но фактически отбрасываете его и в процессе самого изучения (а это вряд ли справедливо). Отрицаются в таком случае не только альтернативность самих событий, но и вариации самой познающей их мысли.

Между тем не только есть другое (весьма и весьма близкое к анализируемому) письмо Маркса в редакцию народнического журнала «Отечественные записки» от 1877 г., но и оно впервые опубликовано тоже с большой задержкой только в 1886 г. А в самой России — и вовсе в 1888 г. Но именно потому, что оно было все-таки опубликовано, письмо это произвело на тогдашних революционеров колоссальное впечатление. Несмотря на то что Маркс в нем пока еще не пришел к достигнутой им позже законченности формулировок о России, в этом письме все же очень многое содержится для тех, кто понимал Маркса и был с ним согласен. Народники, разумеется, сделали это письмо своим знаменем, а позже

эсеры тоже не могли не опираться на него, ведь содержание его совпадало с позицией их идейных отцов — Герцена и Чернышевского.

А что Плеханов? Он, конечно, «добрался» и до Чернышевского. И до Герцена. И представил их... утопистами. Это же утверждал после и Ленин... Банальный прием в прагматической полемике.

Плеханов и его группа, в сущности, попали в психологическую ловушку истории. Скрывая письмо Маркса к Засулич, они не могли знать, что это не единственный документ, характеризующий его позицию относительно России, а есть и еще. Обнаружение Энгельсом текста неотправленного письма Маркса от ноября 1877 г. (в «Отечественные записки») и передача его в 1884 г. группе «Освобождение труда» невольно и неосознанно поставили эту группу в пикантное положение: упомянутое это *другое* письмо — даже оно — многих революционеров привело в сильно возбужденное состояние относительно сугубо российских перспектив. А ведь группой Плеханова в это как раз время упорно утаивалось и письмо от 8 марта 1881 г. Именно утаивалось! В нем вообще все главное сказано четко... Но опубликовать его плехановцы так и не решились!

Много затруднений для них принесла бы эта публикация: Учитель — против его самозванных учеников...

А разве не любопытно, с психологической же точки зрения, то, что Плеханов и Засулич, постоянно переписываясь с Энгельсом по делам России, тем не менее и его не поставили в известность о письме Маркса, написанном целых четыре года спустя после письма в «Отечественные записки»... Им нужен был Энгельс тоже другой, не знающий о том, что Маркс дошел до логического конца в оценке решающей роли общины не только в прошлом, но и в перспективах России. Энгельс и без знания о том письме со всей определенностью встал на путь деформации главного («русского») смысла предисловия к «Манифесту» издания 1882 г.

Остается удивляться наивности участников похищения концепции Маркса о России: они, конечно, полагали, что их действия останутся незамеченными. И в самом деле, зачем бы они делали все это, если бы не рассчитывали схоронить, закопать компрометирующую их тайну?

Впрочем, откуда им было тогда знать, что в «Экономических рукописях» Маркса 1857—1859 гг. («первоначальный вариант» «Капитала»), а также в третьем томе «Капитала», да и в «Теориях прибавочной стоимости», тогда еще далеких от публикации, разбирается вовсе не новая для Маркса проблема общинного («азиатского») способа производства, исключенного поздними «учениками» Маркса из его наследия.

Но концепции, провидящие судьбы целых народов, как оказывается, не исчезают бесследно...

И все же процесс заметания следов шел долго и неотступно. Письмо Маркса тихо лежало там, куда его засунули. Плеханов же в это время просто-таки талантливо дезавуировал его содержание. Бил он почем зря и по идеям, возникшим много ранее у Чернышевского, Герцена, Лаврова, Ткачева, Михайловского, Даниельсона, — идеям, аналогичным, а то и идентичным Марксовым.

Вас лично, Раиса Павловна, это, видимо, никогда не занимало. И все же давайте теперь вместе полюбуемся, как конкретно Плеханов вел борьбу против «русских» идей Маркса о России.

Нельзя тут не обратиться вновь к судьбе письма Маркса в «Отечественные записки» (написано оно около ноября 1877 г.). Мы, в сущности, можно сказать, с Вами теперь невидимки для тогдашних участников сокрытия концепции Маркса о России. Попробуем проникнуть прямо в их *целесолагание*. Но необходимо сначала обратиться все-таки к некоторой предыстории.

Придется уподобиться гносеологическому рентгену. Как только умер Маркс (март 1883 г.), Плеханов тут же прерывает свое затянувшееся молчание... Тут же! Его стремление обнаруживается совершенно отчетливо — увести читателя в сторону от содержащейся в спрятанном письме Маркса (от 8 марта 1881 г.) концепции. Согласно этой утаенной концепции, Россия, напомню, все еще может пойти *альтернативным* Западу путем. Пойти через общину. Все еще может! При условии, что в России произойдет общедемократическая (крестьянская) революция. Значит, действительно есть вероятность избежания Россией капиталистической стадии. О том и пишет в 1881 г. Маркс... И думает.

Но вот Маркс в 1883 г. умер, а Плеханов в это время еще не знает, что в архиве почившего Учителя лежит другое его письмо — не отправленное в «Отечественные записки». Молчавший перед этим почти три года, но зато переведший на русский язык сугубо «западнический» (потому ему и импонирующий) «Манифест», Плеханов за несколько месяцев после смерти Маркса, можно сказать, залпом выдал одну за одной сразу две крупные свои работы: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»... Они являются выражением символа его веры. Это глубоко рассчитанные удары по «русской» концепции Маркса.

Учитель спит вечным сном и не спросит, куда дели его концепцию «русской альтернативы». Вместе с тем о его письме в «Отечественные записки» ничего не знает пока и Плеханов... Ему кажется, что перед ним только одно видимое затруднение — предисловие Маркса к русскому изданию «Манифеста». В нем, вопреки надеждам Плеханова, изложена идея поочередного, но почти одновременного революционного взрыва сначала в России и лишь потом — в Западной Европе. При первенстве все-таки *российской* революции, которая, как считал Маркс, послужит сигналом для революций в странах Запада. Не наоборот! Хотя это «наоборот» утверждали, вопреки Марксу, Энгельс и Плеханов.

Но главное все же то, что уже не стало Маркса. А между тем еще и не обнаружено почти дублирующее его другое письмо. Там-то опять — Россия...

И вот что в этой панихидной для «русской» концепции Маркса ситуации предпринимает Плеханов, думая, что ему никто уже не прогремит: «Нет! Нет!» Ведь мертвый пророк не опасен.

Вскоре после смерти Маркса, летом 1883 г., Плеханов садится за свою первую крупную «марксистскую» работу — «Социализм и политическая борьба». В самом начале ее, заявив, что теоретические положения народничества (поддержанные Марксом. — Г. К.) кажутся ему «во многих отношениях ошибочными», он развивает свою позицию так: «Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд

современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения, и что они не могут “развиться в высшую коммунистическую форму” без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я и думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им по необходимости придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы “Земли и воли” не соответствуют положению промышленных рабочих. И это будет очень кстати теперь, когда теория русской самобытности становится синонимом застоя и реакции, а прогрессивные элементы русского общества группируются под знаменем осмысленного “западничества”» (Избранные философские произведения, М., 1956, т. 1, с. 51—52; курсив Плеханова. — Г. К.).

Публикатор наследия Маркса, неужели Вы не заметили, что здесь все — против «русской идеи» Маркса? Общинный социализм, вопреки Марксу, Плеханов выводит за пределы подлинной социальной справедливости, а «теория русской самобытности», в изложении в том числе и Маркса, названа «синонимом застоя и реакции». «Западничество» же по отношению к России, о котором Маркс писал как о *противоположной* ему, Марксу, позиции, только оно отнесено Плехановым с «русской» перспективой... Сделана, между прочим, на этот раз открытая попытка дезавуировать предисловие Маркса к переведенному на русский язык Плехановым «Манифесту»... Отнеситесь, пожалуйста, внимательно. У Маркса на вопрос: «Может ли русская община... непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения?» — дан ответ: «Современная русская общинная собственность на землю *может* явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Соч., т. 19, с. 305; курсив мой. — Г. К.). И Маркс связывает это именно с тем, что общинное крестьянство России составляло тогда свыше 80 % ее населения. Значит, он связывал это вовсе не с российским пролетариатом, составлявшим в то время единицы процентов в составе народа.

Мы должны вспомнить и тут об *историческом времени*: оно для Маркса было главным фактором в оценке перспектив России. Для возникновения *действительно многочисленного рабочего класса* Россия такого времени (до 1917 г.) уже не имела. Никакие насильственные меры не могли предполагаться. Не имела она, согласно Марксу, такого времени потому, что главные судьбы России не решались и уже не могли решаться в прямой зависимости от Западной Европы. Главные судьбы России были предрешены другим — тем, что община коллективистская, социалистическая (Маркс называл ее коммунистической) дожила у нас до конца XIX века. От первобытности! И выстояла! Это и есть — ее главная самобытность. Россию на этом пути никто уже, размышлял Маркс, не сломит. Прежде всего из-за того, что сама продолжительность жизни капитализма, полагал он, несравненно меньшая, чем у русской общины. Если же ее попытаются сокрушить силой иностранного вторжения, она и тут, считал он, выстоит. Таковы были мысли Маркса о России.

Какова же, в отличие от этого, логика Плеханова? Он, правда, не все знал из концепции Маркса. Знал, однако, главное: Маркс считал русскую общину — при условии, что произойдет революция в России, — фактором, который

(будучи специфической формой социальной справедливости) способен и далее выражать собой именно альтернативный русский путь, а не движение вслед за Западом. Плеханов знал об этом к тому времени из двух работ Маркса: во-первых, из им же утаенного письма Маркса к Засулич от 8 марта 1881 г. и, во-вторых, из предисловия Маркса к «Манифесту», который он и перевел на русский. И, зная все это и даже приводя слова Маркса из предисловия к «Манифесту» (они взяты им в кавычки), на вопрос, поставленный тоже Марксом в этом предисловии, Плеханов отвечал так: общинные «формы нашей народной жизни... не могут развиваться в высшую коммунистическую форму без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии». Слова, взятые Плехановым из предисловия Маркса к русскому изданию «Манифеста» 1882 г., поставлены тут в контекст, выражающий мысль, *противоположную* высказанной Марксом в этом предисловии и в его концепции «русской альтернативы» в целом...

Так-то: уже не общинное, не коллективистское крестьянство, вынесшее на себе всю историю Руси и России и продолжавшее составлять свыше 4/5 всей русской нации, предлагается Плехановым в качестве «точки опоры социального возрождения России», а промышленные пролетарии (тогда только появлявшиеся) «под знаменем осмысленного западничества» (т. е. «современного социализма», вырастающего из капитализма). Долой российские истоки!

Для борьбы против всех форм народничества, пишет Плеханов, должна быть создана «хорошо организованная рабочая социалистическая партия». А фактически — *для борьбы против интересов именно крестьянства России.*

Вот где — не будем забывать — впервые в русской политической литературе встречаемся мы с совершенно определенным взглядом, согласно которому судьба России обретает решающую социальную опору уже не в крестьянстве, как ранее, а в рабочем классе — предполагалось, что преимущественно в отечественном, российском, только нарождавшемся пролетариате.

Маркс же исходил из того, что Россия не успеет его создать. Да она и не успела к 1917 году...

Это было усугубляющим шагом даже по сравнению с ошибочными идеями Энгельса, высказанными в 1875 г. в серии статей «Эмигрантская литература» и потом в отдельной его брошюре «О социальном вопросе в России». Если Энгельс, полемизируя с П. Ткачевым (и тогда уже отвергнув саму возможность прихода России к будущему бесклассовому обществу через сельскую коллективистскую общину), утверждал в то же время, что России поможет совершить такой переход только и только пролетарская революция в Западной Европе, то Плеханов, опираясь на положения Энгельса, дополнил их действительно для тогдашней России важными, но, как видим, не оправдавшимися положениями, согласно которым дело не только в том, что революция пролетариата произойдет сначала на Западе (это казалось Плеханову очевидным), сколько в том, что Россия и сама непременно придет (уже не важно когда — до или после победы пролетарской революции в западноевропейских странах) к капитализму, а на этой основе — и к будущему, обязательно послекапиталистическому социализму. Поскольку Россия после реформы 1861 г. неотвратимо вступила на тот путь, по которому давно уже следует «старуха Европа», стало быть, полагал Плеханов, она вступила и в сферу действия «общей исторических» законов.

Приводя в умело сконструированном им контексте и те положения Маркса, которые никто другой в такой контекст и вставлять бы не пытался, Плеханов ни на секунду не забывает о том, что главное для него — заставить читателя забыть о самобытности России. Словно бы она — нечто предосудительное... Он пишет: «Едва ли хоть один человек, понимающий значение международных отношений в экономической жизни современных цивилизованных обществ, может отрицать, что развитие русской общины “в высшую, коммунистическую форму” (Маркс) тесно связано с судьбою рабочего движения на Западе» (там же, с. 72).

Насчет «тесно» я уже говорил: у Маркса и в малой мере нет аспекта, будто судьбы России решаются на Западе... Мы теперь и видим, что во все свои судьбы втянулись мы сами... И все равно оставим пока бескавычные плехановские подтексты. Важно, куда направлены его устремления реально. Случайно ли, что и до сих пор их истинный смысл покрыт вовсе не только музейной пылью, но что охраняет их обусловленное всенародными бедами *равнодушие общества* к познанию действительных тайн истории?

Важно разобраться в том, а что же такое — русская социал-«демократия» в ее плехановском (потом и ленинском) варианте? Какое имеет она отношение к подлинному марксизму? Имеет ли? Не пора ли проснуться?

«Мы и сами не заметили, что наши теории завели нас в заколдованный круг неразрешимых противоречий», — попадает Плеханов в точку. «Свойственный русской общественной жизни ход вещей пришел в столкновение с ходом господствовавших в нашей революционной среде идей и тем вызвал новое умственное течение» (там же, с. 93).

В этом дело! «Новое умственное течение...» В каком, однако, *направлении* оно в России стало развиваться? Утверждается: в марксистском. Да нет! «Это новое умственное течение... — писал Плеханов, — до тех пор не отделается от свойственных ему теперь противоречий, пока не сольется с несравненно более глубоким и широким течением современного социализма». И далее: «Русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с “бунтарскими” теориями (курсив Плеханова. — Г. К.) так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от “бунтарской” практики (курсив Плеханова. — Г. К.), вводя новый, политический (курсив Плеханова. — Г. К.) элемент в свою программу. Сделать это им будет нетрудно, если они постараются усвоить себе правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий» (там же, с. 94; курсив мой. — Г. К.).

Итак, в направлении «современного социализма», по Плеханову, должна была пойти Россия. Он стал открыто утверждать именно эту идею в 1883 г. А то, что письмо Маркса с *противоположным* Плеханову содержанием, предназначенное и для него, Плеханова, в 1881 г., старательно в этот как раз момент скрывалось, — это говорит об отказе Плеханова от его народнической (мол, «несовременный» социализм) позиции в несколько более раннее время, чем обычно думают. Чтобы образовать группу «Освобождение труда» (1883 г.), надо было перед этим уже иметь новые убеждения. И Плеханов пришел на эти новые позиции в конце 1880 — начале 1881 г. Не позже.

Вслушаемся: «Русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада...» В сущности, ведь это вызов тогда уже покойному Марксу, который для того и писал свое письмо В. Засулич, отправленное им 8 марта 1881 г. (и рассчитанное на ознакомление с ним хотя бы «группы товарищей», от имени которых она к нему обратилась), чтобы их спасти от ошибочной ориентировки на западноевропейский капитализм. Предостереечь от рокового заблуждения.

Вот же где самый насыщенный историческим электричеством пункт, в котором разошлись в трагически противоположных направлениях линии развития не только возникавшей тогда российской социал-демократии, но и всего общественного сознания одной из величайших стран, призванной играть, несомненно, самостоятельную роль в мировой истории!

Что же в действительности высказал Плеханов? Во-первых, он именно противопоставил (это я уже отмечал) крестьянство и пролетариат России — по их отношению к будущему страны (и будущему их самих). От имени Маркса, который (в отличие от Энгельса) никогда ничего подобного не утверждал, а, наоборот, считал «архаический» крестьянский социализм уцелевшей разновидностью социальной справедливости, Плеханов провозгласил единственно возможной формой научно обоснованного социализма всецело то безэксплуататорское общество, которое будет установлено, когда капитализм и в России уже исчерпает себя (а не просто лишь начнет в ней развиваться — наряду с общинным строем и в его недрах, как это уже тогда наблюдалось).

Мы сейчас видим, насколько это оказалось далеким от реальности. Идеи Маркса, содержащиеся в его письме от 8 марта 1881 г., были в данном случае объектом отрицания... Попробуйте же опровергнуть это!

Во-вторых, Плеханов, в сущности, перевернул с ног на голову трактовку самого отношения различных направлений тогдашней русской революционной мысли к марксизму. Он перенес на русскую почву — в самом прямом смысле — именно «западный» аспект марксизма. Поскольку выдвинул на передний план рабочий «социализм» в России, где до такового нам и нынче-то дорога прояснилась не больше, чем во времена Плеханова. Несгибаемый это доктринер, умевший, однако, по-сократовски пользоваться противоречиями во взглядах своих противников. Ироничный, как Сократ...

Полюбуйтесь, как его диалектика переходит в софистику, убийственную не только для его оппонентов, но со временем и для него самого. Последнее стало очевидным со слишком большим опозданием. Вот одно из этих мест. «Неверное понимание тех или других положений современного социализма, — читаем в первой большой работе его, — не составляет еще главного препятствия для окончательного выхода нашего революционного движения на путь, проложенный рабочим классом Запада. Ближайшее знакомство с литературой “марксизма” покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя “пролетариев всех стран”. Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими *марксистами*, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции...» (там же, с. 95—96; курсив мой. — Г. К.).

Изоощреннейшая демагогия, ибо Маркс-то был убежден как раз в обратном: если и действительно что-либо играет роль научной теории исторических судеб России (а тем самым является пусть не полным вариантом марксизма для этой страны, но все же определенным эквивалентом его), то это пророческое учение Н. Г. Чернышевского, а также учение о «русской альтернативе» самого Маркса. При чем же тут «западный» вариант марксизма, который с невиданным напором предлагал тогда Плеханов? Вслед, правда, за Энгельсом. Плеханов превратил этот свой «марксизм» во всеобщую доктрину для стран (прежде всего — России), которым он, по логике Маркса, в действительности был противопоказан... Теперь все это видят.

Хотя я и намерен в дальнейшем отдельно рассмотреть тексты Маркса, чаще несовместимые с приписываемыми ему Плехановым идеями, все-таки и сейчас считаю необходимым указать, пусть и кратко, на совсем и совсем иной ход мысли в работах Маркса.

В ответ на плехановскую позицию (а она от имени группы ясно выражена В. Засулич в письме ее к Марксу от 16 февраля 1881 г.) создатель «Капитала» искал адекватных выводов о России в направлении принципиально не том, в каком ищите Вы и Ваши близкие по взглядам на эту проблему. Вряд ли Вам помогут в обретении доказательности голословные утверждения Ваших единомышленников, подобные хотя бы следующему: «По Марксу (?! — Г. К.), миновать капитализм Россия могла лишь при помощи европейских стран, переживших свои социальные преобразования в ходе пролетарских революций, никак не сама по себе — какого бы характера революция в ней ни произошла, как бы ни способствовала она возрождению общины. “Русский путь” в представлении классиков марксизма был неотрывен от общего пути европейской цивилизации...» (Б. Интерберг, В. Твардовская, «Завершился ли диалог в “Диалоге”?», ж. «Коммунист», 1990, № 18, с. 92).

Получается, «русского пути», собственно, и не было...

И это говорится от имени Маркса... Действительно, креста на таких исследователях нет...

Посмотрите же, однако, на действительные факты! В поисках наиболее верных и ясных формулировок, в ходе работы над письмом к В. Засулич от 8 марта 1881 г. Маркс в первом же наброске этого письма (и в самом его начале) пишет о том, что в «Капитале» (на который плехановцы и их поздние единомышленники, Вы в их числе, ссылались как на якобы неизбежную картину будущего России) он, Маркс, «точно ограничил» «историческую неизбежность» развития капитализма «странами Западной Европы» (курсив Маркса. — Г. К.). «Превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, эта мучительная, ужасная экспроприация трудящегося народа — вот источник, вот происхождение капитала... Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном», — Маркс тут цитирует свой «Капитал». Он выделяет и для нас с Вами курсивом то, что не было характерно для тогдашней России.

И как же завершает Маркс свое рассуждение? «Таким образом, в конечном счете, — пишет он, — мы имеем здесь превращение одной формы частной собственности в другую форму частной собственности». И, будто предвидя

то, что Вы и Ваши сторонники будете упорно и до конца стоять на позициях Плеханова, бьет, как говорится, не в бровь, а в глаз: «Но так как земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян, то каким образом может быть к ним применено это (подобное плехановскому. — Г. К.) теоретическое обобщение?» (Соч., т. 19, с. 400; курсив Маркса. — Г. К.).

Разве остались Вам и в самом деле неизвестными эти положения? Это невероятно! Понимаю, если Ваши последователи Б. Интерберг и В. Твардовская по молодости могли просто еще не успеть познакомиться с рукописным наследием Маркса (или по той же причине — самоуверенно пренебречь им). Но охватывает уныние, когда так поступаете Вы, Раиса Павловна. Незнание, конечно, не аргумент. Но ведь и пренебрежение фактами — не ахти какой аргумент.

А Маркс-то между тем ведь только еще начинает (приведенными мною его суждениями) доказывать, что у России все-таки *был и будет свой особый «русский путь»*. То ли еще будет...

Сравните, впрочем, сами. Б. Интерберг и В. Твардовская, ничтоже сумняшеся, утверждают: «Путь России в начале 1880-х годов в общественном сознании еще не был определен. Маркс, как мы видели, прямого ответа не дал» (ж. «Коммунист», 1990, № 18, с. 92).

Плохо, однако, смотрят эти Ваши шустрые последователи! Давайте же глянем вместе. Увидим вот что. «С точки зрения исторической, — пишет Маркс, — единственный серьезный аргумент, который приводится в доказательство неизбежного разложения общины русских крестьян, состоит в следующем.

Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа (т. е. подобную русской общинной собственности. — Г. К.); вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому, что в России благодаря исключительному (! — Г. К.) стечению обстоятельств сельская община, еще существующая в национальном масштабе, *может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии*» (Соч., т. 19, с. 401; курсив мой. — Г. К.).

Это ли не ответ Вам? И вообще всем «западникам».

Любопытная деталь: отработывая свой текст, Маркс перебирает поистине множество вариантов словесного выражения своей мысли, но нигде не меняет самой концепции. Ваши же сторонники пишут: Маркс «прямого ответа не дал». Неужели? Ну а как Вы вместе с ними оцените вот это: «Сохранение “сельской общины” путем ее дальнейшей эволюции совпадет с общим (! — Г. К.) движением русского общества, *возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие, только путем развития своей сельской общины*» (там же, с. 406—407; курсив мой. — Г. К.).

И что же, нынешние «западники», скажете вы на это? «Черновой» текст? Но разве в чем-нибудь противоречит он «чистовому» тексту письма Маркса

к Засулич? И вообще — всей позиции Маркса о России?! Ведь это же, так сказать, подводная часть одного и того же айсберга.

Далее. Разве не доказывает и сам факт существования подготовительных текстов Маркса, а особенно их содержание, что именно Маркс утверждает в заключительных выводах письма к В. Засулич? Вы, публикатор рукописей Маркса, разве не имели возможность заметить: подготовительные тексты — обычное для Маркса дело. К примеру, существует «первоначальный вариант» «Капитала», составляющий две книги 46 тома «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса. В нем — море самостоятельных идей, но это и необходимый этап в создании до конца отточенных построений «чистового» варианта «Капитала». Почему же никому и в голову не приходит относить «черновой вариант» «Капитала» к сфере небытия учения Маркса? Да Вы лучше всякого знаете, сколько еще много имеется подготовительных рукописных материалов Маркса, в которых проглядывается сам процесс движения его мысли к ее ускользающей завершенности. Так что Ваши и чьи-либо еще попытки исключить подготовительные тексты Маркса из рассмотрения их в качестве материала для размышления и объяснения с их помощью сути идей Маркса — несостоятельны.

Наконец, Маркс ведь специально отметил, что иностранные обстоятельства для России не имеют сколько-нибудь решающего значения. Он прямо написал: *«Во всяком случае, западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает»* (Соч., т. 19, с. 412; курсив мой. — Г. К.). Ровно ничего...

Вы же, Раиса Павловна, постоянно то и делаете, что потрясаете внимание Ваших оппонентов «западным вариантом»... Вот, к примеру, цитируя взаимноисключающие положения Маркса и Энгельса, тут же делаете заключение: «Таким образом, и Маркс и Энгельс (оба? Какая прелесть! — Г. К.) вопрос о русской сельской общине как возможном исходном средстве для развития коллективного производства рассматривали, во-первых, с чисто (?! — Г. К.) теоретической точки зрения (а с какой же еще, ведь не они стояли во главе Российского государства. — Г. К.), во-вторых, они (оба же?! — Г. К.) постоянно подчеркивали, что *предварительным* условием для реализации возможностей общины должно быть свержение самодержавия, поддерживающих его классовых сил и *пролетарская революция в странах развитого капитализма»* (ж. «Новая и новейшая история», 1973, № 3, с. 15; курсив мой. — Г. К.). Так и хочется крикнуть Вам: «Мадам! Что Вы делаете?»

Я, наконец, не могу вновь не обратить Вашего внимания все-таки на нравственный аспект: ну какие у Вас имеются основания приписывать Марксу то, чего он вообще никогда не утверждал? Вы и в недавней своей статье «Утаил ли Плеханов письмо Маркса?» стремитесь придать идеям Маркса об исторических судьбах России не иначе как диаметрально противоположный им самим характер. Но так и не привели ни одной подкрепляющей Вас цитаты. Откуда же их и взять Вам? Ведь Маркс определенно обосновывал — как наиболее вероятный — действительно общинный путь развития России... Причем Маркс особо подчеркивал: общинный путь России наиболее вероятен также и в условиях существования на Западе высокоиндустриального капитализма. Россия, согласно Марксу, не станет «добычей чужеземного завоевания». Она *«может усвоить... положительные достижения» западного капитализма, если в ней победит демократия.*

Не очень Россия усвоила чужие достижения, но выстояла! Трудно понять, как можно ныне, когда и это событие уже отошло в историю, рассуждать все-таки по-прежнему, так, будто не было разгрома не только внутренней контрреволюции, но и нашествия войск четырнадцати государств из разных концов мира. И ведь всех их победившая Красная Армия состояла не менее как на девяносто процентов из *крестьян-общинников и вчерашних общинников*, отчаянно борющихся именно за *первобытный уравнилельный социализм*. За общинность — без эксплуатации. О нынешних поворотах — особый разговор. Он состоится позже.

Можно подумать, Вы просто не желаете видеть тот факт, что эти и другие действительно судьбоносные для нашей страны события буквально опровергли всю догматическую конструкцию и Энгельса, и Плеханова, заключающуюся в том, будто революция должна была произойти почему-то непременно ранее на Западе. Ну не случилось же так, Раиса Павловна! А Вы все равно пишете одно и то же. Как то: «В своем письме в редакцию “Отечественных записок” Маркс... предлагает учитывать вполне выявившуюся тенденцию России стать капиталистической нацией, утверждая, что она уже много “потрудилась” в этом направлении» (ж. «Диалог», 1990, № 11, с. 66).

Где это он предлагает?! И для чего? Укажите же! Нет, не укажете... Вы и впрямь уверены в своей безнаказанности?

Но Вы и вот еще что заявляете (в 1990 году!): «Содержание письма в “Отечественные записки” явным образом дополняет (? — Г. К.) письмо Маркса Засулич, вносит больше определенности. Это нужно обязательно учитывать, чтобы не поддаваться соблазну поверить (?! — Г. К.), будто Маркс рисовал для России некапиталистический путь развития» (там же).

Глазам своим не верю... Что же это делается? Которое же письмо дополняется, а какое дополняет? Вы для чего-то «забыли» о том, что письмо в «Отечественные записки» написано Марксом осенью 1877 г., а письмо его к В. Засулич — в марте 1881 г. Такое смещение в своей памяти Вы получили, войдя полностью в роль не рассуждающей защитницы хода мысли Плеханова... Ведь это для него сначала было письмо Маркса к В. Засулич от 1881 г., а лишь тремя годами позже — письмо в «Отечественные записки» от 1877 г. А зачем Вам такие смещения? В наши с Вами годы надо быть со своей памятью поосторожнее! Не забывайте принимать ноотропил...

Попав столь сильно впросак, Вы, однако, даете мне любопытный совет: на основе упомянутого письма Маркса в «Отечественные записки», мол, более уже не надо верить, «будто Маркс рисовал для России некапиталистический путь развития»! Исходите из того, что якобы это письмо и действительно развертывало перед Россией не общинную, а капиталистическую перспективу...

Как ни печально, но Вы в самом деле (в лучшем случае!) запамятовали, и не только то, в какой последовательности появились на свет столь важные письма Маркса, но, оказывается, забыли и то, что в них написано... Пишете: «Маркс в письме в “Отечественные записки” предлагает учитывать вполне выявившуюся тенденцию России стать капиталистической страной», — а стало быть, ориентирует на эту тенденцию. Но это же не так! К. Маркс и в этом ведь письме (и в другом тоже) заботится только об одном: пытается вразумить россиян относительно того, что их перспектива *самобытного* пути все еще — *и в конце*

XIX века — не упущена! В дальнейшем я постараюсь доказать, что эта перспектива могла быть только ухудшена, но все же не упущена...

Сейчас нам с Вами придется все-таки напрячь память вот в каких аспектах. Во-первых, Маркс прямо заявляет, что в ответе на вопрос, «должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, *развивая свои собственные исторические данные*», — он, как видим, согласен с Н. Чернышевским (Соч., т. 19, с. 119; курсив мой. — Г. К.). Надеюсь, Вы все-таки вспомнили, что Чернышевский был именно за *сохранение сельской общины*? Плеханов — был против. Это — во-первых. Ну что же тут непонятного?

Во-вторых, Маркс с основанием не уверен в том, что люди, подобные Вам и Вашим единомышленникам, истолкуют эти его признания так, как надо. Не уверен. Поэтому он продолжает: «Так как я не люблю оставлять “места для догадок”, я *выскажусь без обиняков*. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем *в течение долгих лет изучал официальные и другие издания*, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит *наилучший* случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» (там же; курсив мой. — Г. К.).

Маркс с искренней тревогой пишет, что Россия в самом деле может упустить «наилучший случай» избежания «роковых злоключений». Теперь уже известно, что, не пройдя через буржуазный строй сколько-нибудь полно, мы все равно не избежали бесчисленных «роковых злоключений»...

Но зачем и сегодня-то все еще мутить водичку вокруг совершенно ясных положений Маркса? Не пора ли подумать о душе? Можно ведь и опоздать, Раиса Павловна!

Разве Маркс прямо не заявил, что согласен с Чернышевским? А Вы именно этому его письму (от 1877 г.) приписываете, будто в нем и Маркс встал на «западнические» позиции по отношению к России...

Если тут вовсе и не память Ваша подвела Вас, то тогда волей-неволей придется обратиться к моральной стороне таких суждений. Не уйти и от этого. Все-таки суд совести — высший суд.

Вам, конечно, не откажешь в последовательности. В 1973 г. я выписал вот какие Ваши утверждения: «Глубочайшим образом изучив социально-экономическое развитие России после 1861 г., К. Маркс и разделявший (?! — Г. К.) его заключения Ф. Энгельс пришли (оба?! — Г. К.) к выводу, что Россия не сможет (?! — Г. К.) миновать капиталистическую стадию, и что капитализм, интенсивно формировавшийся пролетариат откроют для нас “новые перспективы и новые надежды” на завоевание социализма» (ж. «Новая и новейшая история», 1973, № 3, с. 17). Тут каждое слово — неправда: а) К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к разным, а вовсе не одинаковым выводам, это ранее мною доказано; б) Маркс связывал свои надежды на Россию не с капитализмом и тем более не с пролетариатом. Последний, полагал Маркс, мог сложиться в России только на основе разрушения общины. Потом и — пролетаризации крестьян-

ства. Это могло произойти лишь очень нескоро. Поэтому Маркс и видел для России *альтернативу*: путь без пролетаризации крестьянства. Без «язвы пролетариата».

Если ограничиться периодом, который называем ленинским, то так ведь это и произошло: по инерции, даже и до 1929 г., «пунктом социального возрождения» России действительно стала община, восстановленная действием «Декрета о земле». Пролетаризация крестьян, впрочем, тоже позже произошла — но в бесконечно более жутких обстоятельствах, чем это мог предположить Маркс: *удар, почти смертельный, по всем слоям крестьянства нанесла сталинская сплошная и насильственная коллективизация*. Одних крестьян (самых зажиточных) она пролетаризировала, других (средняков и бедноту) закрепостила в казарме — колхозе. Это был уже особого рода — феодальный — способ подготовки страны к капитализации. В принципе Сталин — тоже по-своему самобытно! — действительно подготовил СССР к западноевропейским стандартам развития. Это, впрочем, особый разговор. Надеюсь, состоится и он. Каждый день нашей нынешней жизни приближает нас к этому.

Я понимаю, Раиса Павловна, — Вы ведь тоже оказались в казарменных для духа условиях. Могли ли Вы противиться «Краткому курсу»? В нем заявлено: «Плеханов развил и обосновал точку зрения марксистского материализма» (1951, с. 15).

Думаю, в нашем споре — не до личных обид.

Искренне желаю Вам всего самого доброго в Новом 1991 году.

Г. Кунцын,
30. XII. 1990 г.

Письмо четвертое

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты облачишься навсегда?*

Ф. Тютчев

Глубокоуважаемая Раиса Павловна!

В предыдущих письмах я все еще не касался того, как, собственно, оказалось изъятым из сферы взаимодействия умов письмо К. Маркса к В. Засулич от 8 марта 1881 г. Что оно, несомненно, было утаено (и надолго!) — это я постараюсь показать в дальнейшем. Пока же моя задача — раскрыть обстоятельства, в которых письмо (да и вся концепция) Маркса о России *не могло не исчезнуть*.

В этом — свой трагизм... Если бы В. Засулич (при неясных поводах) не оставила его — незаметно — на квартире П. Аксельрода, оно, полагаю, все равно не фигурировало бы в работах Плеханова (по крайней мере, с тем его смыслом, какой в него был вложен Марксом). Тут властвовали роковые страсти. Я уже обращал внимание Ваше на то, как Плеханов именно подменял исподволь истинный смысл другого (аналогичного!) письма Маркса — в редакцию «Отечественных записок» от 1877 г. (Для читателя напомним: будучи не отправленным, это другое письмо было тоже передано группе «Освобождение труда» в 1884 г. Энгельсом.)

В политической борьбе, как известно, главенствует логика тех или иных политических интересов, а не мораль. Действия Плеханова и его группы, к сожалению, — не исключение из этого правила. В стремлении непременно победить Плеханов был непреклонен. Беспощаден. Бескомпромиссен.

Обратимся, впрочем, и сейчас к самому важному пункту — к тому, в чем, собственно, заключена суть взглядов Маркса на судьбы России. Как соотносится эта суть с движением истории нашего Отечества? Ведь появилось немало неопитов, и некоторые из них полагают, будто за исчезнувшим письмом Маркса о России вообще ничего серьезного не стоит — бумажка и не более! И тогда, мол, ничего не стояло (будто бы Ваш покорный слуга сегодня доказывает лишь роль бумажки, пусть она и принадлежит Марксу). Другие же, имея, может, и еще более облегченное представление об отечественной истории, высказываются в том духе, что и сама-то «русская» позиция Маркса заслуживает якобы опять-таки только того, чтобы не видеть в ней особой концепции. «Смелее (чем Маркс! — Г. К.) оказался Плеханов: с привлечением минимальных статистических данных он заявил о победе (? — Г. К.) в России капиталистического пути развития...» — так пишут Б. Интерберг и В. Твардовская (ж. «Коммунист», 1990, № 18, с. 92—93). А вот «Маркс прямого ответа не дал» (там же), — они заявляют это очень уверенно... Не видят, знать, греха... Не дал? Это-то и проверим!

Авторы, только что названные, идут далее Вас, Раиса Павловна... Вы все-таки сознательно не принижали Маркса — да еще с такой обезоруживающей непосредственностью.

А посмотрите, с какой поистине внутренней свободой от истины Б. Интерберг и В. Твардовская прогнозируют то, как бы и Ленин (согласно их понятиям) отнесся к письму Маркса к В. Засулич. «Да, В. И. Ленин мог и не знать о переписке», — пишут они. Кому, однако, неизвестно, что Ленин не только читал письмо Маркса в «Отечественные записки», но и писал о нем (конечно, и тут есть свои нюансы, о них потом)? Близкое же по смыслу письмо Маркса к В. Засулич, напротив, никак не могло быть ему известно (при чем же тут — «мог и не знать»?). Оно обнаружилось после того, как Ленин вообще утратил возможность читать, а опубликовано это письмо в СССР вообще после смерти Ленина. Зачем важничать подобной «осведомленностью»?

Б. Интерберг и В. Твардовская, меж тем, продолжают: «Допустим даже, что и предисловие ко второму русскому изданию “Манифеста Коммунистической партии” тоже осталось ему (Ленину) неизвестным. Ну и что? Сама-то идея возможности избежать капитализма, опираясь на общинный уклад, идея... которую разделял, между прочим, его любимый брат Александр, не могла быть для него тайной. Относился он к ней, как к чистой утопии».

Эти авторы слышат только себя: «И даже будучи освященной авторитетом К. Маркса, она (“утопия”. — Г. К.) не могла бы стать для Ленина, сделавшего ставку на пролетарскую революцию, близкой, своей... И напрасно Г. Куницын противопоставляет В. И. Ленина и Г. В. Плеханова как неких антиподов в отношении к общине» (там же, с. 93).

Все-то знают Б. Интерберг и В. Твардовская! Когда успели? Ленин и в самом деле долго относился к идеям Герцена, Чернышевского, Лаврова, Михайловского о России как к утопии. Но именно Плеханов научил его этому.

Плеханов — переводчик второго русского издания «Манифеста» (1882 г.) — *трансформировал* основной смысл предисловия Маркса, передал его на русском языке искаженно. В сущности, он его *подменил*... Виртуозно.

В тексте плехановского перевода предисловия Маркса (подписанного и Энгельсом) есть именно *принципиальные* неточности... Взгляните, пожалуйста, на такое место: «Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного (пропуск! — Г. К.) владения землею непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определило собою историческое развитие Запада?» А вот окончание: «Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей (? — Г. К.) революции на Западе, так что обе они пополнят (в более точном переводе: “дополнят”; см. “Сочинения” К. Маркса и Ф. Энгельса, 2-е изд., т. 19, с. 305. — Г. К.) друг друга, то современное русское землевладение (в “Сочинениях”, т. 19, с. 305, переведено: “современная русская общинная собственность”. — Г. К.) может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Женева, Вольная Русская типография, 1882, с. VIII).

Догадываюсь: ни Вы, ни Ваши единомышленники ничего предосудительного в этих «неточностях» не увидели? На самом же деле здесь-то и началась поистине виртуозная подмена самой направленности первоначального текста предисловия Маркса к русскому переводу «Манифеста»! Казалось бы, что страшного — в ряду слов «первобытного общего владения землей» пропущено слово «общего»? Но вместе с другими неточностями выходит ведь вот что: в конце предисловия Маркса слова «современная русская община» заменены другими словами — «современное русское землевладение», а это звучит уже как обозначение совсем другой реальности! Ведь «современным землевладением» в 1882 г. называлось — самим же Плехановым! — уже то землевладение, которое и разрушало общину... «Современным» землевладением в России тогда становилась не общая, а частная собственность российских крестьян на землю. Чуете, куда клонится дело? Или в самом деле не чуете?

Становится (на фоне этой подмены) ясным и то, почему вместо слова «дополняют друг друга» появилось слово «пополняют». Ведь Россия везде и всюду — в перспективе — видится Плеханову именно в фарватере Западной Европы. Он решительно не мог себе представить, что все-таки прав Маркс, который видел более вероятной именно *общину* в качестве основы «социального возрождения» России. А не *частнособственническое* крестьянство, приговоренное историей к пролетаризации.

Мы, впрочем, еще увидим подобные утонченные действия Плеханова. Но у него с самого начала дело не обошлось только лишь мастерством подмены идей в ходе самого процесса перевода с немецкого на русский. Вам же не может не быть известно предисловие к «Манифесту» от 1882 г., написанное Плехановым! Их даже и два, этих его предисловий. Касаюсь тут только первого из них, от 1882 г., которое не оставляет никаких сомнений насчет того, что Плеханов уже тогда, в 1882 г., во время работы над переводом «Манифеста», фактически отбрасывал позицию Маркса относительно России...

Плеханов писал в предисловии к «Манифесту»: «У нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов

существенно отличаются от задач их западноевропейских товарищей (скажете: ну разве не это было убеждением и Маркса?! — Г. К.). Но не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского общественного развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собой неизменный источник для изучения общественных отношений Запада» (Сочинения, в 24 т., М., Пг., 1923, Т. 1, с. 151).

Отлично зная, что в утаенном письме Маркса к В. Засулич от 1881 г. — и в только-только переведенном им, Плехановым, предисловии его к «Манифесту», к которому он и пишет эти свои строки! — Маркс все свое внимание обращает все-таки на *иные* задачи русских революционеров (чем задачи западных социалистов), наш «первый марксист», однако, уже и тут, в первых своих словах о Марксе, начинает *уводить* русского читателя от «русской идеи» Маркса... Карфаген должен быть разрушен! И Вы этого совсем-совсем не видели, Раиса Павловна?! И единой линии Плеханова и Энгельса по отношению к России не видели тоже? Впрочем, об этом — после.

Мимоходом замечу, Б. Интерберг и В. Твардовская пишут, что пусть, мол, переведенное Плехановым в 1882 г. предисловие «тоже осталось бы» Ленину «неизвестным», — и это неважно: «сама-то идея» народников (поддержанная Марксом) была Ленину известна... Мол, он ее и от брата Александра знал. Да отвергнул... Что тут, мол, изменил бы и сам Маркс?..

Ну, во-первых, Ваши единомышленники и Вы ошибаетесь относительно того, что Ленин столь неуважительно отнесся бы к подлинной мысли Маркса... Во-вторых, случилось худшее: он, действительно, знал предисловие Маркса к «Манифесту» от 1882 г., но знал-то его в переводе Плеханова... А выше мы видели, что и сам перевод этот дан с запутанным смыслом, и, особенно, комментарии Плеханова к нему содержат уже вовсе не «русскую» (на самобытность), а «западную» ориентацию. В-третьих, в конце 1880-х гг. в сознании русской социал-демократии (а не только либеральной буржуазии) широко бытовало убеждение, что Россия «окончательно встала на путь капиталистического развития, и ее с него ничто не столкнет». Так что Ленин, как и тогдашняя русская социал-демократия, не усомнившись, принял наиболее отвечающий его взглядам плехановский вариант трактовки Марксом положения в России. Но о Ленине — тоже отдельно.

Ясно, что истинный смысл, в сущности, *отдельного учения марксизма* о «русском пути» был деформирован в самом его корне. В этих обстоятельствах подлинник письма от 1881 г. плехановцы могли уже только и только прятать... Был мальчик-то, был, да сплыл...

Заметил ли, однако, кто-либо, что Плеханов опубликовал неадекватный перевод и сознательно неверный комментарий к «русской» идее Маркса? Вопрос, наверное, неприятный: если не заметила этого Р. П. Конюшая, которая десятки лет занималась и занимается темой «Маркс и Россия», то чего же ожидать от других?

Но, представьте, заметили! В 39-м томе «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса (2-е издание), в письме Н. Ф. Даниельсону от 24 февраля 1893 г. Энгельс цитирует слова о России как раз из предисловия Маркса к «Мани-

фесту» 1882 г. издания. От редакции тома там вдруг дается такое вот, казалось бы, неназойливое, но совестливое примечание: «В русском издании, которое цитирует Энгельс, имелись неточности в переводе» (Соч., т. 39, с. 451). Издание тогда было только в плехановском переводе... Надо же! «Имелись неточности...» Кто их обнаружил? Почему на это никто из специалистов не обратил свое отдельное внимание? Скорее всего, этот слабый сигнал читателю подали безымянные имэловские переводчики, не раскрывая принципиальной сути искажения первоисточника.

И все же лиха беда начало... В 1967 г. «Политиздатом» в Москве издана книга «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» (их переписка с российскими революционерами), и там к тем же словам из перевода Плеханова дано такое примечание: «В цитируемом Энгельсом русском издании предисловия имелись неточности в переводе» (по указ. изд., с. 645). Но ни в том, ни в другом случае не называется имя Плеханова... Проблемность примечаний при таком умолчании ослабляется: все и дело-то в позиции конкретно Плеханова...

Вопрос тут крайне сложный. Энгельс цитирует, как он считал, Плеханова, но цитирует-то не буквально, а лишь по смыслу... Однако смысл плехановского перевода он передает действительно точно. И это, разумеется, облегчает нам расшифровку всей той ситуации. Мы уже с Вами видели (и еще увидим), насколько прямо и открыто анализирует он смысл, который (об этом у Энгельса, конечно, ни слова) Плеханов привнес в свой перевод предисловия Маркса к «Манифесту». В сущности же, Энгельс благословил подмену, совершенную Плехановым... Интересно, не правда ли?

Впрочем, когда даются редакционные примечания, дело обходится не всегда благополучно. С ИМЭЛ не соскучишься... Не каждый раз «безымянные переводчики» оказываются внимательны. Тогда-то и происходит вот так. Во 2-м издании «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса (т. 22) напечатано «Послесловие к работе “О социальном вопросе в России”», написанное Энгельсом. В высшей степени умело и тонко там Энгельс опять-таки дезавуирует мысли Маркса о России (известные ему из письма Маркса от 1877 г. в «Отечественные записки» и из предисловия Маркса к «Манифесту»). Энгельс категорично пишет: «Не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у *западноевропейских народов* те страны, которым (имеется в виду Россия. — Г. К.) только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как лучшее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка пока еще *капиталистического* Запада. Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, “как это делается”, как поставить силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — *только тогда* смогут эти отсталые страны встать на путь такого *сокращенного* развития» (Соч., т. 22, с. 445—446; курсив мой. — Г. К.).

Добавлено: в России «в период революции... возможно будет совершить общественное переустройство почти одновременно с Западом» (с. 446). Разумеется, по западному образцу.

Но посмотрите же, что идет у Энгельса дальше. Он вот как поднимает цену приведенных выше суждений: «Это было уже высказано Марксом (?! — Г. К.) и мною 21 января 1882 г. в предисловии к русскому изданию “Коммунистического Манифеста” в переводе Плеханова...»

Вспомним: в переводе Плеханова... Действительно, Энгельс отстаивал именно такую (высказанную тут) позицию. Но не Маркс! И мы с Вами сейчас в тысячный (впрочем, Вы-то, может, в первый) раз убедимся в том, насколько их позиции в самом деле различны. Суть-то в том, что после слов Энгельса: «Мы (с Марксом. — Г. К.) писали там», — в 22 томе «Сочинений» следует перевод вовсе не плехановский (!), а текст «безымянных переводчиков» нашего родного Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС... Каково?

О, они нам с Вами еще не то продемонстрируют! Вот же их дальнейший перевод: «Но рядом с быстроразвивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община...» (т. 22, с. 446). И затем идет текст опять из... 19 тома 2-го изд. «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса! В названном томе опубликовано — в уже «советском», значит, переводе! — и ныне известное предисловие к «Манифесту» в переводе от 1961 года... Предисловие это заканчивается, конечно, не тем смыслом, какой был вложен в него когда-то Плехановым! Красиво, не правда ли? Для кого?

Предисловие это заканчивается, не забудем, словами действительно Маркса и, конечно, с противоположным плехановскому смыслом: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю (у Плеханова: “современное русское землевладение”. Соч., т. 19, с. 305; курсив мой. — Г. К.) может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Представляете теперь, какая получилась мешанина? И все для того, чтобы как можно изощреннее солгать и замести следы плехановского обмана.

А Вы-то, «публикатор рукописного наследия Маркса», наверное, будете ныне открещиваться от подобного рода «научной» деятельности? Ведь метастазы такой «деятельности» давно проникли до ужаса глубоко и широко. Возьмите, к примеру, отдельное издание «Манифеста» 1983 г. — через сотню лет после плехановского, и что увидите? Там предисловие Маркса и Энгельса, естественно, помечено 1882 годом. Естественно и то, что названо оно предисловием к плехановскому переводу «Манифеста» 1882 года... Но перевод-то этого предисловия не плехановский, а тоже перепечатка из 19 тома собрания их сочинений. «Как это вам нравится?» — спросят в Одессе.

В итоге получается, что Плеханов — не только участник утайки письма Маркса от 8 марта 1881 г., адресованного В. Засулич, но, дав со скользким смыслом перевод предисловия Маркса к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в 1882 г., он в самом деле вел борьбу против «русской идеи» Маркса. Да, только против... Если же к этому добавить, что он искаженно

комментировал и письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», то вырисовывается весьма печальный факт: Плеханов внес крупный вклад в то, чтобы лишить российскую общественность, а в особенности ту часть российских революционеров, которые искренне верили в то, что они марксисты, — лишить их верных сведений о том, как именно Маркс понимал альтернативные возможности России в решении своей судьбы.

Ко всему этому примешиваются старания определенной части коллектива Института марксизма-ленинизма (и лично Ваши, уважаемый «публикатор рукописного наследия Маркса»). Можете ли Вы гордиться тем, что прямо или косвенно, но Вы тоже способствовали запутыванию истины?

Редакция «Диалога», публикуя Вашу статью против меня, титулет Вас в качестве несомненного авторитета, крупного знатока. Смешно звучит на предьявленном здесь документальном фоне утверждение Б. Интерберга и В. Твардовской: Р. П. Конюшая «легко» (какими же фактами?!) опровергла статью Г. Куницына «Утаенное письмо»... Всех вас троих мне пришлось бы придумать или назвать кого-то из других ваших единомышленников, если бы все вы сами не объявились в печати — по поговорке: «На ловца и зверь бежит». Не премину признаться: я — сын потомственного сибирского охотника...

Разве же это не ваш общий подход — людей, полагающих себя знатоками: столкнувшись с ситуацией, в которой Энгельс приводит явно сочиненный «перевод» предисловия Маркса к «Манифесту» издания 1882 г., Ваши единомышленники и сотрудники по ИМЭЛ дают к 22 тому (где эта энгельсовская работа опубликована) примечание: «Энгельс цитирует здесь предисловие к русскому изданию “Манифеста Коммунистической партии” 1882 г. в обратном (? — Г. К.) переводе с русского перевода Г. В. Плеханова, в связи с чем текст цитаты в оригинале несколько (?! — Г. К.) отличается от соответствующего немецкого текста рукописи предисловия» (Соч., т. 22, с. 664). Ничего себе — «несколько»... Надо же договориться до такого! Почему-то всё свалили на Энгельса. И впрямь он западный духовный отец Плеханова и всего русского меньшевизма (впрочем — во многом и большевизма). Но тут логика есть... Видите ли, Энгельс дает «обратный перевод» подписанного им самим (вместе с Марксом) текста, некогда переведенного Плехановым... И якобы обратный перевод этот — неверный... Сами-то имэловцы почему же при этом не предложили (пусть и в том же их примечании!) воспроизведение именно плехановского перевода? А создали еще один постыдный прецедент: мало того, что ввели в текст Энгельса (задним числом!) чуждый ему смысл (попробуй тут разберись, читатель!), но еще и приписывают ему (задним же числом) полнейшую непоследовательность во взглядах, чего у него на самом деле не было. Он был упрямец еще тот!

Все эти манипуляции — не случайность. Ожесточеннейшая это борьба. Пусть кто-то и не видит, что борьба шла — а ныне обострилась еще более — за непременно западноевропейский путь развития России. Непременно. Оплевывается все самобытное.

Мы, россияне, впрочем, обречены на это издавна. Прав Н. Бердяев, определяя Россию как Востоко-Запад, а то и как Западо-Восток. Нам никуда не деться ни от «восточных», ни от «западных» тенденций в сознании российского общества, а особенно в самом нашем образе жизни. Таково положение России на земном шаре.

Все это так. Разговор идет, стало быть, именно о судьбоносных событиях нашей истории. Думается, бессмысленно было бы вести его только в связи с тем, какая судьба постигла собственно «русскую идею» конкретно в условиях буржуазного развития России и распространения в ней марксизма (а точнее — идей западноевропейского социализма и коммунизма). Вопрос именно об исторической судьбе России, о ее естественном пути, а не о том, куда ее можно подтолкнуть или какое русло ей подобрать с позиций высшего «разума», коего якобы ей всегда недоставало... Марксизм же сам по себе — лишь объективно предназначенная нам часть «русского вопроса». В той мере часть, в какой он вплетается в судьбы России. А влился он в жизнь России, оказывается, вовсе и не столь органично, как долгое время многим думалось. Самое главное, как видим, не влилось. Хуже того, определенные чуждые нам стороны учения Маркса и Энгельса, будучи так или иначе укоренены в нашем обществе, очень и очень сильно углубили и обострили трагизм нашей новейшей отечественной истории.

В какой же степени причастен к этому Маркс как конкретная личность? Думаю, можно уже видеть — из того, что я писал Вам ранее: есть усеченный марксизм, который освещает лишь ту линию развития человечества, которая включает в себя в полном объеме эпоху капитализма (а стало быть, период отчуждения и самоотчуждения), и уже на этой (капиталистической и послекapиталистической) основе потом предполагается переход к социализму, затем и к коммунизму; и есть марксизм полный. Последний включает в себя (помимо анализа западноевропейской модели развития), в частности, и попытку раскрытия «русской альтернативы».

И вот эту-то часть учения Маркса (сверх того, что раскрыто в «Капитале») и постарались изъять из духовного оборота Плеханов со товарищи. В этом же направлении с самого начала (и потом еще слишком долго) прилагал свои усилия и Ленин... Здесь же, надо заметить, очень сильно, кроваво «наследил» в нашей истории и Сталин. Он до ужаса «овосточил» именно «западническое» направление в нашей жизни. Довел до абсурда.

И сюда же мы можем добавить осуществлявшуюся десятки и десятки лет в теории и историографии винегретную деятельность «слаженного» коллектива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (и, конечно, всех других НИИ гуманитарного профиля). На этом же, к прискорбию, направлении до сих пор пытаетесь отстаивать свою слишком очевидно не соответствующую исторической истине позицию и Вы, Раиса Павловна... Я не поздравляю Вас и с невнимательными к документам адептами Вашими...

Думаю, защитников Плеханова и его «западноевропейской» модели судеб России далее ждут и другие опровергающие их факты. Предварительно подчеркну: рано или поздно, но должна была рухнуть мифология плехановской и вообще всей русской социал-демократии (включая и меньшевизм, и большевизм, правда, в разной степени).

Да, это — мифология. Основывалась она почти всецело на умозрительных построениях, имеющих лишь видимость истины. Отрицая решающую роль самобытности России (хотя без самобытности наций и стран не бывает), Плеханов сначала имел объективные причины для того, чтобы в выработке своей концепции «честно» ошибиться. Потом, столкнувшись с крайне неожиданными для него обстоятельствами, убежденный в первостепенном для себя вопросе о капи-

талистическом пути России, он пошел, к сожалению, и на нарушение этических принципов. Пошел. *И Вам с него этого пятна не смыть.*

Что имею в виду? То, что Плеханов бесповоротно встал на позицию неизбежности прохождения Россией проторенной капиталистической стадии, на точку зрения, согласно которой у России якобы одна-единственная историческая предопределенность: повторение судьбы стран Западной Европы. И вывод его был по-своему вполне весом, поскольку подкреплялся еще одним убеждением Плеханова — в том, что в России никакой революции, кроме буржуазной (и потом — пролетарской), быть просто не может. Эта же последняя, в свою очередь, возможна в России лишь как результат именно изжившего себя капиталистического развития... Так что пролетарская (согласно Плеханову — она же единственно возможная в России социалистическая) революция предполагалась в этой концепции в необозримо далеком будущем, поскольку Россия была, если исходить из западноевропейских масштабов сравнения, несомненно, отсталой страной.

Плеханова, стало быть, совсем не смущало обстоятельство, на которое указывал Маркс в письме к В. Засулич от 8 марта 1881 г., а именно: если Россия пойдет по капиталистическому пути, то ей потребуется сначала много времени на разложение сельской общины, а потом, когда земля станет в России частной собственностью крестьян, потребуется плюс к тому еще много времени на пролетаризацию десятков миллионов крестьян, на их «раскрестьянивание».

Плеханов был поистине трагической фигурой. Но он был одновременно и доктринером. Чаще всего шел от убеждения (нередко ошибочного), а не от опровергающего это убеждение факта. Его заворожила логика «Капитала». Это — с одной стороны. А с другой — было слишком очевидным втягивание России на испытанный Западом путь капиталистического развития. От противостоящих этому обстоятельству Плеханов просто отвел свой взор. Это был, конечно, очень большой, даже огромный талант, но все же — не гений. Впрочем, похоже, он был на уровне гения во всем том, что касалось именно защиты отстаиваемых им позиций, но при этом сами позиции были заимствованы. Не оригинальны. Это не мешало ему стать фанатиком ложной идеи.

Я указывал ранее: Плеханов оказался в зависимости от точки зрения Энгельса на Россию, но при этом он считал для себя необходимым представить людям в качестве своего учителя и единомышленника также и Маркса. Несмотря ни на что. Вопреки тому, что он убедился в наличии у Маркса полностью противоположного ему мнения относительно российских перспектив. Фактически и получилось, что он решительно отверг «русскую идею» даже и в разработке ее Марксом. Но эволюция его взглядов на этом всего лишь закончилась. Началась же она с отказа Плеханова от его прежних народнических взглядов — стало быть, как раз от упования на самобытность России и вообще на все то, что пришло из глубины веков русской истории.

Плеханов перебрал и переосмыслил чуть ли не все основные тенденции русской социально-политической, историософской и эстетической мысли, начиная со Смутного времени. Прежде же всего он постарался дезавуировать идейную основу народничества — предвзято проанализировал идейное наследие Герцена, Бакунина, Чернышевского с позиций доказательства именно утопичности их «русской идеи». Он провел в своих исследованиях и линию на выявление

«западнических» (с его «марксистской» точки зрения), якобы единственно плодотворных мотиваций, начиная от кн. Щербатова и кончая П. Милоковым. В сущности, Плеханов создал свой вариант весьма серьезных, а по форме и стилю восхитительных очерков новой и новейшей истории русской философии, социологии, культурологии. Очень многое он и просто переверстал — под своим «марксистским» же углом зрения. При этом полностью исключил из своей концепции то, что было, в сущности, завещано Марксом русским революционерам в его письмах в «Отечественные записки» от 1877 г. и к В. Засулич от 8 марта 1881 г. А в довершение — и в предисловии к русскому изданию «Манифеста» в 1882 г.

Проблема, над которой русская мысль билась с древних пор, а в особенности в те периоды, когда интенсивно происходило развитие национального самосознания, была Плехановым фактически дискредитирована. В индивидуальной сфере своего духа он словно бы имел особый компьютер социального детерминизма, и тот ему выдавал, казалось, «безошибочные» ответы на самые жизненные вопросы о том, когда через какую стадию Россия будет далее проходить — постепенно будет расставаться сначала с общиной, потом с народившимся в процессе ее развития парцелльным крестьянством, и, наконец, будет достигнута полная капитализация страны и неизбежное обнищание рабочих. И тогда: «Бьет час частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют!» При такой убежденности, действительно, должен уйти с дороги даже и сам Маркс!

Случилось и еще более печальное: вопрос о тысячелетних корнях русского духа был скоро и безжалостно забыт. А жизнь нашего национального духа и самого народа в ее разных проявлениях — продолжалась! Все более разгоралась вынужденная борьба «корней» с перерубающим их «топором». Неравное это сражение! Причем, конечно, дело не только в Плеханове. Оно в том, что было утрачено нечто самое фундаментальное — ощущение самоцельности и самоценности нации. Тем более — каждого ее индивида в отдельности. Общечеловеческое — без национального и индивидуального... Не так ли случилось?

Между тем были все основания у российской общественной мысли уважать свою, и особенно народную, самобытность. В частности, Вл. Соловьев восхищался тем, что, «призвав варягов», древние русичи без всяких существенных потерь и незаметно для обеих сторон полностью ассимилировали призванных. В. Розанов видел в этом залог бессмертия нации. Развивалась не только же чаадаевская тенденция. Да ведь и сам Чаадаев в дальнейшем тоже возвышал в своих суждениях огромные потенции России, в том числе — самобытные.

Первое же из вошедших в историческую память нации судьбоносных событий — рискованное соприкосновение с наиболее активными проявлениями западноевропейского человечества — не привело нас к утрате самобытности, а, напротив, укрепило ее.

П. Чаадаев бросил горький упрек нашим предкам в том, что, принимая христианство в X в., они совершили якобы ту ошибку, что предпочли православие, а не католичество. Упрек весьма и весьма примечательный, но он, в сущности, почти никем не был поддержан в России и вызвал убедительные возражения. В частности, Ф. Достоевского, Н. Федорова и других. А вообще-то и Вл. Соловьев, высоко отзывавшийся о католичестве, оказался, однако, далек от того,

чтобы признать католичество более органичной религией для Руси и России, чем явило себя православие.

Не только сама наша история, но и наиболее крупные русские мыслители доказывали в своих учениях, что выбор православия не был ни чьим-то капризом, ни случайностью, а само именно православие наилучшим образом отвечало образу жизни наших и дальних и ближних национальных предков, которые, впрочем, еще не очень сознавали, что в большинстве своем живут коллективистской — общинной — жизнью. Потому, выйдя из глубин этой реальности, наконец возникла идея соборности, глубоко осмысливавшаяся потом славянофилами, начиная с И. Киреевского, А. Хомякова, Аксаковых, Ю. Самарина и других. Вряд ли уже тогда кто-то задумывался над тем, что этот извечный коллективизм (Н. Бердяев называет его коммюнитарностью) вытекает из нашей первобытно-общинной основы. Любопытно, что первым, кто открыл русскую сельскую общину, описав ее в конце 1840-х годов, был немецкий барон А. Гакстгаузен. Но это, разумеется, не суть важно. Важно другое — в самой русской жизни была именно потребность и именно в православии, которое наилучшим образом соответствовало глубинным, в том числе и коллективистским, традициям русских. Это, впрочем, еще предстоит исследовать.

История наша сложилась так, что первым самым крупным испытанием для русского народа явился не Запад, а Восток, откуда обрушилось самое крупное нашествие — татаро-монгольское. Более значительных по последствиям событий в нашей отечественной истории, видимо, не бывало. Сотни лет — под игом. И тут-то действительно произошел весьма серьезный сдвиг в нашем национальном сознании и укладе жизни. Причем этот сдвиг совершался в направлении, именно противоположном Западу. В наследство от восточного завоевания (это доказывают в своих исследованиях историки XIX в. Костомаров, Беляев, Сергеевич, Неволин и другие) мы получили восточный тип монархии. Российское государственное право «монгольского происхождения» (Костомаров). У нас восточный тип бюрократии... Из этого развилась наша всеобъемлющая — на восточный лад — тоталитарность.

Но и все равно: за сотни лет неволи нация не утратила своей социальной самобытности — сохранилась, а фактически даже и не пошатнулась русская крестьянская община! Реально она оказалась главным способом выживания, в сущности, для всего нашего народа. Завоеватели не тронули ее, имея тут свой особый интерес: община была удобна и им для решения проблем фиска. Община была и весьма удобным объектом для всякого ее угнетения со стороны. Это, впрочем, другой вопрос (к нему далее вернусь). Народ в любых исторических обстоятельствах жил в этой общине, которая, по словам Маркса, в тяжкие годы средневековья была «единственным очагом свободы и народной жизни» (Соч., т. 19, с. 403). При чем тут была бы реакционность? Не стоит забывать, что именно при общинном укладе жизни русской нации действительно сложилась русская народная культура на весьма высокой ступени создания в ее структуре мифологии, фольклора, героического эпоса, общерусского языка (превосходящего нынешний наш активный словарный запас)... Утрачиваем, а не приумножаем эти богатства. Довольные собой незадачливые самоцивилизаторы.

Община оказалась как бы *становым хребтом истории русской нации* — он упруго прогибался до любого предела, но не был сломлен.

Легче было России выстоять перед Западом, чем перед Востоком. С Западом нас сближало исключительно важное обстоятельство — принятие христианства (пусть и в его «восточном» варианте). Это — по преимуществу — сфера духовной культуры. С Востоком же мы были всегда близки через самое глубинное для нас — общину, ведь у них она тоже коллективистская. В Западной же Европе коллективистская община (она там отличалась, вспомним, отсутствием с ранних пор частной собственности на землю, леса, пастбища и т. д.) перестала существовать уже тысячу лет тому назад. В каких-то странах она вовсе исчезла, а где-то сохранилась, но перешла в индивидуалистическую — т. е. стала существовать уже с частной собственностью на землю. Именно это далеко развело в стороны экономические и другие различия Запада и Востока. Западные влияния (с их сугубо буржуазным характером), естественно, были *антиобщинными*, а восточные — *не разрушали* «архаический» экономический базис страны.

Восток, получается, был нам в чем-то очень важном менее чужд, чем Запад... Здесь-то и таились неограниченные возможности для иронии истории.

Под нещадную руку ее ранее многих попал Петр I. Не догадываясь о самом существовании общины (первыми начали осознавать ее славянофилы в 1830—1840-е гг.), великий реформатор начал круто разворачивать Россию на Запад, при этом, однако, как оказалось, не западными, а восточными, антирыночными способами... Закрепощенные к тому времени общинники не получали волю и не превращались поэтому в наемных пролетариев, как это было на Западе. Они прикреплялись насильно к заводам целыми деревнями (общинами) в качестве, фактически, каторжников. В результате Россия хотя вскоре и вышла на первое место в мире по выплавке чугуна и стали, но в социальном отношении не сдвинулась с места. Она несколько изменилась лишь в верхних слоях социальной пирамиды, но, как писал уже Герцен, Петр I создал лишь иллюзию прогресса России. На самом деле он задержал ее развитие по направлению к капитализму по крайней мере на два века... Убедительное подкрепление этой оценки содержится в посмертно опубликованном исследовании А. Спунде о развитии русской промышленной буржуазии (ж. «Наука и жизнь», 1988, № 1).

Стало быть, петровская попытка феодальной индустриализации России *без включения свободного развития товарно-денежных отношений*, фактически без частного предпринимательства привела только к тому, что было прорублено лишь «окно в Европу», но не открыты двери... Крепостничество при Петре I только больше укрепилось, а община — как и всегда в лихую пору — внутренне еще неистовее замкнулась в себе, отбиваясь от несчастий поистине спасительной круговой порукой.

И как в подтверждение этого факта не привести следующие слова Маркса, написанные им в связи именно с русской крестьянской общиной: «Жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а *тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ...*» (Соч., т. 19, с. 402; курсив мой. — Г. К.).

Так-то! Стоит ли удивляться, что в России оказался столь устойчивым не только сам общинный уклад жизни, но и его воздействие на все общественное сознание нашего Отечества. В отличие от Энгельса, Плеханова и Ленина, Маркс при осмыслении судеб России обратился в первую очередь к тем факторам, ко-

торые составляют ее внутреннюю, ее сущностную специфику. В следующем письме придется, наконец, обратиться преимущественно к тем текстам Маркса, которые с особой тщательностью скрывались от внимания читателей на протяжении всего времени их существования, в том числе и тем из них, которые Вы, Раиса Павловна, и сегодня заботливо не упоминаете (точно так поступают и Ваши адепты-неофиты).

При неизменно добрых пожеланиях Вам

Г. Кунцын,
26. 01. 1991 г.

Письмо пятое

*Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!*

Н. Некрасов

Глубокоуважаемая Раиса Павловна!

Вот, пожалуй, теперь подошел я и к вопросу, ради рассмотрения которого начал писать Вам эти отнюдь не интимные письма. Этот пункт — концепция Маркса об исторических судьбах России, о ее роке. Моя задача: доказать, что перед нами — именно концепция. И концепция к тому же более широкая, чем только о России. Это — в сущности, теоретическое открытие и обоснование одного из альтернативных (по отношению конкретно к капитализму) путей мирового развития. Так определяю я «русскую идею» Маркса.

Ошибочность утверждений Энгельса и Плеханова, согласно которым у России в последней четверти XIX в. был якобы лишь единственный путь развития — фатальное следование за капиталистическим Западом, ныне полностью обнаружилась: Октябрь 1917 г. и последующие события у всех на глазах увели ее с этого пути. Навсегда ли? Что из того вышло? Сейчас вспомним, что заблуждение «западников» замечено было уже в самом начале. И не только Марксом. Как ошибка, так и истина в трактовке этой проблемы возникли раньше, чем марксизм.

Обычно всем создателям и приверженцам новой концепции кажется, что именно она — всеобъемлющая. Ничего с этим не поделаешь! Психология. Когда в России в конце XVII — начале XVIII в. увидели, что цивилизация на Западе ушла от нас вперед, то вывод сделан был недвусмысленный: Россия отстала. Ибо движение идет в одном направлении. Так полагали. Петр I вколотил этот «отставальческий» вывод в основу всей своей политики. Из тогдашних новаторов никому в голову не приходило, что в истории отставать можно только в общечеловеческих формах бытия. Но — не в самобытности, не в специфике национального характера той или иной национальной культуры. Если раньше (со времен появления концепции «Москва — третий Рим, четвертому — не бывать») принималось за закон бытия именно это, т. е., в сущности, обожествлялась абсолютная достигнутость предела, то при Петре I конечный этот критерий был обнаружен даже и вообще не в Москве, а именно в Западной Европе — не

в Риме, а в Париже, Лондоне, Берлине. *Интеллектуальная Россия стала воспринимать себя как адекватный образ отсталости...* Понятие цивилизованности начало складываться однозначное: это — Западная Европа. Только она. Россия же — отстала...

Соответственно, возникла и в России сфера духа именно просветительской ориентации: вперед, к свободному предпринимательству! В философии и практике тогда воцарился рационализм. Возникать стал, естественно, и культ науки. Привлекательного было тут много. Но вместе с тем буржуазность влекла за собой и невероятное историческое зло — медленную, но неотвратимую экспроприацию и пролетаризацию крестьянства. А оно составляло огромное большинство народа! Во всех тогдашних странах. Нередко слышим ныне вопрос: *прогресс, а какой ценой?* Да, какой ценой... Неужели какой угодно? И кому угодно?

Прогресс достался человечеству ценой не просто исчезновения, а фактического уничтожения крестьянства. Те страны, где это случилось, и оказались капиталистическими. Это вот и есть прогресс. Так его понимают и сегодня.

Именно такой «ценой» возник строй нынешней самоупоенной буржуазной демократии. Стоит ли этого капитализм? Или надо просто забыть о его «стоимости»? Разве не этим жутким, бесчеловечным процессом обусловлен выход стран Западной Европы, действительно, на переднюю линию в развитии буржуазной цивилизации? И не только ее! И разве не потому Россию уже тогда отнесли именно к отсталым странам, что в ней-то крестьянство очень долго сохранялось почти что не затронутым буржуазными отношениями — вплоть, по крайней мере, до 1861 г.?

Но XIX в. в России привел к осознанию и совсем-совсем другого, не менее объективного критерия в оценке социального прогресса. Не пора ли это увидеть? *Возникла другая концепция гуманизма.* Возникла она в России. Порождена конкретными реальностями, но осознавалась очень медленно и трудно. И, между прочим, даже тут у нас не обошлось без помощи из-за границы! Ведь все-таки не «славянофилы» наши дали подробнейшее описание решающего для судьбы России общинного образа жизни русских крестьян. Русский интеллектуальный слой (в первую очередь аристократы) до XIX в. этим вообще не интересовался...

Своеобразный научный подвиг совершил упоминавшийся мною в предыдущем письме к Вам немец А. Гакстаузен: опубликовал он в 1847—1852 гг. книгу «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (в трех частях). В ней и были собраны и обнародованы (с помощью известных «славянофилов») ранее не замечаемые исконные формы жизни великороссов. Оказалось: русские крестьяне испокон веку живут общинами; в них, этих ячеях, отсутствует — и всегда ранее отсутствовала — частная собственность на землю (также и на леса, луга, выгоны, пастбища); все общекрестьянские дела решаются на мирских (волостных и деревенских) сходах при полной и непосредственной демократии; помещики-крепостники непосредственно не имеют к этому отношения, в собственности у них находятся сами крестьяне, но не земля, подвергаемая переделу самими общинниками через определенное количество лет... Ясно, что община лучше всего функционировала в отсутствие крепостного права.

Для Гакстаузена описанная им жизнь была, скорее всего, возможно, экзотикой. А для многих тогдашних думающих русских людей это была крайняя неожиданность, переворачивавшая их представления о России. Эффект открытия оказался велик — тем, что «славянофилы» (аристократы же, в сущности, уже догадывавшиеся о житье-бытье народа ранее интуитивно, но также, вероятно, и через посредство осмысления церковной соборности) теперь обрели, можно сказать, полнейший протокол об укладе жизни подавляющего большинства народа. Протокол этот довершал их представления о своей нации. Это, в частности, дало позже возможность Н. Ф. Федорову довести идею общинности до совпадения ее с идеей поистине грандиозного космического Храма и Музея, символизирующих и включающих в себя бессмертие единого православного братского Человечества в мировом пространстве и мировом времени.

Не надо забывать и о том, откуда пошла грандиозная идея расселения земель во Вселенной.

Впрочем, Н. Федоров и другие могли прийти к осмыслению общинных принципов и через церковь, религию. Скорее всего, так это и было, скажем, во взглядах Вл. Соловьева: он видел в общине подлинно христианский социализм, его-то только и считая подлинным. В том и дело — открытие крестьянской общинности *не начинало собой идею социализма, а лишь дополняло ее*. Обогащало неизвестными ранее картинами из быта народа.

Не все так просто обстояло, стало быть, и в провозглашении единства самодержавия, православия и народности... Самодержавие — такова сложность — вытекало в значительной мере из одного и из другого. Известно, что исторически наша национальная идея — тоталитарна. Да ведь потому и соединилась она при встрече с Западом с другим типом, но тоже тоталитарности.

Именно из исследований А. Гакстаузена о существовании русской крестьянской общины узнал А. И. Герцен, а потом и Н. Г. Чернышевский — они сами это признавали. Но, скорее всего, оттуда же почерпнули свои познания о «русском патриархальном коммунизме» и Маркс и Энгельс... Оба они, однако, иронизировали, в частности, над Герценом, упрекая его в том, что он почерпнул сведения о существовании русской общины, будучи уже в эмиграции, а, мол, не тогда, когда эксплуатировал своих крепостных в России, *не зная, что они общинники...*

Конечно, сегодня не более всего на свете важно, кто, где, когда и от кого узнал о том, что в России — в масштабах огромной страны — сохранились до последних времен архаические формы патриархального коллективизма. Судьбоносно другое — то, что они сохранились. Община среди таких факторов — это, в первую очередь, экономический облик и эквивалент реальной тогдашней жизни. Имеются и у нее, и у всего вообще тогдашнего бытия и иные аспекты, связанные с коллективизмом и вытекающие из него. Речь пока не о том, что из этих аспектов и сторон хорошо, а что плохо.

Хотелось бы обратить внимание Ваше и на то, что само человечество начиналось с общины. И вся его последующая история, где больше, а где меньше, — это именно разрушение общины, т. е. замена ее чем-то другим. Логический конец старой общины — *капитализм: община и капитализм — антиподы*. В свою очередь, логический конец капитализма — новая община, синтезирующая обе предшествующие ступени. Триада!

Так вот: в России — это очевидно — так и не произошло разрушения общины. Революция ее возродила. Она была погублена уже только сталинским государственным капитализмом, и началось это с коллективизации 1929 г.

Община — как феномен — старше христианства. Тем более — на Руси. Поэтому община у нас особенно органично слилась именно с коллективистскими принципами христианства. Оно же отличается этой спецификой как раз более всего в его православном ответвлении. Православие с самого своего появления у нас в стране приняло форму именно общин — особенно монастырей. У церковных общин к началу XVII в. оказалось во владении, между прочим, до двух третей всех возделываемых российских земель. Вместе, между прочим, с самими крестьянами, которые эти земли обрабатывали, будучи одновременно членами своих крестьянских общин... Но даже и против этого вида эксплуатации (общин — общинами) возникла известная ересь «нестяжателей» (Нил Сорский и др.). Они осуждали вообще всякие формы эксплуатации и частной собственности (и пользование всем тем, что не заработано или не создано собственным трудом). Сугубо общинная позиция!

Не любопытно ли: даже русские дворяне, вплоть до принятия Уложения 1649 г., получали свои имения не в собственность, а в качестве жалования за службу — без права передачи их по наследству. В России частная собственность на землю окончательно закрепилась за дворянами лишь в царствование Екатерины II, а у крестьян ее нет, как известно, и до сих пор.

Все это, вместе взятое, ясное дело, определило особый характер духовности в России. Наиболее достойным ее проявлением стало — по конечной сути — именно «нестяжательство». В идеале.

К сожалению, до сих пор как-то мало обращается внимания (да и обращается ли?) на то, что прежде-то всего именно великая русская классическая литература — если она даже и не отразила непосредственно жизни крестьянской общины (а она ее тоже не замечала, пока не появились писатели-народники Успенский, Каронин, Энгельгардт и др.), — да, повторяю, именно русская классика вознесла на высоты мирового духа безупречную, в сущности, идеальную социальную справедливость, заключающуюся (в последнем-то счете), действительно, в нестяжательстве (понятом к тому же предельно широко). Русская классика никогда ведь не поэтизировала ни собственника, ни какую бы то ни было собственность — чего не скажешь о литературе Запада. Исходила наша классика из необходимости именно социального равенства людей. И поэтому — неосознанно, оттого, однако, не менее органично — она защищала если не прямо крестьянскую общинность (объективно-то она ее всегда защищала!), то непременно — христианскую. Но — общинность же! И тут дело уже шло, стало быть, об отрицании западного индивидуализма, из которого в Европе выросли буржуазное сознание, буржуазная и всякая другая эксплуататорская жизнедеятельность.

Недаром же нынешние наши «западники» (сегодня отвергающие любую социалистическую ориентацию и, в сущности, выступающие за ассимиляцию ее в плотных слоях капиталистической системы) — недаром они все чаще и чаще (сначала это было будто невзначай) бросают упреки даже и самой русской классической литературе-подвижнице. В том, что это она, мол, подготовила Октябрь 1917 года... Отыскали и у праведницы грех! Стяжатели берут верх, стяжатели...

Анализировать здесь и сейчас конкретные произведения классики есть ли необходимость?

Действительно, Л. Толстой — если смотреть в корень — подвел своеобразный итог именно общинному сознанию России. И дело не только в его публицистике и философии, где (не без обычной для Л. Толстого силы убеждения) он, несомненно, попытался сформулировать, в сущности, общечеловеческий закон бытия, согласно которому именно община и есть единственно справедливая форма человеческого существования. Дело и в общем пафосе несравненного художественного творчества Л. Толстого, как бы он сам в нем ни разочаровывался в известный период жизни. Можно ко всему этому относиться по-разному, но вряд ли имеются основания не замечать, что в вещем сне Пьера Безухова образ хрустального глобуса (Вселенной) четко символизирует социальный, а вовсе не один лишь религиозный идеал именно общинного человеческого и космического братства во Христе.

У Достоевского же это, на первый взгляд, решается вроде бы иначе — к тому же, пройдя через увлечение светской формой западного, фурьеристского социализма петрашевцев, он стал его просто-таки неистовым противником. Но в христианстве-то потом именно Достоевский и создал в конечном счете идеальный образ опять-таки общинной коллективности, не теряющего индивидуальности людей братства, скрепленного абсолютной связью — Богом. Это может быть названо и коммюнитарностью, на чем настаивал Н. Бердяев, пытаюсь усилить линию именно органичности и неразрывности общинного братства.

Все это идет как бы даже сверх линии революционного демократизма и народничества, связавших с общиной самую судьбу свою. Перед нами — общероссийская линия отрицания всякой буржуазности. Линия, как раз и начатая Нилом Сорским. А еще ранее — самим принятием христианства.

А ведь плюс к тому есть и мощная (возможно, мощнейшая!) линия русского анархизма, который тоже занимает видное место в национальном и мировом борении духа. Анархизм — особенно как раз русский — превращает общину даже в идеал и нации, и человечества. «Кто знает безвыходное, просто критическое положение нашего народа в экономическом и политическом отношении, — писал М. А. Бакунин в 1870 г., — а с другой стороны, решительную неспособность нашего правительства, нашего государства не только изменить, но хоть сколько-нибудь облегчить его положение — неспособность, вытекающую не из того или другого свойства наших правительственных лиц, а из самой сущности нашего государственного строя в особенности и вообще всякого государства, — тот непременно должен прийти к заключению, что русская народная революция неминуема. Она не только отрицательно, она положительно неминуема, потому что в нашем народе, несмотря на все его невежество, исторически выработался идеал, к осуществлению которого он прямо или незнаемо стремится. Этот идеал — общинное владение землею с полною свободой от всякого государственного притеснения и от всех поборов. К этому стремился он при Лжедмитриях, при Стеньке Разине, при Пугачеве и стремится теперь...» (Бакунин М. А. Философия, социология, политика. — М., 1989, с. 540).

Обстоятельно и в высшей степени аргументированно доказывал неразрывность идеи анархии и идеи общинности П. Кропоткин. Он пытался вывести анархизм, можно сказать, из самой природы, по крайней мере — из данных

естественных наук и далеко вышел за пределы русского анархизма, выдвинув идею анархии как единственно возможной социальной справедливости. И логика его такова: «Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму» (Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. — М., 1990, с. 46). Вместе с тем как анархия немыслима без общины, так и коммунизм есть община. Собственно, всякая община, согласно П. Кропоткину, только тогда и является сама собой, когда она самоуправляется, — а самоуправляется она тогда, когда ее не угнетает какое бы то ни было государство. Стало быть, где нет государственного принуждения, там и должна существовать община.

П. Кропоткин расходился с народниками не в идее общинности, которую он развивал последовательней, чем они, а в понимании роли государства, которое он, как все анархисты, отрицал в самом его принципе. Русская крестьянская община рассматривалась Кропоткиным, в сущности, в качестве известного прообраза будущих коммунистических общин, и факт уничтожения крестьянских общин в Западной Европе он расценивал отрицательно.

К изучению анархизма и его родственной связи с социализмом нам надо приступить заново. Из сознания нынешнего интеллектуального слоя нашего общества, в сущности, выпал тот факт, что самой привлекательной формой анархизма и одновременно безгосударственного общинного социализма стало учение Л. Толстого. Ленинская критика его нуждается в переосмыслении и объективной научной оценке. А в особенности пагубно нынешнее стремление завуалировать то, что Л. Толстой в конце концов открыто, действием встал на позиции пусть и патриархального (много ли в этом в наше время беды?), но социализма... И не отвержением ли толстовского социализма все мы вместе вырыли яму тому, что было самого светлого в русской революции?

К ранее сказанному, однако, надо добавить: религиозные (и иные) секты в России существовали (и существуют) тоже в форме общин. Со времен Аввакума сохранялись веками по всей стране общины раскольников. А общины баптистов, евангелистов, духоборов?.. Общинный дух витал изначально и в армии, в казарме, в обстановке боевых действий. Община — людское братство, а братство может складываться вовсе не обязательно при наличии только высоких помыслов. Оно наиболее ярко проявляет себя во всякого рода тяжелых обстоятельствах для составляющих его индивидов. Только полное непонимание того, что общинный дух сильнее всего являет себя как раз в беде, послужило причиной яростной критики советскими гуманитариями общинной круговой поруки, представляющей наперекор этому самым радикальным способом даже и выживания общины. Именно это — круговая порука как средство «круговой обороны» — делает возможным использование общинных принципов также и в различных предосудительных, даже преступных сферах приложения человеческих сил. Тут есть своя универсальность. Но зло способно прилипнуть вообще ко всему.

Короче: общинный образ жизни с незапамятных времен был (во многом все еще и остается) поистине спасительным. В России — в особенности. В сущности, мы вряд ли сможем с Вами вспомнить хотя бы одну «необщинную» великую личность России, которая была бы соотносима по своим масштабам с именами, какие выше названы в числе приверженцев российской общинной самобытности. Тоненькая это нить — «западники» — Чаадаев, Кавелин,

Чичерин, Катков, Стасюлевич... Потом — Плеханов и социал-демократы... Далее — П. Струве, П. Миллюков, «Вехи»... Тонюсенькая нить.

Я уже отмечал ранее, что истинный и всемогущий родоначальник русского «западничества», Петр I, лишь по своим видимым устремлениям был «западником». Но как раз именно тем, что он, пусть по неведению, сохранил и общину, и ее закрепощенность применительно также к промышленности, он же фактически и закрыл России путь к нормальному капиталистическому развитию. Ирония истории!

Любопытно, но и декабристы, которых относят к ранней в XIX в. волне «западников», вовсе не были в этом сколько-нибудь едины. Наиболее влиятельная среди них фигура — П. Пестель — в самых решающих пунктах своей социальной программы исходил из существования опять-таки общественной, коллективной собственности на землю. Это и дало основание Герцену утверждать: Пестель «был социалистом прежде, чем появился социализм» (Собр. соч., т. 7, с. 199—200). Возможно, он и знал о существовании крестьянской общины, а потому исходил из общей крестьянской собственности как из факта российской действительности.

Разве не очевидно ныне, что не могла — да к тому же столь легко — осуществиться «западническая» концепция в судьбах России? Пусть это и следовало из предсказаний Энгельса, Плеханова, раннего Ленина и их нетворчески мыслящих последователей — как меньшевиков, так и большевиков. Не говоря уже о прогнозах «постепеновской» и любой другой слепо уповавшей на Запад интеллигенции.

В вопросе о решающей роли именно Запада в исторических перспективах России были близки позиции почти всех политических партий страны (особенно по мере приближения 1917 г.). За исключением, конечно, народников, потом — левой части эсеров и вообще трудовиков.

Причин для заблуждений, разумеется, было более чем достаточно.

Но сначала — об ошеломляющей, а потом и попавшей в трагическую ситуацию концепции К. Маркса, ведь все-таки именно он был Голиафом в сфере социальной мысли. Первое, чем такое утверждение доказывается, — это, думаю, все же то, что о России Маркс мыслил не фрагментарно (в отличие от его эпигонов), а в сопоставлении нашей отечественной истории с многообразием путей развития всего человечества. Он вообще отрицал «единую линию» в движении многоликой земной цивилизации к социально справедливому (тоже многоликому) состоянию. Между тем Энгельс и Плеханов исходили из существования «общей линии» мирового развития, одной-единственной для всего света. Каждая нация, согласно их концепции, должна обязательно исчерпать все возможности капитализма. Маркс же в особенностях истории России увидел перспективу осуществления «русской альтернативы»; более того, он делал выходы также и в пределы других альтернатив, в частности — индийской, да и вообще в сферу перспектив стран Востока, где сохранялся общинный способ производства, который к тому же много старше российского.

Здесь мы вынуждены выйти за сферу обстоятельств утайки письма Маркса. Для нас с Вами и для старших и младших советских современников наших история приготовила ловушку, в которую все мы — кто надолго, а кто навсегда — влетели... Если Плеханов и плехановцы утаили письмо Маркса о судьбах

России, то Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме», выступая тоже от имени марксизма, буквально вычеркнул из сознания нашего общества целый способ общественного производства... У Маркса, если помните, совершенно четко сформулировано такое, несомненно, важнейшее для его учения положение: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как *прогрессивные* эпохи экономической формации» (Соч., т. 13, с. 7; курсив мой. — Г. К.).

Сталин в упомянутой его работе, ставшей циркуляром для сферы духа советского общества, дал перечень ступеней в развитии человечества во многом иной. «Истории известны, — писал он, — пять *основных* типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» (цит. по: «История ВКП (б). Краткий курс», М., 1951, с. 119; курсив Сталина. — Г. К.).

Обратили ли Вы внимание (и давно ли?) на то, Раиса Павловна, что из марксовского перечисления способов производства, включающих в себя и соответствующие производственные отношения, Сталин, без всяких пояснений, *изъял азиатский способ производства?* Но азиатским способом производства Маркс называл — это можно доказать — как раз патриархальную *крестьянскую общину* (см., к примеру, Соч., т. 46, ч. 1, с. 459). И совсем подробно рассматривает он в первоначальном варианте «Капитала» («Экономические рукописи» 1857—1859 гг.), в разделе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», этот же азиатский способ производства — в параграфе «Азиатская форма собственности» (с. 462—464). Разве же это его описание не есть характеристика также и русской патриархальной крестьянской общины? «Земля... — пишет он, — арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности коллектива*, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена» (с. 463; курсив Маркса. — Г. К.).

А далее и вообще все сходится один к одному в сравнении с русской общиной: «Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение (т. е. общая собственность на землю), сама может реализовываться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит то обстоятельство, что, как в большинстве основных азиатских форм, *объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*. Так как это *единое начало* является действительным собственником и действительной предпосылкой общей собственности, то само оно может представляться чем-то *особым*, стоящим выше этого множества действительных отдельных общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности, или собственность... представляется для него опосредствованной тем, что объединяющее единое начало, реализованное в деспоте (! — Г. К.) как отец этого множества общин, предоставляет надел земли отдельному человеку через посредство той общины, к которой он принадлежит...» (там же; курсив Маркса. — Г. К.).

Здесь речь, ясное дело, о *закрепощенной* общине, существующей и в условиях феодализма. И тогда абсолютизация власти монарха становится определенной необходимостью в сознании самих общинников. Сама же по себе община — при условии, что она не порабощена, — однако, воплощенный демократизм. В этом последнем смысле она — образ жизни.

Маркс позже показывает, что ликвидация всякой зависимости общины от порабощения и является для нее возможностью сохраниться до будущих времен. Вместе же с тем он рассматривает и стадии отмирания общины — именно в Западной Европе. Далее еще вернусь к тому, что Маркс вовсе не начинает в письме к В. Засулич от 8 марта 1881 г., а, напротив, заканчивает в нем и в предисловии к русскому изданию «Манифеста» свое принципиально важное учение о «русской альтернативе». Впрочем, и без того ясно, что Сталин никак уж не случайно прихлопнул вопрос об азиатском способе производства: рассмотрение в нашей системе гуманитарного образования видов общины и ступеней ее развития слишком уж прямой дорогой вело к пониманию того, что именно коллективизация в нашей стране явилась завершающим этапом уничтожения общины — сугубо феодальными мерами. Горе пришло к крестьянам с неожиданной стороны: идея коллективизма, доведенная до абсурда, решила судьбу общины по видимости некапиталистическим путем — но это был государственно-капиталистический путь, а не социализм.

Впрочем, и об этом — потом. А сейчас подчеркну, что изъятие из учения Маркса именно той его части, где анализируются, в сущности, основные социальные формы общинности как исконной демократии, смертельно перекосило все социальное мышление в нашей стране и, разумеется, незаслуженно скомпрометировало, как теперь видим, и само авторское марксистское учение. Перекос же этот и не мог не принять опасного характера потому, что из двух коренных начал и окончаний человеческого бытия — коллективизма и индивидуализма — оба поочередно подверглись в нашей стране дискредитации. Оба! Маятник истории, нормально качаясь, посередине не останавливается...

Попутно замечу (в связи с тем, что затронул главное положение Маркса о патриархально-крестьянском (азиатском) способе производства как о ступени в развитии человечества, а не только России) — Маркс ведь утверждает, что «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации».

Но — заковыка: слово «формация» употреблено Марксом в единственном числе... Первобытно-общинный способ производства в данном контексте и во все опущен, будущий, коммунистический период — тоже... И это — у Маркса... Вы не думали об этом?

Насчет прогрессивности. Все мы и всё, конечно, помним: в конце концов дело свелось к безответственному восхвалению «социалистической» стадии. Хотя Маркс в своем перечислении способов производства о ней и не упоминает... У рьяных и бесчисленных приспособленцев все это, как известно, вылилось в то, что все социальные ступени (кроме «социалистической») стали трактоваться ими как противоположность прогрессу!

Беда же была тут, разумеется, и в другом — в результате неточностей в переводе текстов Маркса на русский язык исчезла немаловажная «тонкость»:

очень трудно увидеть, что перечисленные им способы производства («азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный») Маркс относит к одной и той же, к общей для них всех *формации*... У основоположника «формация» и «способ производства» — стало быть, понятия *различные*! Я вынужден был сделать этот вывод в связи со следующим: во-первых, Маркс, как видим, к одной и той же *формации* относит не один, а четыре способа производства; во-вторых, у него более уже никогда (ни до, ни после) речи о *формациях* (за исключением нижеследующего случая) не идет; в-третьих, через много лет, после 1857 г., он действительно вновь возвращается к проблеме «формации» и никак при этом не противоречит себе, а, напротив, продолжает углублять ранее введенное им понятие «формация». И делает Маркс это — случайно ли совпадение? — как раз в набросках письма к В. Засулич от 8 марта 1881 г.

Прошу настроиться на некоторую неожиданность: Маркс все-таки именно подчеркивает весьма и весьма большую неодинаковость понятий «формация» и «способ производства». В то же самое время он, в сущности, «вписывает» патриархальную крестьянскую общину в процесс мирового развития. Извольте напрячь внимание: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве» (Соч., т. 19, с. 419).

Итак, у Маркса возникли вполне конкретные и новые понятия — «первичная» и «вторичная» — по отношению именно к *формациям*, а не способам производства. Многое прояснилось! Оказывается, по Марксу, в развитии человечества, согласно анализируемой его концепции, «первичная» формация — это *именно первобытная коммунистическая община*. Именно первобытная! Ее последней фазой и является крестьянская патриархальная община. Подобная русской. Одновременно крестьянская община предстает переходной стадией «первичной» формации ко «вторичной» — т. е. является звеном между обществом, имеющим в своей основе коллективную собственность, и обществом, основанном на частной собственности. Не правда ли, убедительно? «Вторичная» формация в истории человечества — *это период существования частной собственности, эксплуатации, социальной несправедливости*. В эту «вторичную» формацию, в ее суть и в ее временные границы входят (кроме переходной стадии, в качестве которой выступает сельская община, соединяющая собой «первичную» формацию с «вторичной»), повторяю, *рабовладельческий строй, феодальный строй и буржуазное общество*.

В сущности, мы здесь-то и видим само действие закона триады. Маркс ведь обозначил и «третичную» — действительно синтезирующую обе предыдущие — формацию. Сделал он это в «Критике Готской программы», обозначив в качестве «третичной» формации не что иное, как *будущее бесклассовое общество* (как совокупный итог самого первого и непременно *трехступенчатого* витка *общей исторической спирали*). Согласно Марксу, между «вторичной» и «третичной» формациями тоже имеет место *переходная ступень* — «*социалистическая*». Названа она Марксом «*низшей фазой*» коммунизма. Она, в отличие от будущей бесклассовости, живет по законам именно товарно-денежных

отношений, именно рынка — в том-то ее и переходность. Впрочем, не эта ступень сейчас занимает нас с Вами сама по себе, а то, что Марксом все-таки была намечена действительно система во взглядах на человеческую историю. Но — так и осталась она для людей XX в. книгой за семью печатями... В нынешние дни на авансцену выступили самые невероятные формы исторического знахарства. Ведется травля марксизма. Нередко на уровне самого беспардонного невежества, а особенно — с позиций сознательной лжи.

Ошибочно думать, будто суждения Маркса о формациях не имеют отношения к нашей с Вами полемике. Маркс вернулся к понятию формации в набросках письма к В. Засулич по очень серьезной причине: он осмысливает именно конкретно-историческую роль крестьянской общины как объективно *необходимой ступени* в развитии человечества (при переходе его от первобытного коммунизма к эпохе классовых обществ, основанных на социальном неравенстве). Он и называет эту переходную ступень «азиатским способом производства». Но, как можно понять, вовсе не потому так называет, что в этом способе имеется какая бы то ни было историческая ущербность (напротив, это — именно всеобщая ступень в истории человечества), а потому, что данный способ производства в Европе уже сыграл роль переходной ступени. В Азии же, возникнув много раньше, чем в Европе, этот способ такой *переходной* ступенью не стал, а сохранился у огромных масс людей как *постоянный образ жизни* практически до сих пор. В каждом отдельном национальном варианте он, конечно, тоже отделен от своей самобытности.

Нам с Вами придется запомнить это утверждение Маркса: сельская патриархальная община составила собой переходную ступень в движении западного человечества от первобытного коммунизма к классовым обществам — иначе сказать, к эпохе отчуждения и самоотчуждения.

Далее мысль Маркса делает действительно захватывающий поворот — сразу же за рассуждениями его о трех формациях в жизни стран Западной Европы. «Значит ли это, — пишет он, — что исторический путь земледельческой общины должен неизбежно привести (и в других странах. — Г. К.) к этому исходу?» Т. е. к тому, что эта община становится действительно переходной ступенью к рабовладению или феодализму и растворяется в них. «Вообще нет. Ее врожденный *дуализм* допускает *альтернативу*: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от *исторической среды*, в которой она находится» (Соч., т. 19, с. 419; курсив мой. — Г. К.). Вот именно: все зависит от «исторической среды»! В Западной Европе «собственническое начало» одержало в подобной же общине верх, начиная с того, как ранее всего в Древней Греции, а потом в Древнем Риме патриархальная коллективистская община превратилась в общину, где собственность на землю стала с незапамятных времен частной. А, скажем, в Китае, Индии, Афганистане и других странах этого не случилось — и опять-таки до самых новейших времен. Этого не случилось и в значительной части Югославии.

Маркс специально отмечает, что коллективистская община кое-где сохранилась и у него на родине, в Германии. И все же в целом в Западной Европе уже тысячу лет тому назад такая община перестала существовать. Она там выполнила свою историческую миссию — своеобразного моста от первобытной

бесклассовости к обществу классовому, открыв тем самым западноевропейским странам дорогу к беспрепятственному развитию частной собственности. Это и обусловило раннее развитие капитализма в этом регионе. Таков тут «секрет»...

Но это же лишь одна, хотя для Запада и главная, альтернатива. Для России и в России сложилась иная «историческая среда». Конечно, и здесь для общины тоже никто сознательно не создавал тепличных условий, но все-таки возникло то, что вполне соответствует названию: «*русская альтернатива*». Или — «*русская идея*», если воспользоваться терминологией Вл. Соловьева, а потом Н. Бердяева и В. Розанова. Вот же что пишет Маркс: «Отвлечемся на момент от бедствий, которые давят русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Положение ее совершенно особое, не имеющее прецедентов в истории. Во всей Европе она одна только является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общественная собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда — существование одновременно с ней капиталистического производства — обеспечивает ей в готовом виде материальные условия для кооперативного труда, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее кавдинские ущелья. С помощью машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, она сможет постепенно (! — Г. К.) заменить парцеллярную обработку комбинированной обработкой. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние в ее теперешней форме, она может непосредственно стать *отправным пунктом* той экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству» (там же, с. 419—420; курсив Маркса. — Г. К.).

Ну и что же здесь есть общего с Энгельсом, Плехановым и «докооперативным» Лениным?

Всю-то свою жизнь Вы пишете, однако, об этом «общем», Раиса Павловна... Разве тем самым не участвуете именно в сокрытии принципиально важных идей Маркса о России? И разве не ясно из мною только что процитированного, что Плеханову и его группе (при их столь противоположных Марксу взглядах на исторические перспективы России) оставалось или открыто пойти против Маркса в столь важном пункте, или до неузнаваемости перетолковать его. Открыто пойти против него они не могли, поскольку в этом случае они ставили себя в ложное положение и по отношению к учению Маркса в целом. Перетолковать же его позицию им мешало его письмо В. Засулич от 8 марта 1881 г.; в нем сказано все так определенно. Оставалось одно — сделать вид, что письма-то и не было...

Впрочем, наметившийся анализ идей Маркса о России, пока не выведенных из плехановского и большевистского «подполья», необходимо осуществить более основательно. Попытаюсь это сделать в следующем письме. Всего Вам наилучшего.

Г. Куницын,
19. II. 1991 г.

(Окончание следует.)

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Татьяна ПРОХОРОВА

КОЛЛЕКЦИЯ СИБИРСКОЙ НАРОДНОЙ ИКОНЫ

Фонды изобразительного искусства Новосибирского государственного краеведческого музея насчитывают около 7 500 предметов. Это несколько подразделов: «Графика оригинальная» (2 600 единиц), «Плакаты» (3 000 единиц), «Живопись» (650 единиц, среди которых более 270 икон) и «Скульптура» (около 600 единиц). Коллекция карт (500 единиц) также передана в фонды изобразительного искусства, поскольку требует того же способа хранения, что и плакатная графика.

При комплектовании коллекций изобразительного искусства первичным критерием отбора, безусловно, является их художественная ценность, но преимущество все же отдается произведениям, имеющим историческое или краеведческое значение, что отражается в тематических рубриках, общих для всех фондов музея, — таких, например, как «История города», «Гражданская война в Сибири», «Этнография Сибири», «Православие в Сибири». Нужно отметить, что озвученный выше критерий — не абсолютное правило, о чем свидетельствует большая коллекция африканского искусства и этнографии, собранная музеем, и коллекция работ московского художника-нонконформиста Элия Белютина, переданная в музей вдовой автора, искусствоведом Ниной Молевой.

* * *

Сегодня речь пойдет об иконах, хранящихся в Новосибирском государственном краеведческом музее, и рассказ о них будет повествованием не только о судьбе предметов — но неизбежно и о музейном проектировании и реализации музейных проектов, об экспозиционной, просветительной и научно-исследовательской работе, о том, что составляет жизнь музея, определяет смысл его существования. Впрочем, обо всем по порядку...

Музейный предмет, если вдуматься, вещь уникальная — это материальный фрагмент прошлого. У каждой вещи есть своя история жизни, создания, бытования, и, собираясь в коллекции, артефакты рассказывают нам о целой эпохе, свидетелями и участниками событий которой они были, становятся связующей нитью памяти поколений. Задача музея — эту историю изучить, сохранить и донести до посетителя.

Икона-картина «Знамя Ермака»

В этой связи хочется рассказать об одной сибирской иконе из нашей коллекции. Икона эта неприметна на первый взгляд — даже не входит в основное хранение и находится в научно-вспомогательном фонде по причине необычности ее иконографии, материалов, из которых она выполнена, и низкого художественного уровня, но история, открывшаяся в процессе ее изучения, делает этот предмет экспонатом интереснейшим.

...Небольшая картина, изображающая иконописный сюжет, выполнена на фанерной основе и обрамлена грубо сколоченной деревянной рамой, выкрашенной белой краской. Колорит напоминает поздние иконы, созданные на территории Новосибирской области, в Сузуне и Кольвани, в период упадка иконописного искусства (кстати, один из сузунских иконописцев, работавший в начале XX в., сообщал, что он пишет святые иконы «чем пол да окна красят»).

Основа картины подтверждает, что мастер использовал подручные материалы: фанера, появившаяся в России в начале XIX в., первое время производилась лишь в Санкт-Петербурге, но к началу XX в. ее в стране выпускали уже десять заводов и широко использовали — делали тару, почтовые ящики, чемоданы. Данный факт позволяет предположить, что написана наша икона была не раньше самого конца XIX в., а скорее всего — в начале века XX.

Интересно и необычно само изображение — это икона св. Дмитрия Солунского, который, согласно житию, в III в. был воином и правителем Солуни. Сообразно с этим он и изображается как конный всадник в военном облачении, поражающий копьем болгарского царя Калояна, осаждавшего Салоники в 1207 г.

Традиционная иконография в нашей иконе-картине дополнена изображением темных крыльев за спиной св. Дмитрия и дуги у него над нимбом — деталей, напоминающих крылья и радугу над головой другого всадника, Михаила Архангела, в иконографии архистратига (грозных сил воеводы). Это образ архангела, летящего на красном крылатом коне, облаченного в доспехи, увенчанного короной, держащего в руках книгу, крест, кадило и копье, которым он попирает сатану, лежащего под ногами коня. Руки архангела раскинуты в стороны, между ними изображается радуга, у его уст — труба, у ног — клубящееся облако. Вот и у нашего всадника есть такие крылья и радуга, но написаны они как-то неуверенно: темно-коричневым силуэтом по коричневому же фону.

Чем можно объяснить такое странное соединение иконографии архангела и св. Дмитрия Солунского? Неграмотностью иконописца?

Но ни автор, ни место и время создания иконы точно не определены, откуда она поступила в музей — также неизвестно. По словам сотрудников музея, в 1940-х гг., когда составлялись каталоги, икона в музее уже была. То, что это икона местная, сибирская, подсказывает и название экспоната в книге поступлений НГКМ: «Картина “Знамя Ермака”». Почему именно знамя Ермака? Это дало повод для дальнейших изысканий.

Первым делом вспомнилось известное полотно Василия Сурикова «Похождение Сибири» (1895 г.), посвященное ключевому событию сибирской истории — битве на Чувашском мысу 26 октября 1582 г., событию, с которого началось освоение Сибири русскими первопроходцами. На картине мы видим дружину Ермака, переправляющуюся через реку на стругах, над которыми развеваются знамена: одно с образом Спаса Нерукотворного, а другое — с изображением всадника. Во всех письменных источниках указано, что это Георгий Победоносец, но, если присмотреться, можно отчетливо разглядеть детали иконы Архангела Михаила Воеводы — радугу, крылья, корону на голове, а копьем он попирает беса. Историческое полотно демонстрирует нам самые распространенные изображения русских боевых знамен, но так ли выглядели знамена, сопровождавшие легендарного казачьего атамана, на самом деле?

Существует несколько письменных свидетельств о знаменах Ермака, которые описывают иные изображения. В Сибирь в конце XVII — начале XVIII в. шли и другие отряды казаков-первопроходцев, у которых, конечно, также были свои знамена. Все они хранились в сибирских храмах, многие из них позже также приписывались Ермаку.

Три знамени Ермака числятся в описях Оружейной палаты. Сами знамена также сохранились до наших дней. В «Ведомость, учиненную в московском Арсенале о приходе и расходе по книгам сибирским достопамятным вещам. Марта 1 дня 1827 года» «записаны в приход, доставленные Командующим

Табольским Артиллерийским Гарнизонам Подпоручиком Широковским сибирские достопамятности а именно: Знамена: в том числе на китайке, с обложением по краям кумачом, бывших при завоевании Сибири Ермаком Тимофеевичем, в царствование Царя Ивана Васильевича, со знаками льва и единорога, сражающихся 1582 года два, на голубой китайке с изображением с обеих сторон Архангела Михаила с Иисус Наввином одно»¹.

Здесь речь идет тоже об архангеле Михаиле, но это ветхозаветный сюжет явления еврейскому полководцу Иисусу Навину архангела Михаила с обнаженным мечом перед взятием города Иерихона.

В Сибири известно еще одно знамя Ермака, славу которого поддерживают наследники атамана — сибирское казачество. Об этом знамени известно, что до 1883 г. оно хранилось в Воскресенском соборе г. Березова Тобольской губернии, но затем хлопотами генерал-губернатора Г. А. Колпаковского и в ознаменование 300-летия присоединения Сибири было доставлено в Омскую Никольскую казачью церковь, получившую в 1916 г. статус собора Сибирского казачьего войска.

В начале 1918 г., когда у власти были большевики, атаман Б. В. Анненков, желая привлечь на свою сторону сибирских казаков, взял легендарное знамя из собора и торжественно проследовал под ним по улицам Омска, а затем, уходя от погони, умчался по льду Иртыша в кокчетавские степи. Потом наступило время правления Колчака, и в конце 1918 г. реликвию снова торжественно вернули храму. Безвозвратно следы знамени исчезают с приходом советской власти: было ли оно уничтожено или вывезено за границу — до сих пор точно неизвестно.

В процессе поисков его изображения была найдена лишь информация в Интернете: «В 1996 г., к 280-летию Омска по заказу городской администрации была изготовлена копия одной из сторон легендарного Знамени, которая ныне хранится в Омском Свято-Никольском Казачьем Кафедральном Соборе».

Известно, что для восстановления знамени использовались письменные и иллюстративные источники. Один из них, дающий наиболее полное представление об изображении, — иллюстрация из книги «Живописная Россия», вышедшей в издательстве товарищества М. О. Вольф в XIX в. («Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» / под общ. ред. П. П. Семенова. — СПб., М., [Тип.] М. О. Вольф, 1881—1901. — Т. 11. Западная Сибирь. — 1884).

Это двенадцатитомное издание стало одним из самых дорогостоящих в истории российского книгопечатания, поэтому сразу же попало в разряд библиографических редкостей. Оно содержит гравюры с изображением обеих сторон легендарного стяга — это холщовое полотнище в длину и ширину 1 аршин 6¼ вершка. На одной его стороне изображен святой великомученик Димитрий Солунский, на другой — архистратиг Михаил.

Следует сказать о значимости образов Димитрия Солунского и Михаила Архангела для Сибири, о месте данных образов в сибирской иконографической традиции.

¹ Архив Московского Артиллерийского Арсенала, дела 1827 года. Книга № 29. Цит. по: Яковлев Л. Русские старинные знамена. (Древности Российского государства, дополнение к III отделению.) — Москва, Синодальная типография, 1865. — II. Подробная опись русских старинных знамен, с. 53.

Освоения и заселения русскими сибирских земель было недостаточно, чтобы они в представлениях людей считались частью России, — в силу особенностей мировоззрения человека того времени. Святая Русь считалась землей благословенной, а чужие земли — «погаными». Даже путешествие на чужбину считалось грехом, что же означало переселение в чужие земли насовсем? Поэтому освоение Сибири, ее становление как части Российского государства было делом не только политическим, хозяйственным, но и духовным.

Первые иконы, хоругви и знамена с иконописными сюжетами появились в Сибири в XVI в. — с первыми русскими людьми, ступившими на эту землю. Эти иконы, намоленные нашими предками, покровительствовали первопроходцам, отправлявшимся в смелый и опасный путь в неизвестную страну, эти иконы — свидетели прирастания России Сибирью.

Известно, что у дружины Ермака во время ее первого похода в Сибирь кроме знамен была с собой также походная часовня. Как указывал в 1860-е гг. А. И. Сулоцкий, «Ермаковых икон в Тобольском соборе... сохранилось до настоящего времени до семи»².

Композиция иконы из походной часовни Ермака в своей основе представляет деисус: от Христа слева Богоматерь, справа Иоанн Предтеча в позе предстояния. За ними Николай Чудотворец и Димитрий Солунский, а у краев доски — архангелы Михаил и Гавриил.

Почитание икон Михаила Архангела в иконографии Воеводы грозных сил русским воинством традиционно (известно, что он был на знамени царя Ивана Грозного в 1560 г.). Именно в то время, когда сюжет был особо популярен, первопроходцы и отправились в Сибирь. Позже в России стало более почитаемо другое изображение архангела (ростовое, с огненным мечом); в Сибири же изображение архангела-всадника было настолько распространенным, что подобные иконы есть практически в каждом сибирском музее.

Образ Димитрия Солунского, также присутствовавший на знаменах и иконах Ермака, имел для сибиряков большое значение — в старинных русских стихах великомученик Димитрий представляется помощником русских в борьбе с Мамаем, почитается как небесный покровитель православного воинства. Известно, что для решающей битвы на Чувашском мысу Ермак, специально выждав время, избрал день св. Димитрия Солунского. После победы в этом сражении святой стал считаться покровителем новой земли, присоединяемой к России. Позже С. У. Ремезовым, знаменитым иконописцем, зодчим и летописцем сибирским, в Тобольске были заложены известные Дмитриевские ворота — первое в Сибири триумфально-мемориальное сооружение, символизирующее вход России в Азию, а в XIX в. было учреждено православное епархиальное братство Димитрия Солунского.

Вернемся к изображениям знамени Ермака в «Живописной России». Если внимательно рассмотреть гравюру одной из сторон, ту, где изображен св. Димитрий, и нашу икону-картину, можно обнаружить полную идентичность композиции и рисунка. Совпадают даже мелкие и незначительные детали, в том числе — «необъяснимые» крылья и радуга, которые присутствуют также и на гравюре.

Приглядевшись к изображению на другой стороне знамени (архангел Михаил Воевода, для которого характерны и крылья, и радуга над головой), мы

² Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сочинения: в 3-х тт. — Тюмень, 2000. — Т. 1. О церковных древностях Сибири. — С. 87.

увидим, что основные контуры всадников и коней обеих сторон совпадают, что было очень удобно при совмещении двустороннего шитого изображения, а вот крылья и радуга, которые были только с одной стороны, «просвечивают» от ветхости полотна.

Гравюра до появления фотографии была способом документирования различных изображений. Граверы выполняли портреты, входили в состав научных экспедиций для точной фиксации различных археологических находок, видов местности. Так как «Живописная Россия» — сборник научно-этнографический, гравер мог подойти к вопросу изображения знамени как к составлению документа и запечатлеть просвечивающие детали легкой штриховкой только потому, что его задача состояла в точной фиксации внешнего вида стяга. Причем источником изображения для него могло служить как само полотнище знамени, так и его фотография (в книги фотографии тогда еще не входили, так как первые фотоснимки по качеству картинки значительно уступали гравюрам, а сложностей с тиражированием их было гораздо больше). В наше время на компьютере был выполнен контурный рисунок силуэта всадника с гравюры, а затем выполненный контур перенесли на фотографию иконы.

В результате можно с уверенностью утверждать, что именно гравюра явилась источником изображения для иконописца. Причем совпадения настолько точны, что можно даже предположить, что он не перевел абрис на доску известными иконописцам способами, а прямо раскрасил гравюру, наклеенную на фанерную основу. Тем более что на полях имеются царапины, которые обнажают белую основу, скорее всего — бумагу.

Был ли этот предмет иконой (моленным образом) или висел в раме как некая «сибирская картинка», сказать трудно, но несомненно одно: сюжеты знамен Ермака для сибиряков имели огромное духовное значение, будучи символом и свидетельством обретения русскими переселенцами в Сибири новой родины. Особенно интересен тот факт, что сначала икона стала иконографическим источником для изображения на знамени, а затем знамя, прославившись, в свою очередь стало источником для новых изображений, в том числе — для новых иконописных образов.

«Знамя Ермака» — один из первых предметов коллекции икон нашего музея, возможно, его ровесник. Всего же в коллекции сибирской иконы, напомним, около 300 предметов, и практически о каждом из них можно рассказать подобную историю.

* * *

Начало иконному собранию музея положили первые поступления 1920—1930-х гг. — это иконы, некогда бытовавшие в домах горожан, а в течение первых советских лет постепенно убиравшиеся подальше от глаз — как вещи, ставшие приметой «старого мира», но по-прежнему имеющие семейную ценность. Дальнейшая их судьба очень разная: некоторые были уничтожены, о некоторых мы сегодня можем говорить только благодаря тому, что они попали в музей. К сожалению, первая документация музея была утрачена во время Великой Отечественной войны, а довоенные экспонаты были повторно зафиксированы в книгах поступлений в 1948 г., поэтому и сведений о датчиках не сохранилось. В послевоенное время, когда музейные ящики были распакованы, а предметы описаны, в коллекции уже было более 20 икон.

Богоматерь Казанская

Что это за иконы? В плане сюжетики половина из них — иконы Богоматери разных изводов, из оставшихся треть — Спас Вседержитель, а также Николай Чудотворец, Сергей Радонежский, Пантелеймон Целитель, святые Самон, Гурий, Авив.

В плане техники — большая часть написана маслом на дереве, остальные — темперой, а одна из икон, «Богоматерь Казанская», — литография товарищества И. Д. Сытина (Москва, 1917) в чеканном окладе работы мастерской династии Крестьяниновых.

В этой части коллекции есть свои раритеты — например, большая старообрядческая икона святителя Николая Чудотворца ветковского письма, которая по художественной ценности и по уровню мастерства и сегодня является одной из лучших в собрании.

Есть также две иконы уральской работы — подписная икона Василия Грязнова³ «Богоматерь Казанская» и образ Богоматери «Всех скорбящих радость».

³ Словарь русских иконописцев XI—XVII вв. / ред.-сост. И. А. Кочетков. — М., 2009. — С. 170.

Образ Богоматери «Всех скорбящих радость»

Интерес представляют икона Спаса Вседержителя и еще один образ Богоматери «Всех скорбящих радость», первая из которых атрибутирована как икона иркутского письма. Они довольно схожи стилистически и действительно переключаются с образцами восточносибирской иконописи.

Первые поступления отражают примерный состав икон Новониколаевска и его окрестностей конца XIX — начала XX в. Безусловно, они являют далеко не полную картину, но все же дают вполне объективную информацию о сюжетике, стилистике и технологии изготовления бытовавших здесь икон.

Значительно дополняют картину иконного фонда края музейные сборы 1970-х и начала 1990-х гг., осуществленные в экспедициях и поездках по Кольванскому, Маслянинскому, Тогучинскому, Ордынскому, Сузунскому и Кыштовскому районам Новосибирской области.

Образ Богоматери «Всех скорбящих радость»

Среди икон, собранных в селах области, много литографий — хромолитография Е. И. Фесенко (Одесса), литографии в чеканных окладах Жако (Москва).

Известно, что в начале XX в. в России печатная и штампованная продукция повсеместно вытеснила рукописную икону, считаясь более современной, качественной и доступной. Но, как водится, в провинции старые традиции живут несколько дольше, поэтому рукописные иконы в сибирской народной среде все же составляли большинство, многие из них написаны в традициях украинских переселенцев (икона Святителя Николая), встречаются иконы уральского письма, например, образ «Спас Вседержитель».

Определенный интерес представляют две иконы от одной сдатчицы из Кольвани — икона Богоматери Иверской, привезенная с Афона, и великолепная икона по золоту «Введение во храм». Наличие икон такого уровня в Кольвани

Спас Вседержитель

отсылает нас к историческим фактам: в XIX в., задолго до появления города Новониколаевска, в Кольвани и Сузуне работали две крупнейшие торговые ярмарки, проживало зажиточное купеческое население.

Наряду с привозными иконами на ярмарках сбывались и образа местного промысла. Поддерживаемые ярмарочной торговлей и налаженными транспортными коммуникациями, в Кольвани и Сузуне с середины XIX в. возникли и развивались центры народного иконописания. Наиболее широкий ареал бытования получили иконы Сузуна, которые через ярмарку распространялись по всей Сибири. Сегодня сузунская икона встречается «в городах, поселках и деревнях, в коллекциях музеев, частных собраниях и в антикварных салонах Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской областей, а также Алтайского края и Северо-Восточного Казахстана»⁴.

Сузунские иконы в коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея стоит отметить особо, как составляющие интереснейшую часть коллекции.

Шесть икон местного письма были приобретены у жителей Сузуна в экспедиции 1987 г. В это время, как результат такой же экспедиционной работы, уже существовала коллекция сузунской иконы в Новосибирской картинной галерее

⁴ Чернов М. Сузунская икона // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. — 2011. — № 10 (90). — С. 8.

**Сузунская икона «Святой Архангел Михаил
(Архистратиг Михаил — грозных сил воевода)»**

(ныне — Новосибирский государственный художественный музей), была уже опубликована в журнале «Музей» известная статья научного сотрудника галереи Н. Г. Велижаниной о народной иконе Новосибирской области⁵. Надежда Глебовна стала пионером в исследовании народного иконописания на территории области, ее публикации — до сих пор самый информативный источник по данной теме; иконы краеведческого музея также были атрибутированы ею.

* * *

Сегодня иконы сузунского письма есть практически в каждом сибирском музее, но необходимо отметить, что коллекции Новосибирского художественного, Новосибирского и Сузунского краеведческих музеев имеют важное историческое значение, так как собраны они непосредственно в Сузуне и его окрестностях, у людей, которые еще помнили происхождение этих икон.

В 1990-е гг. иконы поступали из редких закупок, даров жителей города и области, а также передавались таможенной, будучи конфискованными при попытке вывоза за рубеж. Это значительная часть коллекции, в основном начала

⁵ Велижанина Н. Г. Народные иконы Новосибирской области из Новосибирской картинной галереи // Музей. — 1983. — № 4. — С. 87—92.

Сузунская икона «Святая великомученица Екатерина»

XX в., часто в серебряных окладах. Интересно, что среди конфиската оказались местные образы, явно не имеющие высокой стоимости на рынке: сузунская икона «Спас Вседержитель» не самой лучшей сохранности и образ Параскевы Пятницы в киоте, также сибирского письма.

Из вышесказанного следует, что первоначальный иконный фонд музея сложился стихийно. В первые советские годы иконы поступали в музей как «предметы старого быта». Позже, в 1980—1990 гг., иконы собирали вместе с другим этнографическим и фольклорным материалом, и именно в этом качестве они и рассматривались. Сегодня же первые поступления стали отправной точкой для научного подхода к формированию концепции комплектования: они показатель стилистики и сюжетики икон, имевших хождение и бытование в регионе.

В начале XXI в. небольшое иконное собрание музея получило новое направление развития. При определении общей концепции комплектования фондов было рассмотрено собрание живописи и определена возможность создания на основе имеющихся икон коллекции сибирской народной иконописи. Говоря о формировании коллекции, необходимо отметить личный вклад научного сотрудника Т. В. Гришановой, на протяжении многих лет занимавшейся комплектованием фондов и изучением иконы в нашем музее⁶.

⁶ Гришанова Т. В. Сибирская икона: территория открытий // Православное искусство в современном мире. Всероссийская научно-практическая конференция. — Красноярск, 2013. — С. 66—75.

Точное определение понятий «сибирская икона» и «народная икона» играет в вопросе комплектования коллекции решающую роль, так как четко очерчивает круг памятников, которые могут в нее входить.

Действительно, что считать сибирской иконой? Являются ли сибирскими привозные иконы, попавшие в Сибирь из Центральной России с переселенцами? Казалось бы, нет, но именно эти образы стали фундаментом развития сибирской иконы. Сам процесс переселения довольно продолжителен по времени (с конца XVI до начала XX в.), были приезжие мастера, продолжавшие в Сибири иконописные традиции своих родных мест, поэтому одновременно бытовали и привезенные образы, и написанные на месте. В этих условиях провести грань между иконами, разделив их на сибирские и не сибирские по принципу места создания, вообще не представляется возможным, как нет возможности и определить какой-то единый стиль в сибирском иконописании, отражающем всю переселенческую географию: от Русского Севера, Владимира и Суздаля до украинских и южнорусских окраин. По сути, сибирская икона — это поздняя икона русских провинций.

В то же время утверждать, что феномена сибирской иконы не существует, было бы неверным, потому что русские иконные изводы на сибирской земле имели свою историю бытования и почитания, свое развитие иконографии, отличное от европейской части России. Позже являлись и прославлялись на территории Сибири местные иконы, появлялись новые сюжеты и образы. Складывалась сибирская иконографическая традиция, и именно она, а не стилистика — вот, пожалуй, то объединяющее начало, которое определяет «сибирскость» иконы. В этой ситуации корректным представляется назвать сибирской ту икону, которая в Сибири бытовала.

Следует подчеркнуть, что в коллекцию нашего музея входят не только экземпляры сибирского письма, здесь есть образы, привезенные из европейской части России, но бытовавшие в Сибири и именно по этому признаку объединяемые.

Определение «народная икона» также требует уточнения. Народными обычно принято называть те, что созданы вне церковной среды иконописцами-ремесленниками для заказчиков с небольшим доходом и непритязательным вкусом. Стилистически народная икона также очень разнообразна: она обнаруживает и наивную трактовку сюжетов с упрощением иконографии, и примитивную технику живописи, и приемы академического письма разных уровней мастерства, и традиции стилизованной скорописи, и элементы фольклора. Таким образом, для комплектования коллекции сибирской народной иконы решающим фактором является не место создания и не единство стилистики, а условие бытования в Сибири, в народной среде.

Так определяется музеем концепция комплектования коллекции на протяжении уже более двух десятков лет, и в соответствии с разработанной концепцией музейные специалисты пополняют коллекцию из частных даров и на антикварном рынке.

* * *

Новосибирский государственный краеведческий музей — это целая структура отдельных тематических экспозиций. Существовавшие две основные экспозиции на тему природы и истории края в 2016 г. дополняются тематическими филиалами: в историческом здании Главпочтамта, построенном по проекту сибирского архитектора А. Н. Крячкова, открылись два музея — «Музей связи Сибири» и «Музей олимпийской славы». В 2017 г. также стартовали два

проекта — «Городская усадьба Новониколаевска» (заменявшая экспозицию Дома-музея С. М. Кирова) и сибирский филиал федерального проекта «Россия. Моя история».

В том же году к 250-летию со дня основания Сузунского медеплавильного завода и единственного в Сибири монетного двора в рабочем поселке Сузун нашим музеем был открыт музейно-туристический комплекс «Сузун-завод. Монетный двор», ставший впоследствии ключевым объектом областного туризма.

Музейный проект в Сузуне уникален тем, что является результатом многолетней плодотворной работы многих сотрудников: здесь были произведены археологические раскопки, реконструирован один из меднолитейных цехов на подлинном фундаменте, по чертежам XVIII—XIX вв. смонтированы полномасштабные действующие станки и механизмы монетного и медеплавильного производства, восстановлен главный заводской водовод с действующим водяным колесом. Особенностью музейного комплекса является принцип его работы, выходящий за рамки обычной исторической экспозиции о промышленном и горнозаводском этапе освоения Сибири, — интерактивность позволяет посетителю пережить ощущение «живой истории», почувствовать себя участником реальных исторических событий. Интерактивные зоны МТК «Сузун-завод. Монетный двор» дополняют экспозицию подлинных предметов из коллекций краеведческого музея, в которой представлены нумизматика, мебель, предметы быта, иконописи и православной меднолитой пластики.

Наконец, в августе 2018 г. иконописная коллекция была практически полностью представлена в отдельной экспозиции нового Музея сибирской народной иконы в Сузуне⁷ — он стал четвертым музеем туристического комплекса «Сузун-завод. Монетный двор» и десятым музейным объектом Новосибирского государственного краеведческого музея.

Появление Музея сибирской народной иконы именно в Сузуне не случайно. Сузун — один из центров народного иконописания на сибирской земле. В старых культурных центрах Сибири (Тобольске, Иркутске, Томске) при монастырях и губернских епархиальных управлениях появлялось профессиональное иконописание, обучались церковные иконописцы. Там, где их усилий было недостаточно, появлялись в Сибири и очаги народного иконописания. Благоприятными условиями для их появления были большой спрос, превышающий предложение профессиональных иконописцев, развитые торговые и транспортные коммуникации для надежного и постоянного сбыта продукции и наличие мастеров, владеющих ремеслом и обучающих последователей.

Именно такая ситуация складывалась с конца XVIII в. в Сузуне — в это время юг Сибири массово заселялся крестьянством, что привело в XIX в. к большому спросу на иконную продукцию. Кроме того, открытие Сузунского завода и монетного двора обеспечивало постоянное движение крестьян, приписанных к заводу и работавших там в счет подушной подати несколько месяцев в году. И наконец, крупнейшая торговая ярмарка, действовавшая в Сузуне с 1836-го до 1920-х гг., обеспечивала необходимые транспортные и торговые коммуникации.

Эти обстоятельства создали условия для сбыта иконной продукции не только местному населению, но и далеко за пределы Сузуна. Что касается мастеров, то известна общая российская особенность движения иконописцев «по подрядам» и переход их к оседлости в случае нахождения источника стабильного

⁷ Прохорова Т. В. Музей сибирской народной иконы — филиал Новосибирского государственного краеведческого музея в поселке Сузун // Современный музей в культурном пространстве Сибири: материалы межрегиональной научно-практической конференции 14—16 ноября 2018 г. — Новосибирск, 2019. — С. 19—25.

дохода. Так, в некоторых исследованиях сузунской иконы⁸ выдвигаются версии возможного переселения сюда иконописца Крестьянинова из Мстёры и приводятся факты схожести ранних владимирских писем (Мстёра, Палех, Холуй) с сузунскими иконами. Действительно, на антикварном рынке и сегодня одни и те же иконы (в силу их внешней схожести) выдаются одновременно и за «Сузун», и за «ранний Холуй» — в зависимости от интереса покупателя.

Известно, что на территории современной Новосибирской области одновременно с сузунским возник и развивался иконописный промысел в Колывани. Колыванская слобода, выросшая в результате переселения крестьян с р. Ишим в Чаусский острог, в конце XVIII в. оказалась на Сибирском тракте, и, как следствие, здесь возникла торговля, развитие получили ремесла, в том числе — иконописное. Но уже в начале XX в., когда железная дорога прошла на 50 км южнее, а рядом рос Новониколаевск, значение Колывани как торгового и транспортного узла утратилось.

Кроме Сузуна и Колывани на сибирских землях известны и другие центры народного иконописания. Это Притюменье, Рудный Алтай (ныне территория Казахстана), Иркутская область, Забайкалье, окрестности Енисейска⁹.

Открытие Музея сибирской народной иконы в Сузуне — это возможность не только рассказать местную историю, но и подчеркнуть особенности подобных центров народного иконописания в Сибири.

* * *

Музей сибирской народной иконы разместился в здании церковно-приходской школы постройки конца XIX в., имеющем статус памятника архитектуры регионального значения. Здание представляет собой большой деревянный дом общей площадью более 200 кв. м и с высотой потолков около трех метров; всего в новом музее размещено примерно 500 подлинных музейных предметов, в том числе — меднолитая пластика, церковная богослужебная утварь, облачения, книги. Но главные экспонаты здесь, конечно, иконы.

При разработке музейного пространства решено было отказаться от различных цветных фонов, на которых так эффектно смотрятся храмовые иконы, богатые яркими красками и золотом. Основным фоном для экспозиции домашних образов был выбран нейтральный белый — цвет белой стены, который как нельзя лучше подходит и характеру здания, и характеру экспонатов — обычно некрупных и сдержанных по цвету, имеющих преимущественно темный коричневый колорит. Для икон специально были изготовлены застекленные витрины, защищающие их от контакта с внешними стенами деревянного строения — во избежание резких перепадов температуры и влажности — и не допускающие свободного доступа к иконам.

Уплощенная, «киотная», форма витрин и белый цвет не нарушают ощущения общей поверхности простых прямоугольных объемов помещений. В витринах устроена естественная вентиляция и не излучающая тепло подсветка, отключаемая в отсутствие посетителей. Особенностью строения является большое количество окон, что также пришлось учитывать, предусмотрев нейтральные светлые

⁸ Евтихиева И. А. Иконописная мастерская И. А. Панкрышева в Томске // Макарьевские чтения: материалы четвертой международной конференции (21—22 ноября 2005 г.). — Горно-Алтайск, 2005. — С. 284—288; Крюков Е. Н. Загадка сузунского мастера, и не только // Музей в контексте региональной культуры: 50-летию Новокузнецкого художественного музея: материалы межрегиональной научно-практической конференции 15—17 ноября 2011 г. — Новокузнецк, 2012. — С. 156—170.

⁹ Велижанина Н. Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. — Омск, 1999. — С. 199.

портьеры, рассеивающие дневной свет. Таким образом, после выполнения основных требований музейной сохранности и длительного экспонирования темперной и масляной живописи, создана своеобразная форма открытого хранения коллекции сибирской народной иконы, доступная большому количеству посетителей.

Открывает экспозицию первого зала сузунская икона, собранная в витрины посюжетно. Здесь представлены иконы Спасителя, Богородицы и Николая Чудотворца — самые распространенные и особо почитаемые образы в православном христианстве. Кроме икон сибирского письма — в коллекции паломнические иконы с Афона, несколько икон, стилистически принадлежащих к уральскому письму, ремесленные иконы владимирских сел (с. Холуй), ветковская икона.

Во втором зале расположена подборка икон избранных святых, скомпонованная в витринах по лицам святости: пророки, праведные, мученики, святители, преподобные. В третьем зале расположены витрины с семейными иконами. Здесь есть иконы парные, которые писались для молодоженов, иконы святых мужей и иконы святых жен, подобранные по именам мужской или женской части семьи, большие семейные иконы, в которых в единую композицию собраны святые покровители всех членов семьи. Таким образом, посетитель может представить себе, как возрастало количество молитвенных образов в «красном углу» сибирского дома. Отдельные экземпляры коллекции датируются концом XVIII в., но основная масса — это XIX и начало XX в. Иконы исполнены в темперной или масляной технике в традиционном иконописном стиле или в академических традициях разной степени мастерства.

Второй тематический раздел экспозиции — это православное медное литье. В коллекцию входят меднолитые иконы, кресты и складни конца XVIII и начала XX в., многие из них декорированы цветными эмалями.

Кроме трех полноценных экспозиционных помещений в музее имеется и небольшой четвертый зал, потайной вход в который закрыт двумя витринами, завершающими основную экспозицию. Здесь представлены нательные образки и кресты. Символично, что как раз за этими витринами кроется главная интрига музея, его сердце, — «тайная комната», как ее называли первые посетители.

Комната представляет собой реконструкцию интерьера кладовой частного дома, где, по легенде, тайно хранится богослужебная утварь из разрушенного храма. Многие предметы из этой части экспозиции и из других залов именно так и сохранялись в советское время, о чем рассказывают истории поступлений экспонатов. Идея создания этой части экспозиции возникла в процессе поиска корректного представления храмовых предметов в музее. В то же время это и дань отечественной истории — ведь известно, что сельские храмы в 1930-е гг. закрывались повсеместно, имущество изымалось или уничтожалось. В 1937 г. постановлением Новосибирского облисполкома такая же судьба постигла и сузунскую Вознесенскую церковь — ту самую, при которой действовала церковно-приходская школа. Не случайно именно в этом здании разместился музей иконы.

Работа музея показала большую популярность народной иконы у зрителей. Этому способствует и необычайная теплота, душевность народных образов, и «эффект узнавания», очевидный из отзывов посетителей — о том, например, что «точно такая же икона хранилась в семье и принадлежала бабушке».

Неизбежный эмоциональный отклик каждый раз производит обнаружение потайного хода в экспозицию храмовых предметов. Музей сибирской народной иконы и «тайная кладовая» продолжают и поддерживают концепцию всего музейно-туристического комплекса: не просто рассказать краеведческую историю, но помочь посетителю прикоснуться к историческим событиям, почувствовать себя непосредственным участником процесса.

Яна САФРОНОВА

ХИМЕРЫ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

Только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот своего отечества, либо мерзавцу своей жизни.

А. Островский

Два года назад мне довелось побывать на семинаре критики, проходившем в рамках одного из молодежных литературных фестивалей. Обсуждаемые тексты были разными, какие-то — более удачными, какие-то — менее, но одна работа запомнилась надолго...

Это была не парочка статей, как у остальных участников, а целая книга, изданная при содействии местного университета культуры. Тексты в ней были достаточно однообразны, при этом путеводной звездой сияло слово «традиция» — качество любого поэтического произведения (а это была именно критика поэзии) поверялось тем, продолжает ли оно «традиции классической русской литературы», правда, что есть это припечатывающее понятие и каковы его границы — ни на одной из многочисленных страниц не уточнялось. До момента обсуждения этой работы «старший» мастер отзывалась о произведениях участников сдержанно, а тут будто сработал сигнальный механизм — и заплелись кудрявые речи о глубоком понимании сути поэзии и бережном сохранении традиции! Качество это, надо понимать, родовое: ведь мы разбирали книгу дочери мастера. Но в данном случае важнее другое — на злополучный вопрос о том, что же все-таки

такое традиция, после обсуждения ответа так и не нашлось. И звезда продолжила сиять, помаргивая маячком вдали...

И ведь сколько таких «маячков» в патриотической литературе! Несомненно, делить поэзию на патриотическую и либеральную — затея непродуктивная, поэзия и настоящая литература вообще выходят далеко за рамки политических убеждений. Другое дело — литературный процесс, который четко разделен и в котором негласно установлено, что есть журналы либеральные («Новый мир», «Знамя», «Дружба народов»), а есть патриотические («Наш современник», «Москва»); есть совещания молодых писателей либеральные («Липки», семинары Союза писателей Москвы), а есть — созданные им в противовес патриотические (совещания Союза писателей России); и, наконец, есть союзы либеральные (Союз писателей Москвы, Российский союз писателей), а есть патриотические (Союз писателей России). Конечно, в жизни всегда присутствует вариативность: молодой автор из противоположного лагеря на совещаниях может обсуждаться, может даже напечататься в чуждом по убеждениям журнале, да и из 8 000 членов Союза писателей России вряд ли абсолютно все являются убежденными почвенниками,

но, если говорить о генеральной линии перечисленных журналов, организаций и мероприятий, — она всегда одна и хорошо просматривается.

И можно сколько угодно мечтать о художественном единстве и общности литературного процесса, но... Факт остается фактом.

* * *

Вот, например, недавний литературный «скандал»: у Совета молодых литераторов конфликт с руководством Союза писателей России, отцы против детей, — а начинается все с того, что на совещание зовут в качестве мастеров в том числе и писателей «либеральных», причем в то же время обсуждается возможность запрещения членства в альтернативных творческих союзах. Словом, Союз писателей России демонстрирует по отношению к оппонентам жесткую позицию, что, с одной стороны, можно понять: патриотам есть что терять, за их спинами — глыбы, великие писатели, оставившие в наследство систему, Союз, в фундаменте которого заложена высокая патриотическая идея, объединяющая прошлое и настоящее, — за это, действительно, стоит бороться. Но, с другой-то стороны, чем драгоценнее духовное завещание, тем более бережно следует к нему относиться...

Градус противостояния повышает еще и то, что Союз писателей России — самое крупное из ныне существующих писательских объединений: в его составе более 8 000 человек. Формально у Союза нет своего сайта, но есть два интернет-портала, где организация размещает свои официальные документы и отчеты о деятельности, — «Российский писатель» (под редакторством прозаика и публициста Николая Дорошенко) и сайт газеты «День литературы» (его ведет и модераторует поэтесса Валентина Ерофеева). Оба

сайта практически непрерывно обновляются — а в потоке рукописей то и дело вспыхивают те самые «маячки», знаки принадлежности, символы того, что автора можно считать «своим». Не знаю, происходит ли это сознательно, искренняя ли это убежденность и полнота чувств или конъюнктура и стратегия, однако иные тексты порой вызывают оторопь; но поскольку данный сегмент литературного процесса организован по принципу субкультуры соответствия, то для хорошо знакомого и близкого здесь всегда найдется ласковое слово...

Сейчас, пожалуй, не найти более комментируемых литературных сайтов, чем «Российский писатель» и «День литературы». Несколько лет назад я и сама была внутри процесса, вела колонку на «РП», с энтузиазмом отвечала на комментарии к ней и верила в лучшее. Но потом начала оглядываться вокруг — и оказалось, что литераторы с однообразной высокопарностью хвалят и приветствуют друг друга, пишут друг другу поэтические посвящения, ходят друг к другу на поэтические вечера, вручают друг другу премии, но из этой цепочки взаимодействий выпадает читатель. Бурливое и населенное литературное пространство замкнуто берегами и, хотя кажется себе океаном, на деле является лишь озером.

В современном Союзе писателей России состоит немало авторов, чьи произведения хочется читать и осмысливать — например, прозаики Вера Галактионова, Виктор Лихоносов, Петр Краснов, поэты Ольга Фокина, Марина Струкова, Светлана Сырнева и другие. Но на «РП» и «ДЛ» можно встретить только публикации С. Сырневой, остальные же никак не участвуют в активной деятельности порталов, дружественных Союзу. Там все больше — нескончаемая вереница рукописей, сводящихся к набору патриотических штампов, о которых и пойдет речь далее.

Энциклопедия русских деревьев

Есть такое расхожее ироническое мнение, что почвенники пишут сплошь про березки да про осинки. Да, пишут про березки и осинки в том числе, но вообще — про разнообразный и сложный мир! При этом многие упоительно слагают стихи в лирической неге, примеряя образ С. А. Есенина, скорее даже — натягивая его на себя, подлаживаясь под образцы, старательно зарисовывая жизнь туповатым грифелем, словно следуя замызганному рецепту, где перечислены составляющие «истинно русского стиха»: светящаяся/звонящая береза (1 шт.) + осина (1 шт.) + ива (1 шт.) + запах сирени по весне (разлит в воздухе) + рожь (много, колосится) + волосы ржаные (чем больше, тем лучше). У некоторых возможности художественной изобразительности на этом исчерпываются, у иных — простираются далее, устремляясь за оком...

Выразительный иллюстративный пример первого рода — поэзия Сергея Бударина, в которой и волосы — ржанее некуда:

**Я бежал в родные степи
Под гуденье звезд златых.
Да сдувало ветром кепи
У меня с волос ржаных*.**

И береза звенит:

**С весною новой не увижу
Твои поля под звон берез
И облаков резную крышу,
Забитую гвоздями звезд.**

И сосны стонут:

**Сосны глухими рядами
Стонут на диком юру.**

**Хвойными держат руками
Месяц в гудящем бору.**

Да ива плачет:

**Что ж ты расплакалась, ива,
Голову низко склоняя?
Говором нежным прилива
Речка встречает меня.**

Эх, Русь разливанная, разудалая, бежать бы босиком по травушке! Да только что ж такая маленькая она, ограниченная рядом определенных природных явлений? Получается наборная механика, скорось социологически выделенных образов, которые точно сработают. Василий Попов, коллега Сергея Бударина, работает в схожей поэтической манере, но есть добавочный элемент: подключаются животные.

Березовый мотив:

**Лес наш не высокий,
Редкий лес.
На березу сбоку
Бурундук залез.**

Меняем березу на осину, а бурундука на муравья:

**По коре сосны шершавой
Муравей ползет на небо.
У сторожки обветшалой
На крылечке крошки хлеба.**

Продолжим упражняться в применении рецепта — в зарисовках Алексея Полуботы. Березки произрастают и в стихотворении о Соловках:

**Утихает в сердце ветер хлесткий.
За дерзання, Господи, прости.
Низкие согбенные березки,
Словно сестры на моем пути.**

И в зарисовке про самосожжение:

**Померкло золото берез.
И гладь реки блестит суровой.**

* Все тексты здесь и далее процитированы по материалам сайтов «Российский писатель»: <http://rospisatel.ru/gazeta.htm> и «День литературы»: <https://denlitteraturi.ru>

**К воде прикинув, черный пес
Лакает небо в сгустках крови.**

Да и просто так, чтоб было:

**А в березовых рощах
молодые грибы.
Как хотелось бы проще
в этой жизни мне быть.**

В произведениях же поэтов старшего поколения береза, становясь символом величия России, позволяет выйти на более высокую патриотическую ноту — вот, например, стихотворение Николая Беседина, лауреата премии «Российского писателя» в номинации «Поэзия»:

**Опять о древнем ремесле,
О бранном деле вспоминая,
Я приношу поклон земле
И говорю ей:
— Ты святая!
О, сколько лиха пронеслось
Над ветровым твоим раздольем,
А все не меркнет свет берез,
И не скудеет хлебосолье.**

А вот как по тому же рецепту готовит духовную пищу Леонид Петухов:

**Коснусь щекой березки белой,
Рукой нательного креста,
И, чтобы мир осатанелый
Меня своим считать не стал,
Шепчу молитву Богу неба:
«Прости нас, Господи! Спаси!
Большой любовью! Малым хлебом!
И правдой праведной Руси».**

Словом, в эту игру можно играть еще долго... Кстати, ничего не имею против берез, осин — деревья прекрасные, и стихотворений про них немало написано хороших, даже гениальных. Но в приведенных произведениях зачастую можно было бы подставить название любого другого растения — главное, чтобы укладывалось в размер! — и мало что изменилось бы.

Необязательность поэтического образа, использование его для демонстрации принадлежности к определенной литературной традиции — действие скорее политическое, нежели поэтическое. Даже эпитеты рядом с многострадальными березами повторяются из стихотворения в стихотворение, будто так должно быть и по-другому писать просто нельзя. А ведь это поверхностное поэтическое впечатление, первое, что приходит на ум из предыдущего опыта чтения.

Растительная математика не допускает вариативности: другими деревьями процитированные поэты в своих подборках почему-то вдохновиться не могут. А чем им не угодила, скажем, пихта? Или вот лиственница — чем не поэтическое дерево?

Но, как заявляет в одном из стихотворений А. Полубота: «Теперь я русский человек, / До основанья русский!» И, судя по этим подборкам, у поэтической русскости, заявленной здесь, есть строго определенные переменные.

Уже слышу возражения: да цитаты же просто вырваны из контекста, так можно любого поэта «разложить»! Но попробуем сыграть в знакомую игру со стихотворениями «тихих» лириков — ничего не получится...

У Владимира Соколова — сильный визуальный образ, образ времени, формальная находка составной рифмы, легко считываемая литературная отсылка:

**Знай, черный ворон каркает в лесу.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Поскольку плохо, видимо, воспитан.
Сосну заденет, мглой веков пропитан,
Сосна роняет иглы и росу.**

В сюжетном стихотворении Анатолия Жигулина береза становится символом победы жизни над смертью, природы — над топором:

**Береза старая жила,
Упрямо почки распускались.
На ветках мертвого ствола
Сережки желтые качались!..**

**Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить цветами
После смерти...**

У Николая Тряпкина березовая роща — пространство детства, место, куда всегда можно вернуться и почувствовать себя настоящим человеком:

**Промчатся года лихолетий,
Развеется пепел и дым,
И снова мы выйдем, как дети,
К березовым рощам своим.**

А в хрестоматийном стихотворении Николая Рубцова простыми словами выражено общее чувство — ностальгии, тоски по дому, любви:

**Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.**

Ни у кого из современных классиков русские деревья не выступают в качестве идеологического костыля, ведь поэтический образ всегда обоснован, неслучаен, не разнимаем, а когда он всего лишь фрагмент рецепта — это сразу видно.

Поэтический конкурс к 75-летию Победы

В год 75-летия Победы пространство «Российского писателя» и «Дня литературы» заполнили подборки на военную тему. Это нормальная практика, обычно к знаменательной дате журналы формируют специальные номера, а сайты публикуют ряд тематических материалов, но в

этом году юбилейных текстов на «РП» и «ДЛ» было столько, что создалось впечатление, будто проводится какой-то конкурс наподобие школьного (коих по всей стране в этом году тоже было достаточно), где заданы условия и номинации, а ты должен «встроиться» в одну из них.

Дети чаще всего пишут стихи на эти конкурсы специально, и для них это оказывается крайне полезно: в процессе школьники начинают интересоваться своими предками-героями, собирают информацию, глубже погружаются в историю Победы. Но одно дело — дети и подростки, а другое — профессиональные писатели...

Когда берешь большую тему, на которую до тебя уже блестяще высказались предшественники и даже участники событий (Николай Старшинов, Сергей Орлов, Александр Яшин, Ольга Фокина, Юлия Друнина и многие другие), существует одно категорически важное условие — у автора должно быть что сказать. Иначе, в отсутствие художественного высказывания, стихотворение превращается в профанацию и китч.

И раз уж подобие негласного конкурса было, а номинации и условия читателю не сообщили, придется постараться угадать их, исходя из текстов...

Первая и самая обширная категория — случайные слова о великой Победе. Условия: необходимо написать на военную тему произведение, где бы присутствовало максимально нелепое слово и/или словосочетание, заставляющее читателя остановиться и крепко задуматься над стихотворением. Это с успехом удается Нине Волченковой в обширной юбилейной подборке «Солдатам Победы»:

**Колодец, переполненный народом,
Где было много ключевой воды,
В ней болью отдается год за годом,
Как будто новой ждет она беды.**

Крикливая, вызывающая отповедь Европе, США и «гегемонам» не может не вызывать эмоций, в первую очередь отрицательных: подобная спекуляция на теме Победы — оскорбительна. Это девальвация памяти и неумелая софистика в духе современного телевидения, которое, к счастью (или к сожалению?), с поэзией ничего общего не имеет.

Процитированное выше, конечно, гиперболизированный вариант общей тенденции, но в целом знаки отличия примерно те же: сниженная лексика в соседстве с высокой, косвенные или прямые угрозы типа «можем повторить», сопоставление Великой Отечественной войны с современными войнами «духа и воли».

Еще один выразительный пример — стихотворение уже упоминавшегося Леонида Петухова «Мы»:

**Мы все — солдаты в сей войне,
И от нее не прячем лица.
Мы служим собственной стране,
А не банкирам заграницы.**

**Мы устоим в любом бою,
Коль честь и родина за нами.
Мы строим храм в родном краю —
Ведь дух победы зреет в храме.
<...>**

**Пусть не надеется жулье
Пленить нас в западном загоне.
У нас призвание свое,
Оно в Христе, а не мамоне.**

**Во славу Бога и любви
Нам не впервой за правду драться.
Живи, страна моя, живи,
Чтоб побеждать и возрождаться!**

...Между прочим, в том же «Русском писателе» есть замечательный материал, заботливо и умно составленный редактором: «Современные русские поэты о Великой Отечественной войне». Подборка состоит из двух частей: в первой помещены стихи уже ушедших от нас писателей (в том числе — Анатолия

Передреева, Сергея Орлова, Александра Твардовского, Алексея Прасолова, Юрия Кузнецова и других), а во второй — по одному-два стихотворения современных поэтов. Подборка гармонично организована, и это достойная памятная публикация.

Но обрамлявшие ее многочисленные беспомощные потуги некоторых авторов Союза писателей России снова навели на мысль о предопределенности: настоящий, дескать, патриот должен делом (а в данном случае слово — дело) доказать, что он гордится Победой. Изюм всех сил...

Россия — мессия

Еще одна частая форма выражения современной патриотической лирики сходна с той, о которой шла речь выше, — я имею в виду так называемое «чужебесие», которое толкает поэтов на смелые литературные заявления.

Сейчас, когда информационное поле превращается в единое масскультурное пространство, проблема сохранения языка и самобытности русской литературы стоит как никогда остро. Популяризация творчества наших великих писателей, глубокое его изучение, опора на их достижения в собственных художественных работах и общественной деятельности (ведь читателя сейчас нужно завоевывать, идти к нему после десятилетий постмодернистского уныния и бессильной художественной рефлексии и вновь возвращать доверие к литературе) — вот насущные задачи, которые стоят перед писателями.

В гипертрофированном варианте это стремление к сохранению и преумножению трансформируется в агрессию и возвеличивание себя за счет унижения других. В результате исторически обоснованная идея русского почвенничества деградирует в оголтелый квасной патриотизм, о котором потом столь же радикально настроен-

ные критики восторженно пишут: «Такие писатели, как он, в XXI веке продолжающие традиции наших великих классиков, свидетельствуют перед Богом о том, что Русь Святая жива. Жива даже сегодня под слоем либерально-демократической грязи. Жива, как святая икона под слоем копоти. Стоит только смыть этот чужеродный слой, и Россия засверкает Божественными красками Святой Руси». Это выдержка из статьи об одном из процитированных ранее авторов, Леониде Петухове.

«Чужеродный слой», «либерально-демократическая грязь», «слоем копоти», «продолжающие традиции наших великих классиков»: да, именно так это и воспринимается — как борьба не на жизнь, а на смерть, сражение за родные иконы. На поэтическом поле ведутся боевые действия, но их методы часто выходят за рамки художественного вкуса — наверное, это, как и многое другое, от горячий убежденности и страстной веры в свою страну, но все же, все же, все же...

Так, в своей до крайности злободневной подборке «Чтоб вешнее являлось миру слово» в «Дне литературы» Елена Иванова-Брянская пишет:

**С Америкой по-рабски заодно,
Европа шлет нам оплеухи санкций,
Мечтая видеть, как идет на дно
Корабль российский.**

Только не дожидаться!

**И глад и мор — все вынес наш народ,
Снесет и ложь клеветников спесивых.
Как духа всепланетного оплот,
Господь, в веках благослови Россию!**

Перед нами снова затасканный рецепт построения якобы патриотического стихотворения: в начале пнуть америке-европы, а завершить на высокой ноте богоизбранности. Вообще, привлекать Господа в качестве обоснования своей

правоты для иных поэтов — давняя привычка. Вот Игорь Тюленев вначале хоть и резко отзывается о соотечественниках, однако в конце со страной примиряется — правда, не без помощи третьих сил:

**Морсит. На сердце сыро.
Клапана шумят в груди.
Выйдешь в двери — там Россия,
В оба на нее гляди!**

**В клоунаде вражбых шмоток
Вдруг заметишь нашу рвань...
Через поле — самородок,
Через десять метров — пьянь.
<...>**

**Из эфирного тумана,
Русь, явьсь передо мной!
И любима, и желанна,
Потому что Бог с тобой!**

Да уж, клапана в груди так и расшумелись... В этой же подборке у Тюленева есть любопытное и во многом симптоматичное стихотворение «Иосиф Сталин»: во-первых, оно уже обыденно начинается с указания на виноватых (здесь — либералов), а во-вторых, представляет нам Иосифа Сталина как выразителя православной миссии России:

**Молчите, Самарканд и Мурманск,
Санкт-Петербург и Ленинград!
Два монстра — либерал и тупость,
Отчизну превратили в ад.**

<...>

**Он — смертью смерть
поправший Сталин,
А не Хрущев или Помпей.
Он из гранита, не из стали,
Осколок родины моей.**

**Он Кремль подпер хребтом Кавказа,
Сжал бури и шторма в горсти!
Он был Москвой миропомазан,
Чтоб Царство Русское спасти.**

Игорь Тюленев совсем не одинок в своей оценке исторической роли Иосифа Виссарионовича — Борис Орлов, напри-

общего с настоящим духовным чувством, всего лишь еще одна из составляющих современного усредненного «патриотического» стиха.

Калейдоскоп драгоценных отзывов

Мы рассмотрели лишь некоторые смысловые и формальные штампы, типичные приемы стихослагателей, публикующихся в «Российском писателе» и «Дне литературы». В совокупности они складываются в социальное явление: имеют четко выделенную аудиторию, общественный контекст и свой специфический язык, который воплощается не только в произведениях, но полноценно бытует и в комментариях на сайте «Российского писателя», составляющих отдельное пространство мысли и чувства.

Читатели (они же писатели) на портале обычно не скупятся на похвалы. Одной из самых высоких оценок является указание на патриотичность произведения: *«Высокие стихи! Велик накал патриотических чувств и гражданской ответственности. Зовущие и увлекающие вперед. Поднимают в атаку! Благодарность сердечная автору и пожелание всего самого доброго и светлого в дальнейшем пути!»* (Юрий Павлов).

Далее — на русскость как самого стиха, так и автора, его написавшего: *«Без сомнения, они (стихи. — Я. С.) написаны исконно русским человеком, который великолепно поэтическим слогом, рассказал о своей любви к родине»* (Ирина Каланчина).

Рядом — на «продолжение традиций классической русской литературы»: *«Поэт видит тайные силы, от которых Титаник-Россия “переломилась уже”. На “русском перепутье” в трещинах, разломах, окопах “душа израненной земли”. Классическая куль-*

тура стихотворений, классическая традиция высокого лиризма отражена в природе “крепких вещей” Скифа. Игла-мысль пронзает мировую и отечественную историю. Она свыше, но свершает земное дело русской жизни» (Валентина Козырева).

Ну и не зря же комментарии пишут писатели — отзывы наполнены пышными метафорами и аллегориями, правда, чаще всего неловкими: *«Таких стихов я у тебя еще не читала, Валечка! Строки подобны волшебным стежкам на канве поэзии»* (Анна Токарева); *«Но и трудно удержаться от слов искреннего восхищения. Хотя, честно говоря, даже не ведаешь, как охарактеризовать вот это грандиозное, рваное и красное — от крови сердца и слез души — полотнище с так трудно найденными нитью и иглой для шивки»* (Владимир Плотников). Встречаются и другие, не менее «драгоценные»: *«Таких хрустальных строк в подборке Василия Ивановича — немало. И никакие комплименты не отразят их глубину. Остается поклониться автору за верность своему сердцу, уму и высокому ремеслу Поэта»* (Валентина Коростелева); *«...меня почему-то более прочего удивляет сама словесная ткань — она настолько цельная, естественная, тонкая, что создает впечатление струящегося драгоценного шелка»* (Анна Ретеюм).

Специально не указываю подборки, к которым написаны комплименты, так как комментарии практически универсальны. Читаешь все эти возвышенные слова и удивляешься — единству писателей, их вниманию друг к другу, крепкой литературной дружбе: Союз же все-таки! Ну да, патетично и делано, зато, быть может, есть во всем этом душа? А потом настанет пасмурный день... И кого-нибудь под какой-нибудь из публикаций поругают, да еще как, а автор ответит. И тогда — тушите свет...

Вот Наталья Радостева публикует типичную для «РП» подборку, в которой сплошь — такие строки:

**Коли ватницей окликнут —
Усмехнусь и отзовусь.
В сердце памятник воздвигнут.
И надписан кровью: «Русь».**

**Столько выдалось напастей,
Что пора народ свистать.
Я потребую у власти
В паспорт «Русская» вписать!
<...>
Кто волчица, кто орлица,
Кто очковая змея.
Ну а я парю Жар-птицей
К изумленью Бытия.**

И тут посреди обычного: «теплые, светлые, русские, талантливые» — некая Евгения пишет: «Согласна с Любовью Берзиной, что в стихах Радостевой чувствуется разухабистость и еще виден уровень скороспелой художественной самодеятельности. Стихи похожи на барабанный бой: много шума, и в нем прячется плохое владение языком». К ней подключаются остальные, Радостева всем гневно отвечает, баталия затягивается на восемь страниц. В конце концов доходит до того, что поэт принимается анализировать количество отрицательных и положительных комментариев к собственной публикации: «15 (ПЯТНАДЦАТЬ в 17 комментариях) ОТОЗВАЛИСЬ о стихах ПОЛОЖИТЕЛЬНО, подавляющее большинство — пространно раскрывая и обосновывая свое одобрение и желая мне всего доброго. Все 15 — не таясь, ПОД СВОИМИ ИМЕНАМИ. В общей сложности на 19 + Я (в т. ч. на мои “кофе-паузы”) пришлось 56 ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ КОММЕНТАРИЕВ. <...> Судя по тому, что мои ответы всей этой двадцатке составили всего 22 — на их долю пришлось

62 (140 – 56 – 22) комментария!!! И НЕУЖЕЛИ ЭТО БЫЛА КРИТИКА стихов??! Наверно, по буквам раздербанили?! ДА КАБЫ!!!)) Из 62 — бестактных, хамских, неадекватных, провоцирующих меня комментариев, ПОПЫТКИ КРИТИКОВАТЬ стихи СОДЕРЖАЛИСЬ ВСЕГО в ШЕСТИ. Повторяю: Именно ПОПЫТКИ (об этом отдельно). И, всего — в 6! При этом, из 6 ТОЛЬКО 2 комментатора были ПОД РЕАЛЬНЫМИ ИМЕНАМИ. Э-КО-Е великое количество (про качество разговор отдельный) попытаться новенькую уесть да создать ВИДИМОСТЬ осуждения!))».

Красноречивый подсчет голосов в свою пользу, истерический капслок, улыбочивые скобочки... Перед нами — обожженное самолюбие, отсутствие культуры интернет-общения, нежелание слышать и слушать. Вот уж великий получается образ русского писателя: сидит и считает положительные и отрицательные комментарии, борется с хейтерами, попивая кофеек...

Или еще пример. Подборка уже упоминавшегося Игоря Тюленева «Зеленые ворота». В ней — такие вот удивительные строки (стихотворение «Сирень-разлучница»):

**— Мы жили, как муж и жена!
Под утро сказала она.
И чай принесла... А сирень
Из комнаты видно моей.
<...>
Да это не створки — сирень! —
Но мне объяснять было лень.
Я вышел курить на крыльцо —
Сирень мне уткнулась в лицо!**

Или даже такие:

**Нам твоей кровати было мало —
Мы слетали на пол, как с коня!
Дом твой, как хоромы князя Мала —
Что княгиня Ольга сжечь должна!**

И не сказать, чтобы нам хотелось это знать, но сказанного не воротишь... Ну и, как водится, Сэда Вермишева робко пишет: «*Стихи Игоря Тюленева — как бьющий из-под земли горячий источник*». А потом начинается великая битва за признание мастерства. Дамы нападают: «*Вот и пишет “сукин сын”, захлебываясь “пещерными страстями” о том, как ящер сглатывает слюны, глядя на длинные ноги “бабы”, торчащие из кабинки канатной дороги, о падении с постели, как с коня, о сплетении языков в городской толпе, о щипках, которыми вырывает с криком свою избранницу из глубин мирового дна...*» (Анна Токарева). Задают компрометирующие вопросы: «*Меня давно занимает вопрос, как этот графоман с базарной лексикой оказался в Правлении СПР, и кто его крестные папы?*» (Нина Бойко).

Игорь Тюленев отвечает на уровне, приличествующем русскому писателю, который по случаю все время напоминает в своих стихотворениях: «*Ну хватит скрываться — я русский!*»: «*Не грустите мадам, а лучшие мужика найдите*)))»; «*Как там говорится. Англичанка — гадит! А у нас нинон — гадит! Нинон, не завидуй, дольше проживешь! Зависть разрушает организм! Ты, как медсестра это знать должна хотя и на пенсии*)))».

...Двести двадцать с лишним комментариев, наполненных внутренними разборками и несимпатичными выкриками, — вот он, настоящий русский литературный ад, в котором писатели оказываются ничем не лучше комментаторов с сайта «Сплетница». И это — на фоне разговоров о патриотизме, России, высшей миссии!

* * *

Безмерно грустно и обидно, что литераторы, называющие себя наследника-

ми великой традиции Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Анатолия Передреова, Валентина Распутина, Василия Белова, Федора Абрамова, Вадима Кожинова, Юрия Селезнева, Михаила Лобанова и других наших гениев, — демонстрируют такой морально-нравственный и художественный уровень. Системой «маячков» прикрывается художественное малокровие. Читателя будто пытаются убедить, что литература — это набор минимальных политических и эстетических характеристик: если произведение им соответствует, то оно уже может считаться состоявшимся. Но недостаточно просто написать на определенную тему с выбранной позиции, используя круг известных образов. Все это, пусть даже вместе взятое, не заменяет качество, не делает стихи поэзией.

Молодежь часто критикуют за отсутствие интереса к современной литературе. А вот зайдет молодой человек в поиске литературных впечатлений на сайт — сначала прочитает левой ногой написанные стихи про березу, кривые вирши про Победу, истерию про гегемонов, а потом дойдет до комментариев... И не успеет он найти замечательные статьи Вячеслава Лютото, самобытную прозу Владимира Крупина, талантливую подборку Светланы Сырневой — просто уйдет с сайта, ну или, может, потом покажет друзьям, они вместе посмеются. Кстати, этому я не раз была свидетелем в собственном институте, когда начинающие писатели делали первые шаги в литературе и искали темы для своих учебных работ.

Если мы так пишем про Родину, находясь в ее литературных пределах, то мы вредим будущей России и лишаем ее читателя. С большим успехом приходит большая ответственность, но кажется порой, что наследники успеха своей ответственности перед литературой совсем не осознают...

Андрей КУЗНЕЦОВ

УЛТИМА ТИУЛЕ ЮРИЯ ШАХОЯНА

Какое бы сочетание букв, например: дхумрлчдй — я ни написал, в божественной Библиотеке на одном из ее таинственных языков они будут содержать некий грозный смысл. А любой произнесенный слог будет исполнен сладости и трепета и на одном из этих языков означать могущественное имя Бога.

Хорхе Луис Борхес

Юрий Шахойн — художник большого диапазона и разнообразных интересов: он работает как скульптор и керамист, он делает вещи, которые невозможно вписать в определенные жанровые рамки, создает объекты и монументальные композиции, но для меня, как и для многих любителей искусства, он особенно интересен как ювелир.

Нужно сказать, что ювелирное искусство сейчас переживает расцвет: появились как ценители, увлеченно коллекционирующие «ювелирку», так и множество мастеров, работающих в самых разных стилях. Ювелирное искусство, как и искусство высокой моды, с одной стороны, сугубо утилитарно; оно «телесно», очень тесно связано с индивидуальностью обладателя и в какой-то мере служебно, ведь украшение — это вещь, деталь. Но, несмотря на прикладной характер, уникальные украшения, созданные по законам большого искусства, всегда выпадают из «потока» и тиража, они не связаны с сиюминутной модой и могут быть чем-то большим, нежели простой аксессуар.

Шахойн во всем стремится избегать стандарта и банальности — и в композиции, и в образности. Каждая его вещь — это результат уникального эксперимента.

В искусстве главное — «голос», интонация, эффект присутствия, а основная

масса украшений, создаваемых ювелирами, — это нечто тиражное, массовое и обезличенное.

Но когда уникальная интонация художника оказывается созвучна самоощущению обладателя, его индивидуальности, ювелирное искусство обретает смысл. Произведения ювелирного искусства обладают особым качеством еще и потому, что металл и камень, кость и дерево — материалы, обладающие самой разной фактурой и «теплотой», — как бы резонируют с человеческим телом, соединяются с ним, дополняют его. Без этого контакта украшения мертвы.

Почерк мастера всегда неповторим и безошибочно узнаваем по тому, как он трансформирует и соединяет эти материалы в тактильный ансамбль. Самое первое впечатление от работ Шахойна многие зрители описывают как эстетический шок: ничего подобного я не видел и ни к чему похожему не прикасался. Брутальная сила, ощущение которой рождают эти небольшие вещи, заставляет память искать аналогии, но прямые прообразы найти невозможно: мир Шахойна — это не сборник прямых цитат.

Приемы обработки материалов и формы его украшений вызывают массу ассоциаций с самыми разными предметами — от фибул времени Великого

переселения народов и окладов древних армянских евангелий из Матенадарана до деталей паровых котлов и лабиринтов микросхем. В них чувствуется фантазия и опыт, культура и чувство — то есть все то, что отличает глубокое искусство от поверхностного украшения.

Все ювелирные вещи создаются для людей, но не часто сталкиваешься с таким любовным отношением к материалу, качеством исполнения и вниманием к человеку, который будет носить эти кольца и подвески, практически сделав их частью себя...

Вещей, созданных Юрием Шахояном, хочется постоянно касаться, гладить их, трогать — с точки зрения исполнения они безупречны. Но материя сама по себе не способна стать украшением. Мастер показывает возможности металла, дерева и камня с помощью художественного метода, а цель его — раскрыть потенциал материалов в формировании образа, ведь именно образ объединяет все элементы художественного произведения в новую целостность. Шахоян — «златокузнец», его приемы (холоднаяковка, текстурирование, клепка), подчеркивающие красоту и «вещность» металла, дерева и камня, — древние, «допотопные». Юрий любит и умеет соединять близкие по цвету, но совершенно разные субстанции — драгоценное золото, не подверженное влиянию времени, и патинированную латунь, речную гальку и алмазы. Мастер бережно сохраняет переживаемое любым творцом ощущение первоматерии, в которой сливаются все стихии и начала и еще нет разделения на «небо и землю»...

Основа языка художника — в соединении выразительной формы и внутренней идеи (концепта), а прямая изобразительность и натурализм — начала второстепенные.

Образный язык Шахояна преодолевает косность вещества и одновременно раскрывает возможности материи — а это признак искусства. В том, что он делает, много импровизации, его работу

можно сопоставить с классическим японским литературным стилем («вслед за кистью») или с современным графическим методом «freehand».

У Юрия Шахояна есть своя философия материала, он создает свою мифологизированную иерархию субстанций. В металле он видит образ первовещества, алхимической *materia prima*, из которой можно сделать все; бронза или латунь (основная «субстанция» его украшений) становится в руках мастера и грубо-мужественной, и девически-утонченной. В одной и той же вещи металл может напоминать стальную броню или становиться похожим на ткань или кожу. Текстура — основной прием работы мастера с металлом. Благодаря неповторимости текстуры аморфная природа металла становится подобна воде или поверхности зеркала, которая несет и сохраняет неповторимый образ. Текстура, отпечатанная на металле, подчеркнутая патинированием и полировкой, — главный тактильный козырь Шахояна. С помощью искусно обработанного металла мастер создает базовую гамму впечатлений и ощущений, но металл в его произведениях часто — конструктивный фон. Главный акцент, ключевое звено в ансамблях Шахояна — кость и камень.

Камень для художника — живое начало, противоположное податливому и аморфному металлу, иногда он «прорывает» бронзовые пластины, как скорлупу. Если металл — это холст, воплощение поверхности, носитель случайных трансформаций, то в камне, наоборот, художник видит воплощение закономерности и глубины. Камень — материализованное, сконцентрированное время. Процесс. И в гальке, и в бриллианте главное — неповторимость структуры, осмысленной художником как результат созревания и позволяющей увидеть в минерале сходство с тканью организма. Камень уникален. Но он всего лишь — часть, в малой частице камня содержится целое — необозримый мир геологии, мир почти бес-

конечных длительностей, огромных давлений и крайних температур.

Камень у Шахояна часто лишен огранки, он либо первозданно дик, либо обработан полировкой. Мастер любит использовать кабошоны, придающие его вещам архаичный вид археологических находок эпохи Великого переселения народов. Но стилистические ассоциации — не главное. С помощью камней-самоцветов Шахоян включает в свои произведения первозданную силу цвета: красный сердолик, многоцветная яшма, прозрачный аквамарин — все это не просто цветовые акценты, рационально подобранные элементы композиции, они — сгустки усмирной цветовой энергии.

Кость (часто — драгоценный бивень мамонта) — «камень живой» — еще один излюбленный материал, используемый Юрием Шахояном при изготовлении украшений. Под рукой художника кость становится скульптурным материалом. Мастер подчеркивает органическую природу кости, она — зримый образ роста и развития. Одно из основных свойств кости, как и дерева, — теплота. Живая фактура резаной кости — важный элемент композиций мастера. Кость имеет поверхность и глубину — Шахоян любит работать с различными слоями мамонтового бивня, контрастно сопоставляя коричневатую поверхность кости и ее глубинные слои. Кость — вещественное проявление жизни, так же как и маслянистое, богатое по цвету экзотическое красное дерево. Шахоян работает с деревом весьма разнообразно: он то состаривает его и покрывает патиной, то полирует до блеска, добиваясь пластического эффекта и игры фактур.

В разнообразии материалов, используемых мастером для создания своих ансамблей, можно увидеть нечто большее, нежели набор формальных приемов, — Юрий Шахоян сознательно выстраивает некую натурфилософскую иерархию, ступени которой соотносятся с разными царствами: от минерального через расти-

тельное — к животному. Дерево и кость принадлежат высшей ступени этой восходящей лестницы, они — материальные свидетельства жизни. Художник, соединяя в своих вещах частицы всех царств (от животного до минерального), тем самым сохраняет их от разрушения. Осознанно или бессознательно, но Юрий Шахоян создает фантастический палимпсест и из разновременных «культурных слоев» — предельная архаика обобщенных форм соседствует с хитросплетениями, достойными биомеханических фантазий Гигера, северные мотивы переплетаются с восточными...

Вещи Шахояна словно созданы в некоем вымышленном Вавилоне — месте смешения языков и времен — или в полумифической северной Thule. Соединение культурных аллюзий в парадоксальное целое, которое больше своих частей, — самая яркая черта стиля Юрия Шахояна, но при всей своей мозаичности вещи художника органичны и честны, в них нет постмодернистского притворства.

Один из любимых предметов, к которым мастер постоянно обращается, — браслет. Шахоян превращает свои браслеты в своеобразные полиптихи — сложносоставные композиции, где сочетаются самые разные материалы. Кольца — еще один любимый мастером тип украшений, в которых он стремится к созданию чрезвычайно цельного скульптурного образа; а отдельный уникальный тип украшений, который особенно впечатляет, — подвески. Фактически это миниатюрные скульптуры, или ассамбляжи, образы которых никогда не повторяются.

На границе ювелирного искусства и скульптуры Юрий Шахоян создает свои известные «доски» — рельефные композиции, в которых дерево и металл играют ведущую роль. Красота всех этих предметов утверждает некую вневременную «чуждую реальность», и кажется, что герои рассказов великого коллекционера образов Хорхе Луиса Борхеса могли бы забывать их среди книг Вавилонской библиотеки...

АВТОРЫ НОМЕРА

Алейников Владимир Дмитриевич родился в 1946 г. в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Работал в археологических экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер литературного содружества СМОГ. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии Андрея Белого, «Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка», других литературных премий. Член ПЕН-клуба. Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века. Живет в Коктебеле.

Делаланд Надя родилась в 1977 г. в Ростове-на-Дону. Окончила филологический факультет Ростовского государственного университета, докторантуру Санкт-Петербургского государственного университета. Работает в книжном интернет-магазине Book24, ведет семинары по литературному мастерству. Автор четырнадцати поэтических книг. Лауреат и финалист ряда литературных премий. Живет в Москве.

Жамбалова Елена родилась в 1986 г. в пос. Балахта Красноярского края. Окончила филологический факультет Бурятского государственного университета. Публиковалась в журналах и альманахах «Байкал», «Сибирские огни», «Иркутское время», «День поэзии» и др. Лауреат литературной премии «Лицей». Живет в с. Эрхирик Заиграевского района Бурятии.

Корниенко Игорь Николаевич родился в 1978 г. в Баку. Работал в СМИ г. Ангарска. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь» и др. Автор двух книг прозы. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Ангарске.

Кузнецов Андрей Александрович родился в 1975 г. в Новосибирске. Учился на филологическом факультете НГПИ, затем — в Новосибирской архитектурно-художественной академии. Преподаватель Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, автор статей о новосибирских художниках. Живет в Новосибирске.

Куницын Георгий Иванович (1922—1996) родился в д. Куницыно Иркутской области. В июне 1941 г. окончил в Киренске среднюю школу № 1 с золотой медалью. Доброволец, участник Великой Отечественной войны. Стал кандидатом в члены ВКП(б) в 1942 г. под Сталинградом, а в 1943 г. на

Курской дуге вступил в партию. Четырежды ранен, награжден боевыми орденами и медалями. Окончил с отличием исторический и филологический факультеты пединститута (Тамбов), Академию общественных наук при ЦК КПСС (Москва). В 1961—1966 гг. работал в отделе культуры ЦК КПСС, в 1966—1968-м — в газете «Правда». Был снят с руководящих постов за отказ проводить репрессивную идеологическую линию партии в отношении творческой интеллигенции. Кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор ГМПИ им. Гнесиных и Литературного института им. А. М. Горького, академик РАЕН, автор нескольких монографий и многих статей. Член СП СССР, член Союза кинематографистов и Союза журналистов СССР. Отец четырех сыновей. Похоронен на кладбище в Переделкине.

Ливинский Станислав родился в Ставрополе. По образованию фотограф. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссером. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Юность», «Знамя», «Дружба народов», «Сибирские огни» и др. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса. Автор книги стихов «А где здесь наши?» (2013). Живет в Ставрополе.

Петрова Валентина Николаевна родилась в 1988 г. в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Работает журналистом, редактором. Публиковалась в журналах «Сеанс», «Ното Legens», «Сибирские огни». Живет в Москве.

Полиновский Леонид Александрович родился в 1939 г. в Новосибирске. Окончил Томский политехнический институт. Работал на кафедре теоретической механики Сибирского государственного университета путей сообщения. Живет в Новосибирске.

Прохорова Татьяна Викторовна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей». Живет в Новосибирске.

Сафронова Яна Владимировна родилась в 1997 г. в Смоленске. Учится в МГИК по специальности «Литературное творчество». Критические и публицистические статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Москва», «Нижний Новгород», «Подъем», «Роман-газета», «Бельские просторы» и пр. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Долгопрудном.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 20.07.2020. Дата выхода № 8 за 2020 г. в свет 21.08.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.